

Сергей Зыкин

Знатный квест

ИЛЛЮСТРАЦИИ
СЕРГЕЯ ЗЫКИНА

© 2010

d20-фэнтези

Развлекательный роман в жанре d20-фэнтези.

Написан по мотивам настольного приключения, случившегося с автором и его друзьями некоторое время назад. Волею мастера-ведущего попав в тела высокопоставленных особ, игроки с честью несут бремя официоза и с радостью отправляются в странствия по необычному миру. Многие — если не все — события происходят по броску двадцатигранного дайса.

Пролог

Промозглым ноябрьским вечером нет ничего лучше «небольшого приключения часов на двадцать» в компании друзей. Собравшись вчетвером во свояся любимого мастера, мы расселись вокруг большого стола. Напитки в кружках, мозги переходят в форсированный режим, личные дайсы-двадцатигранники согреты теплом рук.

Мы начинаем.

Глава первая

«Лишь зелёная карета»

В этой главе все куда-то едут и знакомятся сами с собой.

Из-за грани: «Стук-тук-тук... Семнадцать!»

Открываю правый глаз.

И сразу же левый — вроде вокруг безопасно: мягкий свет льётся из окошка слева и освещает жёлто-зелёную шёлковую обтяжку стен, перемежающуюся деревянными панелями не с резными, а словно бы выращенными узорами.

«Вот это зрение! Прощайте родные минус два!» — проносится в голове.

Следом включается слух: стук копыт, какой-то бесящий звон, едва уловимые скрипы и чьё-то глубокое и напряжённое дыхание...

Что ж — я еду точно в карете, явно эльфийской, вместе с...

Да, логично — с девой из светлых эльфов: точёное, изящное лицо, миндалевидные глаза цвета небесной лазури широко распахнуты, сквозь платиновый блонд сложной причёски, увенчанной сияющей диадемой, проглядывают едва подрагивающие кончики острых ушек. Тонкие кисти рук чуть нервно поглаживают подол простого, но невероятно эффектного платья из шёлка желтого и зелёного оттенков, плавно перетекающих друг в друга в узорах из растений и цветов. Всем своим видом знатная леди излучала сдерживаемую нервозность.

«Таааак, хорошо, ну а я сам-то кто буду нонеча?»

Кисти рук сильные и ловкие даже на вид, но... Чёрно-фиолетовая кожа и матово-обсидиановые ногти!

«Ух ты, ух ты!»

Взгляд в окно — и в отражении тёмный эльф, чудо какой красавчик! И даже краснющая радужка слегка раскосых глаз и алые до кармина волосы не портят портрет, но лишь добавляют харизмы и притягательной загадочности.

А вот шутовской наряд в клеточку из зелёного, м-мать его, и жёлтого шёлка и, особенно, дурацкая шапка с рожками и немилосердно звенящими на грани слуха бубенцами очень портят! И, помимо моей воли, будят глухое раздражение!

«И это бросок на семнадцать? Вот свезло, так свезло! Так, а это что?»

Густо-бордовый высверк в оконном отражении ловит мой взгляд: серьга-капля в левом ухе не просто бросает блики от солнца, но, кажется, сама слегка светится и переливается, как ярко рдеющий уголь.

Из глубин души доносятся волны мягкого тепла и узнавания, внимание само полностью сосредотачивается на завораживающей пульсации света серьги, кажется, растущей прямо из мочки моего уха. И...

Из-за грани: «Стук-тук-тук... Двенадцать!»

...я проваливаюсь в медитативные глубины памяти.

Памяти Таора — полудемона, старшего сына-по-закону Владыки тёмных эльфов ...

«Так, у меня уже вопросы!»

...подаренного Владыкой принцессе светлых эльфов в качестве шута...

«Вообще отлично! Разумных дарить! Какой чудесный мир!»

...для негласной охраны и пристального наблюдения!

«Ооо! Интриги-скандалы-расследования! Всё как я люблю!»

Тут карету качнуло сильнее обычного, клятые бубенцы звякнули особенно задорно, и я выпал в настоящее. В котором принцесса светлых эльфов уже совершенно спокойно смотрела на меня, словно чего-то ожидая.

— Пошутить Вам про что-нибудь, Ваше Высочество? — спросил я мягким тоном и улыбнулся со всей доступной мне услужливостью.

«Н-да, зря я сказал про спокойствие! Вон — глаза снова распахнулись, и ушки затрепетали!»

— Жак?! — удивлённо протянула принцесса.

«Оба-на, а вот и ещё свои! Интересно, а кого в неё закинуло — Цапля или Анаис?»

— Таор, Ваше высочество, — поправляю я, рисуя пальцем по полу: «Цапля?»

Эльфийка медленно моргает, кивает и порой глубоких вдохов возвращает внешнее спокойствие.

«Хух, повезло! Света умеет в светлых эльфов, и спалиться на мелочах мы не должны. Вот только зовут-то её как, а?!»

Что ж, пока сознание усиленно потрошит память Таора на предмет имён и лиц, обращаюсь к физике. Тёмный эльф мне достался знатный: ладная и поджарая фигура тренированного юноши, мягкая и спокойная грация уверенных движений и коса — больше метра туго сплетённых волос карминовых тонов, отягчённые лезвием тёмного, почти чёрного металла, скрытым в самом конце хитрого плетения.

«Интересно, а что это тело... м-м, моё тело может?»

Из-за грани: «Стук-тук-тук... Двадцать!»

И тут на мизерном пяточке пола кареты тело послушно, буквально само выдало стойку на руках, да ещё и опираясь лишь на три пальца на каждой руке. Причём перетёк я прям из положения сидя, не только не задев ничего вокруг, но и совершенно бесшумно. Даже бубенцы не шелохнулись!

А в глубине памяти проскрежетал голос, подобный ледяному граниту: «Ты жив, покуда незаметен, как скальный кот в ночи, и тих, как змея в атаке!»

Продолжив испытывать ловкость тела, убедился ещё и в силе, и в выносливости: многочисленные тишайшие кульбиты в резко ограниченном пространстве вообще никак не сказались ни на дыхании, ни на усталости тела, лишь чуть чаще застучало сердце.

Всласть накрутившись под слегка ошеломлённым взглядом принцессы, я аккуратно уселся на диванчик напротив неё и ещё раз очень внимательно огляделся.

Всюду зелень и желток, шёлк и дерево, мягкие тона, растительные мотивы и узоры. И с трудом замечаемая лишь пытливым взглядом лёгкая небрежность: едва торчащая ниточка обивки сидений, чуть пыльный потолок, слегка отстающий от креплений лючок в немного вытертом полу.

«А что у нас под этим люком?»

Из-за грани: «Стук-тук-тук... семнадцать!»

А там — две бутылки зелёного стекла, не менее зелёные яблоки и виноград, и явно сыр — тоже зелёный!

«Да сколько можно зелени! Я уже заочно недолюбиваю всех светлых эльфов!»

Ну и самое важно, как водится, на дне: плоская шкатулка черного камня с тремя лепестками пламени в круге, вырезанными на крышке.

Движимый наитием, прикасаюсь к резьбе правым указательным пальцем, ощущаю невесомый укол чего-то очень необычного, отозвавшегося в солнечном сплетении, и шкатулка открывается.

В ней, вполне предсказуемо, свитки, выполненные из некой кожи тончайшей выделки, но очень прочной даже на вид.

«Тааак, надеюсь, читать я умею!»

Из-за грани: «Стук-тук-тук... восемнадцать!»

И да — первый же, особо выделяющийся чернилами с серебряным высверком и снабжённый густо-фиолетовой печатью свиток уставным готическим шрифтом и сухим казённым языком тёмных эльфов сообщает, что: «Держатель и податель сего свитка есть Таор, сын-в-законе Владыки Подземья и Тени Великих Гор Эрра, Первого своего имени. Сей отрок направлен в дар сиятельной принцессе Алуринель в честь подтверждения соглашения о намерениях о сочетании законным браком Владыки и Её Высочества, для увеселения благородной леди и способствования культурному обмену меж двух дружественных рас. Бремя обеспечения ложится на казну Владыки».

Ниже же этот малость абсурдный и явно издевательский указ был продублирован на языке светлых шрифтом, невероятно похожим на вязь побегов винограда и плюща.

«М-да... Читая это, я всё ждал, что личность Таора вспыхнет и выдаст на эмоциях ещё немного инфы, но нет — видимо, всё не так просто. А ещё очень интересно, как и насколько вытянулись лица придворных сановников светлых, когда они прочитали это».

Второй и последний свиток в шкатулке содержал лишь пару фраз на тёмно-эльфийском и был написан твёрдой рукой разумного, знающего цену времени и словам.

«Я знаю тебя, сын. Твоё задание важно, и в твоих силах выполнить его в точности. Будь на высоте, оставаясь внизу. Твой отец, Эрр».

Кроме двух свитков, на дне обнаружилась россыпь монет из светло-серебристого металла с числом 100 на аверсе и профилем властного тёмного эльфа на реверсе. Надпись гласила: «Эрр Первый».

«О, папа! Вот и свиделись в одностороннем порядке. Как бы теперь разобраться в осколках памяти, гласящих, что я некий сын-в-законе, и в записке отца, пославшего меня на миссию с таким неоднозначным прикрытием. То есть — одевайся, сынку, в шута, езжай, сынку, к светлым, весели, сынку, принцессу и глаз с неё не спускай! Так, что ли?..

Выходит, что так...

Внимание, вопрос: и сколько же я провёл, балагурия и наблюдая? И что узнал? И, самое важное, сейчас-то мы куда едем?

Загадка, ребус, крокесворд...

Ладно, будем решать проблемы по мере их обострения!

А пока — установим контакт с принцессой, не допустив проколов, а то ещё бывают следящие заклинание, я знаю — я читал».

— Ваше высочество, сиятельная Алуринель, — мягко обратился я к эльфийке.

— Таор, мы же договорились — в неофициальной обстановке можно проще, — мило улыбнувшись, поправила меня принцесса.

И тут, словно вопль петуха, совершенно неуместной радостью приветствующего раннее утро, снаружи раздалось:

— Ваше Высочество, сиятельная Алуринель! Как Вы и приказывали — остановка! Волшебный родник в нескольких шагах, вокруг безопасно! Можете спокойно проследовать к

нему!

Чуть качнувшись, карета остановилась, а я и принцесса удивлённо уставились друг на друга.

В это время чуть севернее, в предгорьях Великой Тени, навстречу светлым эльфам двигалась целая кавалькада, сопровождающая роскошную в своей практичности и лаконичности карету. И это точно были эльфы — тёмные и знатные.

Во-первых, всадники в доспехах чёрного матового металла рассекали на больших кошках глубоко-фиолетового окраса. Во-вторых, карета так же была из чёрного металла, а украшающие её всего в нескольких местах прозрачные камни с аметистовой искрой внутри явно снижали вес — иначе четвёрка пантер не справилась бы!

Ну и в-третьих — внутри кареты сидели тёмно-эльфийские близнецы: юноша и девушка. Похожие друг на друга, словно две руки одного разумного. Оба невысокие, но невероятно царственные, красивы в своей юности и спокойны, как вершины скал под снегом. И правда — весь облик тёмных эльфов подобен горам, их Родине. И на нём, и на ней — облегающие ладные жилистые фигуры приталенные камзолы, простые на вид штаны и сапоги на тонкой подошве. Вся одежда густо-чёрного цвета, как и едва заметная вышивка по ней, как и узкие пластины матово-бликующего металла, защищающие торс. Венчают же это великолепие сложно заплетённые косы белоснежных волос и тонкие диадемы с тремя прозрачными камнями, едва мерцающими приглушённым светом: густо-фиолетовым у него и тёмно-лавандовым у неё. Как есть горные пики в лучах почти ушедшего светила.

Замерев с прямыми спинами и распахнув глаза, почти не моргая, каждый из близнецов смотрит — не друг на друга, но внутрь собственного я.

Он видит картины прошлого и слышит голос: «Я — Эн, сын Владыки Подземья и Тени Великих Гор Эрра Первого, единовременный брат-близнец Эны. Пятнадцать десятков лет назад я появился на свет вместе с моей сестрой, став причиной гибели нашей матери — прекрасной Элы. Отринув горе, наш отец воспитал нас в спокойной строгости и главенстве ума, но не лишал нас моментов искренней радости и счастья быть крепкой семьёй, заботящейся о каждом её члене. Большую часть своей жизни я иду по пути обоерукого мечника, и с каждым днём, с каждой тренировкой мои скимитары всё ближе к очередной цели — к победе над старшим учителем! А там и до мастера недалеко! Но и остальные науки, хвала Тьме, ложатся в мой мозг не хуже — иначе и быть не может. Будущий правитель обязан знать и уметь всё.

Сейчас же я и моя сестра направляемся на встречу с принцессой Алуринель, будущей женой нашего отца, и нашим сводным братом — Таором. Как же меня удивило, поразило и изумило решение отца не только согласиться на этот политический союз, нужный больше светлым, нежели нам, но и отправить Таора в Светлый Лес шутом. Всегда удивлялся искусённости отца в интригах! Однажды и я достигну его уровня!»

Она видит картины прошлого и слышит голос: «Я — Эна, дочь Владыки Подземья и Тени Великих Гор Эрра Первого и прекрасной Элы. Пятнадцать десятков лет назад я и мой брат-близнец Эн одновременно появились на свет, погубив нашу мать. Преодолев скорбь, наш великий отец воспитал нас в строгой любви и первостепенности разума. При этом жизнь моя и братьев не была всегда похожа на кусок гранита с замороженных вершин, но часто разливалась веселым перестуком задорной капли подземных водопадов шалостей и

проказ, учиняемых то втроём, то порознь! всю свою жизнь я стремлюсь ввысь — к сияющим вершинам совершенного владения разумом и телом. Не только магия Тьмы поддаётся моему упорству и тщательности, но и два кинжала в моих руках с каждым днём всё опаснее и быстрее! Иначе не может быть, ибо однажды я взойду на трон! Пусть не Подземья и Тени Великих Гор, уготованный моему брату, но в Мире есть ещё!

Сейчас мы с братом и в сопровождении лучших мастеров клинка и магии движемся на встречу с принцессой светлых Алуринель и нашим братом-по-закону Таором. Столько вопросов! Какова собой принцесса? Устроил ли Таор, по своему обыкновению, Тьма знает что? И какой же наряд напялили на него эти странные светлые? И, самое главное — для чего же на самом деле нашему отцу всё это? Ещё одна интереснейшая задача от самого строгого и изобретательного учителя — Владыки Эрра, нашего отца!»

И вот взгляды близнецов проясняются, взоры обращаются друг на друга, замечая едва видимую, но такую знакомую мимику, губы каждого расплываются в улыбке повторного узнавания, и каждый едва слышно произносит, больше утверждая, чем спрашивая:

— Настя?.. — шепчет Эн.

— Костя... — соглашается Эна.

Пригасив улыбки, близнецы вновь погружаются в воспоминания.

Поборов удивление, я обратился к принцессе:

— Сиятельная Алуринель, что-то подсказывает мне, что волшебный родник лучше посетить без моего сопровождения.

— Да, Таор, пожалуй, ты прав, — несколько заторможено отвечает светлая и поднимается с диванчика. Оставаясь в карете, открываю ей дверь, провожаю взглядом точёную фигурку.

И очень внимательно осматриваю карету изнутри ещё раз.

Из-за грани: «Стук-тук-тук... одиннадцать!»

Шёлк ненавистных уже оттенков, диванчики, панели с растительным узором...

«Та-а-ак, а что это на диванчике принцессы?»

И впрямь — в затенённом углу, почти сливаясь цветами росписи с обивкой, стоит сундучок странного вида: ни замка, ни ручки, ни явной крышки. Лишь на верхней грани выступает круглый узор, напоминающий одновременно очень сложный цветок и официального вида печать.

«Что ж... Даже не буду пытаться трогать: мало ли как светлые защищают свои секреты. Хорошо, если просто убьёт! А то покрасит в изумрудный — позору не оберёшься!»

Тем временем светлая возвращается и чуть отрешенно говорит:

— Можно продолжать движение.

Алуринель усаживается в карету, я закрываю дверь и вижу, как эльфийка совершенно автоматическим движением прикладывает правую ладонь к печати своего сундучка. Тот мигновение спустя открывается, издав что-то вроде шелеста листвы и журчания ручейка. Принцесса достаёт круглое складное зеркальце, раскрывает его и аккуратно укладывает туда тончайший платочек, с которого падает пара капель едва светящейся жидкости.

«Ага, решила взять с собой воды из своего волшебного родника! Интересно бы знать: зачем?»

Убрав зеркальце с платочком в сундучок и закрыв его, принцесса приняла вид тихой и

кроткой барышни, выпрямившись, сложив руки на коленях и слегка потупив взор, будто снова уйдя в глубины памяти.

С тем мы и покатали дальше, настороженно и молчаливо ожидая следующей остановки.

Глава вторая

Шутить изволю

В этой главе шалость удалась.

Не прошло и пятнадцати минут, как карета вновь остановилась, и уже знакомый голос произнёс куда как более сдержано и с изрядной долей спокойной грусти:

— Ваше высочество, сиятельная Алуринель, мы прибыли! Здесь, на границе Светлого Леса и Тени Великих Гор, мои полномочия заканчиваются, и я обязан передать Вас под опеку Их высочеств Эна и Эны. Они ожидают Вас.

Бросив взгляд в окно, вижу картину встречи, организованную разумным, понимающим толк в безопасности: два десятка всадников на крупных кошках почти чёрного цвета не только хорошо вооружены и одоспешены по максимуму, но и расставлены грамотной рукой в хорошо продуманном порядке — под контролем всё пространство вокруг. Чуть в отдалении — карета, почти полностью металлическая и посверкивающая гранями камней, несущих в себе аметистовые искры. По обе стороны от дверцы кареты — идентичные почти полностью, если б не грудь, тёмно-эльфийские близнецы: уже не подростки, ещё не взрослые. На каждом — строго-пафосные одежды: неизменно чёрные, идеально сочетающие в себе неброскую роскошь и отменную защиту; головы же принца и принцессы с гордостью несут небольшие диадемы с тремя мягко сверкающими камнями каждая. А ровно между двух карет замер тёмный, всем своим видом внушающий не просто опасение, но желание оказаться как можно дальше от него. Во-первых, только видимого острого металла хватило бы на весь отряд: два меча, два кинжала, перевязь с хищно вытянутыми метательными ножами, и даже в косе, почти достигающей земли, что-то опасно поблёскивает! И это только то, что на виду...

«О, а у меня тоже лезвие в косе! Учитель?» — вдруг подумалось мне.

Во-вторых, этот эльф был облачён не просто в доспех, сочетающий в себе металл и кожу, прочнейшую на вид, как и все прочие войны, но каждая деталь несла на себе строгие геометрические узоры, помимо воли притягивающие взгляд.

Ну и, в-третьих, пальцы покоящихся на эфесах клинков ладоней расправлены будто в готовности тронуть некие струны, а воздух вокруг дрожит явно не от жары.

«Ага, магию я тоже вижу, хорошо! Плохо, что я не навспоминал, кто все эти разумные... Ладно близнецы — это, видимо, мои брат и сестра по отцу, командир отряда — учитель и оочень важная шишка... Что ж, вы хотели шута — вы его получите!»

Делаю глубокий вдох, распахиваю дверцу и шучкой ныряю вперёд! Оттолкнувшись руками от каменистой земли, продолжаю кульбит, приземляюсь на одно колено, лихо звякаю всеми бубенцами разом и с радостным задором провозглашаю:

— Её высочество, сиятельная Алуринель, принцесса Светлого Леса прибывает под Тень Великих Гор! Сей день и сей час запомнены будут навечно!

Все замирают. Бросаю аккуратный взгляд вокруг и вижу: только покинувшая карету Алуринель еле сдерживает недоумённую улыбку, сестра чуть приподнимает уголки губ, брат едва заметно щурится, а вот тёмно-эльфийский маг-воин явно не в восторге: слышится его резкий выдох, глубокий вдох и рокочущее грядущим камнепадом тихое «Таор-р-р!..», что на

границы слуха доносится только до меня.

И тут же он глубоким голосом прирождённого оратора обращается к светлой:

— Ваше Высочество, Сиятельная Алуринель, принцесса Светлого Леса! — лёгкий поклон. — От имени Владыки Эрра Первого рад приветствовать Вас под Тенью Великих Гор. Этот миг будет высечен в Граните Памяти Подземья!

— Мы рады приветствовать Сиятельную Алуринель! — хором провозглашают близнецы.

— С сего момента, — продолжает тёмно-эльфийский командир, — я, Онн, глава Внутренней Стражи Дома Владыки, гарантирую Вашу безопасность. Посему прошу Ваше Высочество отпустить сопровождающих: мои подчинённые займут их места. Со всеми вопросами можете обращаться ко мне в любой момент.

— Я счастлива приветствовать вас и благодарна за заботу, — тихо отвечает принцесса.

Всё ещё стоя на одном колене, наблюдаю, как чуть потерянная Алуринель изящным взмахом руки в сторону Леса отпускает четвёрку светло-эльфийских воинов.

«Стоп, что? Дочь главы целого государства сопровождали всего четверо? Светлоухие — гении охраны? Что-то здесь очень не так...»

Воины в зелёном и жёлтом, как на учениях, чётко и быстро распрягают карету, синхронно падают на одно колено перед принцессой и кланяются. После чего взлетают в седла и в считанные секунды растворяются в зеленеющей дали.

В это же время двойка тёмных всадников спешивается и в рекордные сроки впрягает в светлую карету своих кошек, очень похожих на слишком крупных пантер.

«Да, логично, копытные в горах и пещерах — не то, что надо. Толи дело кошачьи!»

Пока же подчинённые выстраивают новый походный ордер вокруг двух карет, а монаршие особы, вежливо кивнув друг другу, усаживаются, я слышу тихие слова Онна, падающие на мою макушку, словно глыбы гранита:

— Таор. Твоё поведение неприемлемо. Чрезмерно вызывающе. И невероятно подозрительно. Настоятельно рекомендую сохранять полное молчание до прибытия в Подземье. Сразу после отправляйся в закрытые казематы внутренней стражи — они хорошо тебе знакомы — и ожидай всесторонней проверки. Безопасность не терпит небрежения. В путь отправишься на своей пантере, держись рядом со мной. Я сказал.

Не поднимая головы и едва разжимая губы, кратко сообщаю:

— Сиятельная Алуринель хранит в складном зеркале платок с водой пограничного родника.

Из-за грани: «Стук-тук-тук... семнадцать!»

Задумавшись на миг, глава стражи слегка кивнул и неожиданно даже для самого себя добавил:

— В тюках нормальная одежда, хватит звенеть.

Поднимаюсь в полный рост, сооружаю на лице полное спокойствие и принятие, соглашаясь, слегка кланяюсь Онну.

«Ха! Прав мой современник: “Не знаешь, что делать — устраивай балаган! И сам отвлечёшься, и появится время принять правильное решение.” Ну или как-то так. Короче — магией в лоб не получил, наших развлёк и явно дал понять им, буде они здесь есть, кто я. Да ещё и на кошке покатаюсь, и переоденусь из опостылевшей зелени! Ура-ура! Ну а казематы? Да и отлично — будет время подумать!»

И тут меня ощутимо толкают в плечо!

«А?! Не настолько же я глубоко задумался и потерял связь с реальностью!»

А это одна из пантер совершенно бесшумно подошла ко мне и давай здороваться, бодаясь! Поворачиваю голову, ловлю внимательный взгляд глубоких глаз и...

Из-за грани: «Стук-тук-тук... восемнадцать!»

...вспоминаю:

— Мрра! — выдыхаю я, поражённый нахлынувшими воспоминаниями о годах, проведённых бок о бок с этим пушистым чудом! И тут же получаю внушительный лизь лопатоподобным языком, сбивший клятый колпак. А руки сами тянутся чесать и трепать огромную кошку за ушами — и громоподобное мурчание становится мне наградой.

«Вау! Это вам не лошадь! Это в тысячу раз круче!»

Вполне обыденно по бокам коггистого скакуна развешены походные сумки, украшенные тем же узором, что и моя шкатулка. В одной из них и обнаруживаю комплект одежды: крепкой кожи сапоги, прочной ткани штаны, невесомой лёгкости рубашку и куртку, усиленную узкими полосами гибкого металла. Всё, конечно же, непроглядно-тёмное, но не лишённое явно функциональных украшений вышивкой по ткани, тиснением по коже и гравировкой по металлу. Линии, слегка выделяющиеся густо-бордовым на чёрном, свиваются в гипнотический узор из плавных языков пламени и ломаных гор и скал.

Невероятно быстро сдираю с себя шутовское, свалив его в кучку, и моментально облачаюсь в «своё, родное».

«И действительно — сидит, как вторая кожа! Так, теперь надо бы ещё одну штуку попробовать».

Уставившись на жёлто-зелёное барахло, увенчанное рогатым колпаком, направляю на него указательный палец, концентрируюсь и твёрдо, властно команду про себя: «Гори!»

Из-за грани: «Стук-тук-тук... восемнадцать!»

И ощущаю, как из солнечного сплетения поднимается бурлящая волна энергии, мгновенно перетекает по неким каналам в руку и краткой вспышкой кармина уничтожает наряд.

«Ух ты! Могу, умею, практи...ковать надо будет. Что ж, по кон... Эээ... По кошкам!»

Ментальным усилием отдав бразды правления памяти тела, буквально как отрешённый наблюдатель, ведомый привычными действиями, подхожу к Мрре справа, кладу правую руку ей на загривок, и, не касаясь странного вида стремян, прыжком с лёгким поворотом вскакиваю в седло оригинальной конструкции. Всё так же машинально руки фиксируют два ремня вокруг пояса, а ноги находят упор.

А вокруг уже закончилось тишайшее построение в охранный ордер, головной дозор едва маячит впереди, Онн во главе кавалькады, окружающей обе кареты, окидывает всех спокойным и уверенным взглядом, коротко кивает и едва трогает повод своей пантеры.

И вся процессия, начав с неслышной рыси, резко набирает ход, быстро перейдя в абсолютно бесшумный галоп. Ни стука. Ни скрипа. Ни звяка. Ровная дорога из тщательно пригнанных друг к другу плит, плавно поднимаясь, ведёт из редколесья предгорий к Великим Горам, монументально возвышающимся впереди. Слева сквозь редкие облака, разметённые ветрами по небосклону, светит закатывающееся солнце, добавляя в картину густые тона бордо и багрянца.

«Не-ре-аль-но!.. Пожалуй, самое мистически-красивое, в чём я участвовал, пусть лишь только умозрительно...»

Так, в лёгком трансе, убаюканный мерным ходом пантеры и тишиной, нарушаемой

лишь лёгким ветром, с последними лучами солнца мы подъехали к ближайшим скалам. И как-то шокирующе внезапно перед процессией встали Врата!

Глава третья

Родные казематы

В этой главе проступают порядки тёмных.

«Как? Ну как?! Как можно было не увидеть издалека эту “мега-калитку работы Зураба нашего Церетели”? Не иначе как “оптический обман здрения” вкупе с магией!»

Меж двух коротких скальных отрогов в уже сгущающихся вечерних тенях предстало величественное в своей простоте сооружение: дорога раздавалась вширь, образуя приличных размеров площадь, мощёную огромными квадратными плитами тёмно-серого цвета и ведущую к вертикальному, отполированному до блеска срезу скалы, в котором просто вырезали две створки стрельчатых ворот. Примерно десять метров в высоту. И пять в ширину. Каждая. Обе были открыты едва на четверть, являя миру толщину плит не меньше метра.

«И действительно, зачем резьба, украшательства и прочие излишества? И так же понятно, что это — Очень Важные Ворота!»

По обе стороны выстроились встречающие: ещё одна кавалькада из двадцати чёрнодоспешных воинов, синхронно вскинувших правые руки в молчаливом приветствии. Так, в совершенной тишине и всё же вполне торжественно, мы и прибыли в Подземье, в Тень Великих Гор.

Въехав под своды просторного и скудно освещённого мерцающими кристаллами, расположенными в строго выверенном порядке, тоннеля, мы остановились, и Онн скупыми фразами стал раздавать приказы:

— Пятёрка «раз» сопровождает Их Высочеств до дворцового комплекса. Пятёрки «три» — «пять» — сиятельную Алуринель до её покоев. Ин — Таора до закрытых казематов, — отчеканил командир Внутренней Стражи.

В два прыжка к нам приблизился весьма юный воин и чуть вопросительно кивнул.

— Хоть Таор и знает путь, и нет сомнений, что он там окажется со всей возможной поспешностью, понимая всю ситуацию, — со значением смотрит на меня Онн, — но порядок должен быть соблюдён максимально приемлемым образом, — заканчивает наставление глава стражи.

Я и Ин, не покидая сёдел, кланяемся учителю, едва смотрим друг на друга и с разницей в долю секунды срываемся в путь — он впереди, я на полкорпуса позади. Пантеры споро набирают ход, камни подсветки сливаются в мерцающие линии, то слева, то справа мелькают проходы, и на уровне тела я ощущаю: я дома.

Через некоторое время Ин снижает скорость, мы сворачиваем в один из правых боковых коридоров малость пониже и поуже главного, что ощутимым уклоном ведёт нас всё глубже. Ещё пяток минут и тройку будящих во мне смутное узнавание поворотов спустя мы прибываем в небольшой зал, явно созданный руками разумных. В центре полусферического потолка тускло сияет одинокий кристалл, а по кругу стен на равном удалении друг от друга расположены вырезанные в камне прямоугольные силуэты, видимо, магических дверей числом десять.

Ин спешивается, подходит к крайнему справа от нас прямоугольнику, кладёт ладонь

правой руки в центр и очень по-особенному выдыхает, чуть заметно отстучав по камню кончиками пальцев некий незапоминающийся ритм. Самым краем зрения я замечаю легчайшую тень, промелькнувшую от головы по руке юного воина-мага.

«А вот и ещё один вид здешней магии! Тень! И её источник в голове. А моя огненная — в солнечном сплетении... Интересееееесно!»

Меж тем каменный прямоугольник распахнулся, а Ин спокойно проговорил:

— Здесь тебе надлежит дожидаться проверок, Таор. Внутри — еда и питьё, удобства. После закрытия камера будет полностью изолирована. Утром к тебе придут.

Молча спешиваюсь, хлопаю Мрру по загривку и одними губами шепчу в слегка прядяющее ухо:

— Домой!

И понятливая пантера, тихо взрыкнув на прощание, стремглав уносится прочь.

Я же, кивком попрощавшись с Ином, захожу в мягко освещенное помещение и оглядываюсь, дверь за моей спиной бесшумно закрывается и становится просто прямоугольником, глубоко прочерченным в камне.

«Тюрмаа-а-а...» — улыбаюсь я про себя.

Достаточно просторная комната метров пяти длиной и трёх шириной, по левую руку от входа — каменный параллелепипед высотой по колено с двумя чёрными, похоже, одеялами из, вероятно, шерсти. Справа — точно стол всё из того же камня и две глыбы, убедительно изображающие табуреты матёрого кубиста. В стене напротив входа — ещё одна дверь, на сей раз вполне видимая.

Но не она привлекла моё внимание, нет.

А вот еда на столе — да! Лишь почуяв ароматы простого жареного мяса, свежего, ещё дышащего жаром печи хлеба и чуть слышно шипящего неведомым образом сладкого вина, я утратил волю. Ведомый яростно бурчащим животом, тут же уселся, но, вопреки бушующему голоду, ел достаточно спокойно: видимо, воспитание взяло верх.

«Еда — вот основной показатель общей культуры расы. И, судя по оставленному мне ужину и прочим деталям, у местных тёмных эльфов во главе угла функциональность и простота, логичность и минимализм. Просто мясо, жаренное с солью, самый обычный хлеб, едва пьянящее игристое, пара странно-фиолетовых плодов нейтрального вкуса — и ровно столько, чтобы в меру наестся».

Закончив трапезу, дал волю своему любопытству: открыл вторую дверь в своих «апартаментах».

И вполне ожидаемо увидел маленькую комнату с обещанными удобствами: слева непривычного вида, но узнаваемый унитаз, прямо — каменная раковина со спадающим в неё с небольшого уступчика водопадиком и квадрат полированного металла на стене над ними, справа — матового камня перегородка мне по плечо, отделяющая пространство для, по всей видимости, душа — в потолке многочисленные отверстия, в полу — сток, забраный мелкоячеистой решёткой.

«Вот — необходимый и достаточный минимум. И так, я уверен, не только в казематах, но и у знати, и у самого Владыки. Разве что материалы подороже, да магии побольше».

Наскоро приведя себя в порядок и подивившись магическому душу-ливню должной температуры, убедился, что тело мне досталось идеальное со всех сторон: крепкое, жилистое, рельефное, чётко и точно реагирующее даже не на мысль, а на её предвестие. И ни одного шрама!

«Ага, регенерация тоже наличествует, бо нереально за столько лет не напороться на серьёзные травмы!»

Выйдя из душа, неожиданно глубоко задумался о банальном: «Сушиться-то как? Целый метр гривы сохнуть будет ровно до утра!»

Из-за грани: «Стук-тук-тук... восемнадцать!»

И стоило мне так подумать, как сердце ударило чуть сильнее обычного, в глубинах сознания кто-то весьма самодовольно хекнул, и в центре груди возникла по родному тёплая волна энергии, окатившая всё тело и мягко пробежавшая по волосам.

Слегка ошарашенный я уставился в зеркало.

«Воооот! Вот как надо было представать перед светлыми! Одним видом зашутил бы до икоты: кожа чёрная, глаза белые с алым и карминовые волосы после экспресс-сушки почти дыбом стоят! Подземный демон-одуванчик!»

Лишь только в голове мелькнуло слово «демон», как мой взгляд вновь обратился на самосверкающую серьгу, вдруг особенно ярко блеснувшую.

Не тратя более ни секунды, усаживаюсь в полулотос на кровати, пальцами левой руки касаюсь серьги, правую располагаю ладонью над солнечным сплетением и начинаю дышать по хорошо известной методике: вдох на раз-два-три-...-десять, пауза раз-два-...-десять, выдох до десяти, пауза до десяти, и снова, и опять по кругу, не фиксируясь ни на чём и без эмоций свидетельствуя исчезновение мыслей. Через пару минут окружающая действительность меркнет, и я...

Из-за грани: «Стук-тук-тук... двадцать!»

...вновь погружаюсь в память Таора, будто со стороны слыша спокойный и уверенный голос молодого взрослого и созерцая яркие картины прошлого, причём весьма непростого.

Под Тенью Великих Гор красноволосый тёмный появился восемнадцать десятков лет назад и был окружён вниманием и заботой отца, среди массы обязанностей находившего время на непоседливого и очень смышлёного ребёнка. Мать же, прекрасную Элу, он видел лишь на торжествах, собирающих тёмных вместе, да и то — мельком.

В тридцатый день рождения, вручив в подарок первый боевой клинок, Владыка Эрр поведал Таору:

— Ты мой сын, но не я породил тебя. Тридцать лет назад, ровно после свадебной церемонии, случился необъяснимый прокол Бездны, и прекрасную Элу похитил Повелитель Огня — Шеол. Всего полдня она провела в плену, пока я собирал силы и прорывался в Домен Шеола. Но этого времени хватило, чтоб через девять месяцев появился ты. Нанеся Повелителю Огня невосполнимый урон, я поклялся, что воспитаю тебя как своего прямого потомка. Но твоя мать лишь сейчас, после многих лет работы с мастером Врачевателем Духа, перестаёт быть лишь подобием себя-прошлой.

Чуть помолчав, Эрр Первый продолжил:

— С завтрашнего дня тебе, как делающему успехи на пути самоконтроля и самопознания, будет открыт доступ к тренировкам магии огня. Мой отец и твой дед-по-закону, Ярр Второй, ещё до твоего рождения даровавший тебе имя и серьгу, будет обучать тебя один год. Эти знания хранятся в нашей семье по завещанию много-прадеда Ярра Первого и его супруги, беглой высшей демонессы Домена Огня, — несколько торжественно сказал Владыка и вновь взял небольшую паузу.

— Собирайся, поутру ты отправишься в Нижние Глубины, где на берегу озера Вечного Огня отшельничает Ярр. Он станет твоим Учителем. Будь достоин его знаний, — завершил

свою речь Владыка Эрр, отец-по-закону Таора.

Неожиданно спокойно восприняв правду о своём рождении, Таор стал испытывать ещё более глубокую привязанность к своему отцу, без всяких «по закону», отдавшему столь многое для своего, пусть и не родного сына.

Воодушевлённый жадой новых знаний и тайн, очень юный полудемон в рекордные сроки добрался до деда-отшельника, под строгим, но ехидно-сварливым контролем которого постигал не только искусство Магии Огня во всех его формах и проявлениях, но и более важное — искусство жить одному: без слуг, без комфорта, самостоятельно и полностью заботясь не только о себе и своём пропитании, а также и о старом тёмном, убедительно порой прикидывавшемся немощной развалиной.

Так прошёл год.

Вернувшись в Дворцовый комплекс, Таор был ошарашен невероятными новостями: буквально через несколько дней после его отъезда стало известно о беременности Элы, ещё чуть позже добавился мрачный прогноз: двойня! Это было невероятно печально, ведь аура и организм эльфиек могут позволить им выносить и родить лишь двух детей, а Таор уполовинил шансы Элы. Все девять месяцев беременности мастера-целители делали всё возможное и немного нереального, но тяжелейшие роды истощили Элу, и, лишь единожды успев обнять близнецов и дав им имена: Эн и Эна, она с тихой улыбкой ушла во Тьму.

Горчащий мрак уныния распростёр было свои дряблые крылья по Подземью, но быстро увял и был изгнан: тёмные эльфы не сожалеют о прошлом, совершённом с пониманием долга и ясным разумом. А уж Владычица, даровавшая жизнь наследникам ценой своей жизни и вовсе заслуживает не бездеятельно скорбящей меланхолии, но деятельной памяти её подвига.

Так и Таор, придя тогда к Владыке, спросил:

— Отец, что я могу сделать для тебя и Подземья?

— Стань братом Эну и Эне, — тихо и спокойно ответил Владыка.

«Ну, двое младенцев как раз равны одному деду по всем параметрам», — подумал начавший взрослеть полудемон.

И хоть и оказалось, что каждый младенец равен двум доставуче-несносным дедам, день за днём Таор проводил с ними кучу времени и в обучении, и в труде, и в шалостях и проказах, в которых то верховодил, а то и задорно подчинялся планам быстро растущих близнецов, за что часто оказывался в уже знакомых казематах.

После каждого Дня Десятилетия, Таор вновь отправлялся на год на берега Вечног Огня, где достиг немалых высот и глубин Огненной магии, а также выковал под руководством Ярра всё своё оружие: лезвие для косы и пару превосходных кинжалов из многослойной магической стали, где на каждом слое наложены плетения самых разнообразных чар.

Шли годы, Таор, Эн и Эна росли, учились и обретали навыки и умения, присущие руководителям и управленцам, всё сильнее осознавая Путь Разума и Закона.

После пятнадцатого десятилетия, прожив очередной и, как оказалось, последний год в Нижних Глубинах, юноша-полудемон услышал от старого мага-кузнеца:

— Осталось последнее из наследия моей прапрабабки, что тебе следует знать. Как и всякий тёмный эльф может воззвать к Тьме и будет услышан, так и демоны могут воззвать к Бездне. Так что и ты, сын Повелителя Домена, можешь. Но, сам понимаешь, это — самое опасное, что вообще есть в Мире.

С тем Ярр Второй и распрощался с Таором, казалось — навсегда.

А ещё через три десятка лет, которые взрослеющий полуэльф провёл, всё больше связывая свою жизнь с делом Внутренней Стражи Дома Владыки и обучаясь у Онна, её главы, Владыка призвал своего старшего сына и, намеренно скупно вдаваясь в подробности, отправил его в страннейшую миссию при дворе светлых эльфов.

Восприняв всё это как вызов и экзамен, деятельный полудемон, посоветовавшись с нарочито хмурым Онном, вскорости отбыл в Светлый Лес.

И провёл скучнейшие полгода подле сиятельной Алуринель, с трудом вызывая улыбки у неё и её окружения, постоянно пребывавших разумом частично в, казалось, иной реальности. Как выяснилось, весь двор светлых эльфов и каждый их маг регулярно колдовали на пределе сил, но по какой причине и с какой целью так и осталось для Таора тайной. Ведь едва он начал подбираться к истине, как камнепадом на неподвижной горе прогремела новость: Владыка Поздземья и Тени Великих Гор официально просит руки и сердца Сиятельной Алуринель и приглашает её в Подземье!

«Отец ли просит руки Алуринель, или это светлым нужна наша помощь, и так они скрепят некий договор?» — подумалось тогда Таору.

И вот позади быстрые сборы и отъезд на уже хорошо запомнившейся карете.

«Ааа... Ооо! УХ!..» — выныриваю я.

И ещё несколько долгих минут сижу неподвижно, осознавая увиденное и услышанное.

«Вот это личность, вот это разумный! Кого иного такое начало жизни превратило бы в невыносимого типа без единого следа социализации, но не таков Таор. Нет. Верный сын, отличный брат, изобретательный маг Огня, мастерский кинжальщик и просто отличный парень! А уж за его искристый, лёгкий характер и чёткое понимание границ — я уверен — он искренне любим не только семьёй, но и многими другими тёмными.»

А ещё не могу не восторгаться Владыкой — великим разумным во всех смыслах! Будучи правителем, суметь найти время и силы на неродного сына и воспитать в нём достойный характер — многого стоит.

Но по вложенному и отдача — в результате неординарный маг, преданный семье и трону!

Браво!

Пожалуй, потому картины общества тёмных эльф несколько утопичны — если каждый из череды Владык таков, как Эрр Первый, то “Разум и Закон торжествуют!”, как гласит девиз всего народа Подземья и Тени Великих Гор».

На этой глубокомысленной ноте, протяжно зевнув, я отрубился, растянувшись на неожиданно приятных одеялах из, как я уже знал, шерсти молодых скальных пантер. И спал вообще без единого сновидения, что и немудрено.

Проснувшись невероятно бодрым, я легко осознал, кто я и где я. И даже когда я: внутренние часы чётко говорили о шести утра. И то же чутьё вместе с памятью подсказывали, что через час ко мне придут с проверками — алхимической и магической, кои уготована каждому тёмному эльфу, вернувшемуся с чужбины, тем более после стольких месяцев. Тем более такому, как я — вдруг снова учудившему неположенный и незапланированный балаган.

«Хе, кто б знал, что моя выходка так впишется в характер Таора. Сделать, что ли, бубенчик, звякать изредка?»

Вздвогнув от этой мысли, поднялся, освежился, и, по памяти заплетя сложную косу с

опаснейшим лезвием, принялся за привычный Таору ежеутренний комплекс упражнений, в который входила даже пробежка на максимальной скорости по полу, стенам и потолку.

«Мама дорогая! — думал я, отдыхая в финальной медитации для разгона сил Огня по магическим каналам тела. — Хорошо хоть до планки на ушах не дошло!»

Где-то в глубинах сознания прозвучало заинтересованное: «Ха!»

«Что?» — изумился я.

И тут дверь моего узилища отворилась, и вошёл тёмный эльф неброской внешности, одетый всё в тот же комплект, что и прочие стражи Дома Владыки. Память услужливо подсказала, что это — Ерр, второй после Онна, сохраняющий безопасность монаршей семьи. В левой руке он нёс небольшой сундучок чёрного камня, и был замглавы Внутренней Стражи, помимо всего прочего, мастером-алхимиком, неустанно совершенствующим свои навыки. С порога Ерр обратился ко мне:

— Таор, по многочисленным твоим просьбам я смог доработать рецепт зелья правды, и сегодня его вкус не заставит тебя морщиться, — чуть заметно приподнимает он уголки губ. — В остальном — всё как всегда: ты пьёшь зелье, кладёшь руки на осколок Первой Тьмы и отвечаешь на ряд стандартных вопросов.

На что я молча киваю, поднимаюсь с пола и усаживаюсь за стол.

Ерр ставит на него принесённый с собой сундучок, чередой скупых пассов исполняет каскад из пяти ясно различимых плетений, оставляющих видимые узоры вокруг, и сундук распаивается, являя взору уже привычный по памяти гранёный камень чернейшего Ничто.

Заворожённый видом артефакта, упускаю появления на столе крошечной колбы с едва лиловым содержимым. Решительно откупориваю и залпом выпиваю, вместо засевшего в воспоминаниях тухловатого послевкусия получив легчайший флёр винного аромата.

«О, так гораздо лучше!» — проносится у меня в голове на *два* разных голоса.

Руки сами опускаются на камень Тьмы, и я киваю Ерру, мысленно погружаясь в сознание Таора, становясь больше им, чем собой.

Замглавы меж тем чётко вопрошает:

— Ты — Таор, сын-по-закону Эрра Первого, Владыки Подземья и Тени?

— Да, — отвечаю я совершенно спокойно.

— Злоумышляешь ли ты против Владыки и народа Подземья? — продолжает Ерр.

— Нет.

— Несёшь ли ты спящие или сокрытые заклинания, могущие навредить Владыке и народу Подземья?

— Никак нет.

— Подвергался ли ты в Светлом Лесу словесным или алхимическим воздействиям, ставящим целью изменить твою волю и обратить её против Владыки и народа Подземья?

— Вовсе нет, — всё так же спокойно говорю я.

И дальше замглавы спрашивал примерно одно и то же ещё пару минут, меня формулировки, но оставляя неизменным суть вопросов.

«Что поделать, безопасники всюду одинаковы в своей параноидальности».

За всё время проверки осколок Первой Тьмы вообще никак не проявил себя, что точно было отличным признаком.

Услышав очередное твёрдое «нет» из моих уст, Ерр медленно и степенно кивает, произнося:

— На этом всё. Теперь могу официально заявить — добро пожаловать домой, Таор.

Твои покои ждут тебя.

С этими словами мастер-алхимик поднимается, знакомыми пассами упаковывает артефакт в каменный сундучок, подхватывает колбочку и прячет её в незаметный карман. В два шага достигает двери, распахивает её и, качнув головой на прощание, спешно, но с достоинством, покидает камеру.

Уважительно кивнув в ответ, я быстро одеваюсь и также покидаю привычные казематы, размышляя: «Как-то лихо проверка прошла, видимо, опыт Таора дал о себе знать. Что ж, покуда не мудствуем лукаво: в покоях наверняка будет проще окончательно разобраться с собой. Домой!»

И ноги буквально сами понесли меня по хорошо уже знакомому маршруту — длинному и извилистому.

Неспокойные покои

В этой главе много клянутся.

Восемью же часами ранее и полулигой выше в скудно освещённой пещере, явно носящей следы работы разумных, среди ниспадающих с потолка полотниц шёлка цвета лавандовой ночи, мягкими колыханиями превращающих пространство покоев в загадочный лабиринт, на роскошно убранном ложе восседала её высочество Эна. Гордо выпрямленная спина, скрещенные ноги, закрытые глаза и глубокое, спокойное дыхание ясно говорили о погружение принцессы в глубины сознания.

Где звучало два столь непохожих голоса:

— Кто ты такая? — вопрошал юный и звенящий от напряжённого любопытства.

— Я — Анаис, странствующая душа, что является великим разумным в преддверии глобальных перемен, — с глубокой убежденностью отвечив уверенный и зрелый, богатый бархатными тонами второй голос. — И, клянусь в том своей осознанностью, я не нанесу тебе вреда.

— Тогда зачем ты здесь? — нетерпеливо думала Эна.

— Как я и говорила, в своих странствиях я посещаю разумных, кои будут вовлечены в великие изменения! Вам, Ваше Высочество, предначертан, несомненно, Путь Владычицы! С Вашими талантами и моими знаниями Вы достигнете невероятных высот! Вполне возможно, не только в этом Мире!

Из-за грани: «Стук-тук-тук... восемнадцать!»

— Да, это так! — внутренне довольно вздыхает принцесса. — Итак, душа-помощница, как только ты принесёшь клятву перед лицом Матери Тьмы о безопасности своих намерений, я разрешу тебе остаться и буду внимать твоим советам. Ведь это разумно и не нарушит Закон.

Тут глаза Эны распахиваются, сложенные лодочкой руки поднимаются на уровень лба, взгляд устремляется вверх, а губы тихо, твёрдо, искренне зовут:

— Тьма.

Над ладонями её высочества появляется клубящееся нечто, чернеющее первозданным мраком Ничто, и принцесса вновь обращается к Анаис:

— Клянись! — повелительно требует Эна.

— Клянусь, что ни мыслью, ни словом, ни делом, ни бездействием не нанесу вреда ни Эне, дочери Владыки Подземья и Тени, ни семье её, ни народу Подземья и Тени. Поручкой в том моя осознанность и право пребывать в этом Мире! — уверенно смешав земные и местные обороты произнесла Анаис.

В момент произнесения клятвы Тьма объяла всю монаршую фигуру, а по завершении — исчезла, оставив в воздухе тень саркастически дозволяющей усмешки, едва достигшей слуха эльфийки, мягко уплывающей в сон.

В то же самое время в покоях по соседству, по-военному лаконичных в своей функциональности, но по-охотничьи уютных из-за разнообразных мехов, устилающих ложе,

напротив небольшого зеркала из полированного металла замер Эн, принц Подземья и Тени Великих Гор.

Из-за грани: «Стук-тук-тук... двадцать!»

И в голове его звучат два голоса, настолько похожих друг на друга, что вскоре они сливаются в один:

— Я — Эн, будущий Владыка Подземья и Тени, постигающий путь Разума и Закона... Я — Константин, программист из Саратова, знания мои обширны, а опыт исчисляется тысячами килобайт прочитанного... Я должен быть лучшим из равных среди народа тёмных эльфов... Я разделю с тобой все свои знания!.. Вместе мы достигнем любой цели!

Задорно улыбнувшись своему отражению, что для принца было невероятной редкостью, венценосный тёмноэльфийский юноша улёгся на меховой постели и отбыл ко сну.

Немного раньше и парой уровней Подземья ниже сиятельная Алуринель только покинула свою карету и под слегка монотонный монолог встречающего тёмного, похожего для неё на всех остальных, как жёлуди одного дуба, позволила провести себя через небольшую анфиладу из четырёх комнат, кои Владыка Эрр приказал обставить в эстетике светлых эльфов. Обилие зелёного и жёлтого, мягкое, но яркое освещение, казалось, примирили принцессу с холодной действительностью пещер. Напоследок сопровождающий отметил:

— Двери в последней комнате, — указал он на матовые каменные створки, — ведут на балкон-сад. Вы сможете полюбоваться открытым небом и цветами, лично подобранными Владыкой для Вас. За сим — откланиваюсь. При любой надобности колокольчик на столике у входной двери вызовет слуг.

Коротко, но уважительно поклонившись, тёмный эльф вышел.

Из-за грани: «Стук-тук-тук... девять!»

Светлая же эльфийка осталась на месте — замерев и очень глубоко дыша, она обратилась внутрь себя:

— Я — принцесса Светлого Леса, его истинная дочь, и я же — невольная причина его возможной гибели! О, пришедшая душа, именуемая Светланой и Цаплей, если есть в тебе хоть капля сострадания, прошу — помоги! Обманом и хитростью коварная Морлана тщится пробиться в этот мир, и силы мои и моего народа всё слабее день ото дня, — буквально плача, шептала принцесса. — Всё, что я могу прямо сейчас — это оделить тебя полезными частями своей памяти и уйти на покой в самые потаённые глубины сознания. Молю, спаси Светлый Лес, пусть и ценой моей жизни... — устало договорила Алуринель.

Ошарашенно присев на ближайшую каменную кушетку, устланную чем-то зелёным и мягким, Светлана машинально открыла сундучок, оказавшийся рядом, и, проигнорировав зеркальце и прочие мелочи, несколько неожиданно для себя на дне обнаружила тетрадь в мягком шёлковом переплёте, оказавшуюся личным дневником Алуринель.

Придвинув поближе блюдо светлого металла с фруктами, казавшимися неуловимо знакомыми, и кубок с легчайшим вином, Цапля откинула обложку и испытала невероятную досаду: на чуть зеленоватом первом листе красовалась выполненная изящным и летящим, но чуть скачущим почерком лишь одна запись, кратко повествующая об окончании сборов и начале поездки в Тень Великих Гор. Разочарование и усталость похитили последние силы, и крепкий сон смежил веки светлой эльфийки.

Пробираясь по тоннелям столичной сети пещер, я держал путь почти к самым верхним ярусам — к личному дворцу детей Владыки. Поднимаясь всё выше и выше, раскланиваясь с изредка встречающимися тёмными, спешащими по своим делам, созерцая монументальность и простоту архитектуры домов, аккуратными квадратами делящих огромные и просто большие пещеры на строгие кварталы, я размышлял: «Итак, на повестке утра вопрос и сомнение. Вопрос — что же там у светлых жбахнуло или только готовится? И сомнение — что-то ещё о Бездне и Домене Огня осталось скрыто, будто не хватает малой детали... — проносилось в моей голове вместе с видами очередного полого поднимающегося прохода. — И раз вопрос без сторонних данных мы решить не можем, то сомнение разрешим ещё одним погружением в память!»

И тут эта самая память вывела меня к невероятной красоты месту. Очередной переход в толще Великих Гор вдруг вынырнул на крошечную террасу, ласточкиным гнездом зависшую на головокружительной высоте над закрытой со всех сторон скалами долиной с бездонно-синим озером в центре. Взору открывался белопенный водопад, рокотом ударяющий по далёкому водоёму. Слева же из скал и уступов складывался замок, гениальной рукой тёмноэльфийских архитекторов точно и чётко вписанный в горные склоны и гармонично дополняющий окружающие виды элегантно-простотой. Выглаженные, казалось, самой природой, но не руками разумных, стены дворца детей Владыки мягко бликовали, а воздух был напоён не только влажной свежестью горного утра, но и едва осознаваемыми отзвуками могучей и грозной магии, непрестанно бдящей над всею долиною.

«Лепота-то какая! Лепота!.. Чтоб я так жил! Стоп, я ж и так тут живу», — поражённо-радостно подумалось мне. Пять десятков шагов привели к небольшому боковому входу в правом крыле здания, простая каменная дверь отворилась от прикосновения десницы, короткий полутёмный коридор промелькнул в одно движение.

И мне открылось ожидаемое великолепие: покои юного мага были буквально выплавлены в толще камня, и потёки скальных пород образовали завораживающие картины, оживлённые мерцанием, отсветами и танцем теней, что родились от расположенных тут и там одномоментно разгоревшихся при моём появлении светильников, полных пламени всех оттенков алого и кармина. Десяток небольших зеркал мгновением позже многократно отразил и приумножил буйство цвета и света, и вся анфилада пяти просторных комнат-пещер стала воплощением постоянства вечной изменчивости Огня.

На столь завораживающем фоне несколько терялась и без того простая и функциональная обстановка: каменный столик у входа и пара кушеток в первой комнате, круглый стол и четыре уже знакомые по стилю табуретки во второй, лишь двустворчатый шкаф — в третьей, и два прямоугольных стола в четвёртой. Последняя — явно рабочее место мага, судя по свиткам и книгам, в строгом порядке заполняющим один из столов, и одинокому кристаллу, полному перетекающего багрянца, на втором.

«Ого-го! Это ж сколько маны тратить надо на поддержание всего этого? Сразу видно: сын, хоть и по закону, Владыки! Так-так-так, ну, в пятой комнате спальня, где пока что делать мне нечего», — думалось мне, пока я почти машинально переодевался у шкафа, меняя защищённый и укреплённый походный комплект стражи на мягчайшие сандалии, свободного кроя штаны и плотную тунику с коротким рукавом.

В ростовом зеркале на стене напротив уже привычно отразился Таор: наполовину демон, наполовину тёмный эльф, прекрасный в своей чёрно-алой харизме.

Вот-вот, как раз к демонской половине у меня вопросы: что там с «биологическим»

отцом? Что за много-прабабка демонесса? И почему же Таор?

«Ну-ка, дорогая серьга, сверкни-ка ещё разок!» — повелительно думаю я, обращая взгляд на отражение капли, рдеющей на мочке левого уха, и выравниваю дыхание, подстраиваясь под ритм пульсации оттенков украшения.

Из-за грани: «Стук-тук-тук... десять!»

И тут одно за другим происходят три события: волна ментального пламени поднимается из глубин сознания Таора, меня охватывает и полностью поглощает непроницаемая тьма, отсекая от тела. Лишь до ставшего вдруг слабым слуха доносится речь Владыки, нарушаемая грозным потрескиванием невидимого огня:

— В день первой сотни лет... поведать полную правду о твоём отце, — слышится голос Эрра. — Ты не просто потомок Повелителя... единственный, ибо в битве с ним я оскотил демона, и... — речь теряется и возникает вновь. — Моя много-прабабка, Высшая Демонесса Огня, предрекла твоё появление... Таором, именем Первого Повелителя Огня, и вручит Каплю Бездны... Знай: ты имеешь законное право на трон Домена. Запомни всё это и защити эти воспоминания самым серьёзным образом! — чётко и ясно завершил правитель Подземья и Тени.

«Охо-хо-хо... Да, эти сведения стоили грядущих проблем с Таором! Осталось выбраться из этого неуютно трещащего Ничто и присесть ему на уши», — крутилось в моём сознании, зависшем посередь нигде.

«Кхм-кхм!.. Ау! Ау-у-у!..» — напряг я всю свою ментальность на установление контакта с телом и сознанием Таора.

Из-за грани: «Стук-тук-тук... шестнадцать!»

И, внезапно осознав себя замершим на полушаге в узком коридоре, спирально ведущем куда-то вверх, услышал полыхающий хорошо сдерживаемой яростью, звенящий мысленный вопрос:

— Ты кто такой?! Как ты посмел?! Немедленно отвечай, или я уничтожу тебя!

— Я — Сандр, — отвечаю максимально спокойно, — душа-посланец, направляемая к избранным, стоящим на пороге глобальных свершений! Лишь разумные, обладающие уникальной судьбой и невероятными навыками получают возможности и опыт такой души! — всё больше входя в раж, вещал я. — Ты, Таор, сын-в-законе Владыки Подземья и Тени Великих Гор, единственный наследник Повелителя Домена Огня в бесконечной Бездне, несомненно достоин! И моя задача — помогать тебе словом и делом.

— Хм-м-м, — с тающим сомнением протянул полудемон, — хорошее дело — исковеркать встречу принца и принцесс двух народов! Хотя-я-я, я бы и сам отчудил что-то подобное, что уж там! — он слегка улыбается одними уголками губ.

— Так, допустим, я тебе поверил, — после пары секунд молчания продолжил полуэльф, — и прямо сейчас не пойду к мастерам-магамам. Но, сам понимаешь, после всего произошедшего полной веры тебе нет!

— Как это «нет»? — показательно изумляюсь я. — А как же проверки? Зелье правды и Осколок Тьмы тебе уже больше не показатели? Вот же, буквально тройку часов назад было!

— И то верно... — пораженно отвечает юноша и временно затихает, погружённый в свежие воспоминания, видимо, прошедшие мимо его осознания.

«Уфф... Тс-с-с, пока юноша в лёгком ступоре, поведу это тело обратно в покои: кормить, а то вон — живот урчит, настроение скачет», — тайно думаю я и, перестав изображать неуместную статую, отправлюсь обратно в покои.

— Что ж, — несколько десятков спокойных шагов спустя раздаётся внутренний голос Таора, полный уверенности, — пересмотрев заново наши, получается, совместные воспоминания, могу с тобой, Сандр, согласиться: ты действовал разумно и вполне законно, без вреда мне и народу Подземья. Посему я, понимая и принимая ответственность, — чуть пафосно продолжил он, — даю тебе, душа-посланец, позволение участвовать в моей жизни словом, делом и мыслью! В моих покоях ты принесёшь магическую клятву! — сверкнув довольной улыбкой, закончил полудемон.

— Я прямо сейчас искренне клянусь своим сознанием в неукоснительном соблюдении твоих интересов и полном отсутствии ущерба Подземью и Тени! Обязуюсь приложить все свои знания и умения для всестороннего твоего процветания! — не менее пафосно и радостно ответил я.

— А теперь — скорее есть! — голодно рыкнули мы оба.

Добрый сосед

В этой главе главный герой готовится сдаваться.

Вернувшись в покои, Таор привычно, а я малость удивлённо, отметили расторопность слуг, предугадавших потребности всё ещё растущего организма мага-воина: на столе затихающе шкворчала толстостенная сковорода с потрясающей глазуньей из пяти крупных яиц — «желтки» были густо-малиновые, что вызвало одобрителный хмык полудемона. Также рядом исходила паром и бодрящим ароматом кружка для нужд гигантов — больше литра! Завершал сей соблазнительный натюрморт ещё тёплый хлеб и пара небольших продолговатых плодов нестерпимо-синего цвета.

«Как всегда Илл, наш мастер-повар, выше всяческих похвал! — неторопливо насыщаясь, думал Таор. — Вкусно, как у бабушки на Озере! Именно он научил меня так жарить яйца водных ящериц и есть их вприкуску с острейшими плодами йяй — редкого кустарника закрытых долин Великих Гор».

Имея всю полноту доступа к ощущениям тела, я изумлённо восторгался способности некоторых разумных получать удовольствие от поедания материи звёздной короны и думал: «Есть у меня одна знакомая, что примерно так же радостно любит огненно-бритвенно-острое... Надо ей при случае порекомендовать!»

«Не стоит, — катая во рту отвар бобов ко, обратился ко мне полудемон. — Плоды йяй не предназначены в пищу, их используют алхимики в сложных зельях и лекари — как шоковое средство. Едим же их во всём Подземье лишь дед мой да я».

Завершив нехитрый и весьма взбодривший завтрак, Таор поднялся и адресовал мне ясную мысль: «Теперь же я займусь подготовкой магической клятвы. Не мешай мне, ограничившись только наблюдением. Понимаю — ситуация невероятно странная, но мне так будет намного спокойнее, — неторопливо транслировал юный маг, направляясь к своему рабочему столу. — Как не раз говорили мастера Врачеватели Духа: “Как можно меньше тревог”, вот и займусь их устранением разумным и законным способом», — привычным оборотом закончил он.

«Да, конечно, — соглашаюсь я. — Пусть это станет первым шагом к доверию друг другу!»

И обращаюсь в зрение.

Таор же, всего пару мгновений проведя в глубочайших раздумьях, начал действовать с точностью и аккуратностью, достигаемой сотнями часов тренировок и повторений. Он взял из стопки на краю стола тонкую каменную пластину примерно книжного формата и, положив её на другой стол вплотную к багряно мерцающему кристаллу, уверенно начертил чёрным стилосом, оставляющим глубокие рдеющие следы, ажурную рамку магической вязи, состоящую из миниатюрных язычков пламени. Не менее чётко и споро внутри рамки был написан достаточно длинный текст на тёмноэльфийском. Глаза фиксировали привычные обороты: «клянусь своим сознанием», «ни словом, ни делом, ни мыслью не причинять вреда», «совершать всё возможное для процветания». Завершил каменный документ искрящийся росчерк подписи и личная печать полудемона — три языка пламени в круге, —

проявившаяся под его указательным пальцем.

«Теперь твой черёд, — серьёзно обратился ко мне Таор. — Бери гравёр, влей в него мельчайшую крупицу силы, впиши своё Имя в начале, где я оставил место, и подпишись в конце, справа. После — коснись камня и максимально чётко, честно и открыто скажи: “Клянусь!”», — проинструктировал меня он.

И я понимаю, что вновь полностью властен над телом. Ничуть не сомневаясь, хватаю заметно тёплый чёрный металлический стилос. Пользуясь памятью тела, специальным внутренним усилием выделяю из источника в солнечном сплетении малую искру силы и направляю её по руке. Слабо сверкнувшим кончиком вывожу вначале «Сандр» и ставлю размашистую подпись внизу.

С трудом изгнав из головы формулировку: «Торжественно клянусь, что замышляю только шалость!», я всё же сосредотачиваюсь на тексте клятвы, кладу левую ладонь поверх подписи и тихо, внятно и предельно искренне произношу:

— Клянусь.

Лёгкий, почти за гранью слуха, гул, как от басовитого гонга, ясно дал понять, что клятва принята. Тому же свидетельствовала и проявившаяся ниже моего росчерка пустая окружность, будто выполненная уверенным мазком широкой кисти, щедро оставившей след ярко-оранжевой краски. Чуткое обоняние уловило истаивающую ноту сандала.

«Не-ве-ро-ят-но! — по складам подумал Таор. — Кто же ты на самом деле, раз получил тройное подтверждение?» — удивлённо спросил он.

«Я — это я, и никто более», — отвечаю слегка туманно.

Несколько секунд помолчав в глубокой задумчивости, полудемон-маг разразился чуть торопливым монологом: «Я лишь изредка ловил намёки в старых трудах предков, что возможно подтверждение клятвы не только личным знаком. А сейчас ясно услышал и уловил ещё два: звуком и ароматом! Теперь у меня нет сомнений в твоей искренности и честности, и я хочу назвать тебя соседом. Да, делим мы не один дом, но одно тело, как бы странно это ни звучало. Верю, что впереди нас ждёт путь, достойный легенд!» — мечтательно замер юноша.

И тут же продолжил, сменив восторг на вполне официальный тон: «Я, Таор, сын-по закону Владыки Подземья и Тени, говорю тебе, Сандр, душа-посланник — добро пожаловать в Подземье».

А после добавил, обращаясь больше к самому себе: «Что ж, великие свершения ещё далеко впереди, а прямо сейчас меня ждёт самое нелюбимое, но неизбежное, ведь “должность от слова долг”, как гласит мудрость основателя Подземья...»

«Письменные отчёты о светлых эльфах главе Стражи и Владыке лично?» — Понимающе спросил я.

«Да, таков порядок... — тихо выдохнул Таор. — Начну с полного и обстоятельного, максимально подробного для Онна, затем краткий — для отца. К вечеру как раз завершу оба и пойду к Владыке — сдаваться, он наверняка будет ждать меня в своё свободное время».

«Сдаваться? — несколько всполошился я. — В смысле?»

«А? — не понял юный полуэльф. — А! Нет, это просто выражение — сдам отчёт и расскажу отцу о результатах поездки. Твоё же появление и наш договор — это только наши и ничьи более дела!» — успокоительно завершил полудемон, уже сидящий за столом перед внушительной стопкой чистого, чуть сероватого пергамента и держащий в правой руке странноватого вида багровое перо.

Глубокий вдох спустя, Таор стал строчка за строчкой, лист за листом превращать полгода своей жизни в чёткий и предельно лаконичный текст, построенный лишь на фактах и только на них.

Едва скрипело перо, шуршал пергамент, чуть слышно потрескивало пламя светильников, час сменялся часом. Повторяющиеся формулировки, описывающие однотипный и размеренный быт светлых и Её Высочества, подёрнутый флёром таинственно-молчаливой усталости на грани измождённости, ввёл и меня, и юного мага в некий бюрократический транс, из которого нас не вывел даже обед, будто сам собой появившийся в столовой наших покоев. Пара блюд изрядной питательности и очень приятного вкуса были поглощены мимо осознанности, которая продолжала с монотонностью метронома чеканить: «В сороковой день пятьсот первого года Эпохи Добрых Соседей, в три часа пополудни проходил второй приём пищи...»

Ещё тремя часами позже, закончив строчить на пергаменте сером, полуэльф взял пяток листов едва-фиолетового цвета и на них ещё лаконичнее изложил ключевые события и наблюдения уже лично для Владыки.

«На этом всё!» — с наслаждением потянувшись, подумали мы.

«Теперь пора к отцу, — добавил Таор. — Как раз после заката он не будет занят».

Сложив краткий отчёт меж двух каменных пластин и закрыв необычную папку магией личной печати, полудемон и я отправились на встречу с Эрром Первым.

Отец и Владыка

В этой главе сочетаются традиции тёмных и светлых.

Тихими тоннелями и переходами, не встретив никого по пути, Таор-я миновал ещё несколько ярусов пещер, поднимаясь к самой значимой вершине Великих Гор, несущей в себе Дворец Владыки. Уважительно кивнув Арру, стоящему на посту у бокового входа, тремя лестницами и двумя коридорами спустя я-Таор невольно сбился с шага у двери, отмеченной личным знаком Эрра Первого: три чёрных горных вершины с белоснежными пиками в фиолетовом круге. В центр коего и положил правую руку ничуть не сомневающийся полуэльф.

«Так, пора с этим завязывать! — пронеслось в моём сознании. — Личные границы — это, конечно, хорошо, но так мы в руках и ногах запутаемся. Сознание! Слушай мою команду: отставить двойственность! С сего момента воспринимать себя и Таора как единое целое! Мыслить симбиотически, обе памяти использовать равноценно!»

Из-за грани: «Стук-тук-тук... восемнадцать!»

«Есть! — лихо гаркнуло в, казалось, рептильной части мозга. — Исполняю!»

И три удара сердца спустя, я один стою, спокойно ожидая разрешения отца войти.

Дверь мягко открывается внутрь, явив моему взору отлично знакомые обсидианово-черные покои. Привычный минимализм и мягчайшее освещение, оставляющее больше теней, чем света, настроили на мирный лад. Оставив отчёт на рабочем столе, я прошёл анфиладой комнат и обнаружил Эрра в дальней — совершенно пустой за исключением нескольких шкур скальных котов, устилающих пол.

Первый час свободного времени Владыка Подземья и Тени Великих Гор по обыкновению своему проводил в отрешённом спокойствии и медитации, играя на той или иной поющей чаше. Сегодня монарший слух услаждала невиданная мною ранее: тёмного, глянцевого блестящего камня с крохотными белоснежными вкраплениями, причём она казалась не выточенной, а выдутой, словно стеклянная рюмка изрядной величины.

Басовитое гудение распространялось волнами и смывало даже тень тревог и напряжения.

Проведя по ободку последний раз и дослушав затихающий звук, отец открыл глаза, окинул меня строгим и любящим взглядом, чуть кивнул и просто сказал:

— Сын, рад видеть тебя. Садись, — указал он рукой напротив.

— Отец, рад видеть тебя, — я уважительно кланяюсь и усаживаюсь.

— Подарок твоего деда, — отвечает Эрр на невысказанный вопрос. — Плод его экспериментов со снежным обсидианом и магией огня. Превосходная работа, как и всегда.

В задумчивости Владыка извлекает ещё пару долго угасающих нот и вновь обращается ко мне:

— Через час я ужинаю с Её Высочеством, сиятельной Алуригель, в её покоях. Расскажи о ней то, что мне должно знать.

— Как я увидел — Её Высочество тиха, спокойна и достаточно проста на первый взгляд, но вместе с тем духовно сильна и магически развита, — сухо рассказываю итоги своих

наблюдений. — Не вызывает сомнений её полная преданность Светлому Лесу и его народу и готовность сделать всё для блага светлых эльфов. По косвенным признакам, — добавляю я, — можно уверенно говорить о тщательно скрываемом локальном кризисе в Светлом Лесу, что оттягивает на себе большую часть магического потенциала всех светлых, — уверенно завершаю доклад.

— Да, это так, — соглашается отец и замолкает на долгую минуту, наполненную поистине волшебными звуками.

— Ты проделал отличную работу, благодарю тебя, — вновь заговорил он. — Прочие донесения подтверждают твой доклад. Могу добавить, зная твоё любопытство — высока вероятность, что в Светлом Лесу зреет прорыв Бездны невиданных ранее размеров. И маги светлых кладут всех себя на сдерживание, — выдал Владыка, слегка ошарашив меня не до конца проверенными сведениями.

— Благодарю, отец, я поразмыслю над этим.

— Ну а теперь нам пора, — сказал отец, легко поднимаясь. — Впереди ужин, и не стоит пропускать его.

Поднявшись следом и поклонившись, я отправился к выходу, а в спину мне донеслось донельзя привычное:

— Таор, будь добр: впредь обсуждать свои шутки до их свершения.

— Пап, тогда они перестанут быть шутками! — мягко улыбаясь, ответил я и был таков.

Держа путь в родные покои, я размышлял и вспоминал всё, что знаю о Бездне и её прорывах в этот Мир.

Обобщая, получалось, что бескрайняя Бездна являла собой хаотическое межмировое образование с относительно стабильными якорями — Доменами, населёнными демонами. Пользуясь той или иной частью Сил Бездны, стабилизируемой структурой Домена, дети Хаоса совершают проколы или прорывы в различных местах Мира с, конечно же, самыми воинственными целями: грабёж, убийства, захват рабов и прочее подобное. В целом, нападения демонов далеко не редкость: и одной полной луны — местного месяца — не проходит, чтоб не случилось пары-тройки боевых столкновений то с десятком, а то и с крупными отрядами порождений Бездны.

Остаётся вопрос: что же за прорыв такой, что продолжает «зреть» при всей подавляющей мощи магов Светлого Леса?

«Но, за недостаточностью фактов и непроверенностью сведений, стоит прекратить ловить скального кота ночью в тёмной пещере, — думал я, вернувшись в свои покои, — и сосредоточиться на текущей действительности. Благо она хороша и благоуханна».

И впрямь — в центре стола второй комнаты исходило немислимимым ароматом каменное блюдо с горкой изжаренных до прозрачного золота некрупных рыбёшек. Свитой вокруг стояли мисочки с различными соусами и солёными грибочками, один вид из которых достаточно ярко светился. Почётным караулом по бокам замерли привычные хлеб и лёгкое игристое.

«Как же хорошо дома, — неторопливо насыщаясь, наслаждался я покоем, — можно есть без оглядки на сложносочинённый этикет. Никак не возьму в голову — зачем светлым СТОЛЬКО условностей? Вот под сенью Великих Гор еда — личное дело каждого тёмного максимум — его семьи. Разве что за исключением открытых кулинарных поединков на звание мастера. Тут уж всё строго и регламентировано тысячи лет назад».

Сыто щурясь и лениво допивая вино, я задался интересным вопросом: «Как же отец и

сиятельная Алуринель проведут ужин? По-светлому или по-тёмному? Как мне кажется, даже четырёх видов ложек достаточно для нервного подёргивания глаза... А уж семь разных вилок! Ох, папа, да поможет тебе Тьма!»

Получасом ранее и полулигой восточнее Дворца детей Владыки, на балконе, выступающем из нетронутых рукой разумного скал, среди пышнейших кустов, густо зеленеющих и цветущих всеми оттенками янтаря и золота, зажав в руках уже давно утративший так и не проявившую себя хоть как-то влагу волшебного родника платок, замерла принцесса Светлого Леса. Глубокое дыхание и полуприкрытые глаза цвета утреннего неба выдавали по-настоящему сильную внутреннюю борьбу решительности и обстоятельств.

Несколько минут спустя, когда чуткий слух эльфийки уловил завершение сервировки стола в её покоях для ужина на двоих и, пожалуй, специально заметный стук входной двери, она вернулась внутрь.

В привычных для Алуринель порядке и виде на столе располагались мисочки и тарелки, кубки и вилки, ножи и ложки. Но вот сами блюда оставались для памяти принцессы совершенно неизвестными. Что уж говорить о Цапле, занявшей её место!

Убрав почти истерзанный платок за манжету эффектного в своей простоте платья изумрудного бархата со вставками солнечного шёлка, доставленного среди прочих её вещей, Света сделала решительный шаг к столу.

И тут в дверь уверенно постучали: раз, два, три.

Будто сама собой фигура светлой эльфийки выпрямилась ещё сильнее и приняла «вид, соответствующий её достоинству», а Цапля спокойно сказала:

— Прошу.

Дверь открылась, и вошёл тёмный эльф, одним видом внушающий уважение: высок, идеально сложен, осанист и величественен. Чёрные одежды с антрацитовый вышивкой и лёгкой искрой магии подчёркивали высокий статус пришедшего. Острые, чуть угловатые черты лица несли печать строгой властности, а глаза оттенка поздней лаванды выдавали спокойную, добрую мудрость. Высокий лоб Владыки пересекал неширокий каменный обруч цвета первозданной Тьмы, белоснежная коса сложного плетения спускалась почти до самого пола.

Миновав пару начальных комнат, тёмный приблизился к столу и умеренно торжественно произнёс на певучем языке светлых:

— Ваше Высочество, сиятельная Алуринель, рад видеть Вас, — Эрр значительно кивнул и продолжил: — Добро пожаловать в столицу Подземья и Тени Великих Гор.

— О Эрр Первый, Владыка Подземья и Тени Великих Гор, рада видеть Вас, — официально ответила принцесса на тёмном наречии и совершила церемонный поклон.

— Прошу Вас, принцесса, разделить со мной сей скромный ужин, — глубоким тоном сказал тёмноэльфийский Владыка, приглашая светлую к трапезе мягким жестом.

Снова склонившись в знак согласия и подождав пару ударов сердца, Цапля выпрямилась, и чуть позже тёмного эльфа уселась за стол напротив него, потупив взор и исподволь изучая представленные яства, понемногу догадываясь, что всё несколько проще, чем казалось: вот понятное мясо, жареное крупными ломтями, вот странноватого вида некрупная рыба, золотящаяся хрусткой корочкой, вот чуть сероватый свежайший хлеб. Мисочки с густым разноцветьем — точно соусы, а оригинальной нарезки смутно знакомые

плоды на плоских блюдах — местные овощи. Смущали лишь ярко светящиеся лиловым светом небольшие грибы в одной из прозрачных розеток.

Меж тем Владыка лично разливал едва-едва фиолетовое вино по резным кристаллическим кубкам и неторопливо вещал:

— Этой трапезой, сиятельная Алуринель, я решил совместить традиции Леса и Подземья, оставив присущую светлым сервировку, но приказав подать блюда тёмных. — Эрр, с ловкостью, выдающей небывалый опыт обращения со всем сонмом столовых приборов, откладывал себе мяса и овощей, поливая их одним из соусов. — Понимая Вашу озадаченность, готов дать пояснения, — задавая чуть неформальный тон общения, закончил он.

— Благодарю Вас за столь высокую заботу, Владыка, — тихо ответила светлая. — Меня познакомили с кухней Подземья, но я с радостью выслушаю Вас, как настоящего знатока и ценителя, — продолжила также тихо Цапля, неосознанно добавив голосу играющих глубин.

Благодаря памяти тела Алуринель и кое-каким навыкам её, всё же доставшимся Светлане, ей не менее ловко удалось совладать с вилками-ложками и ножами. Через полминуты она уже неторопливо вкушала нежнейшее, буквально тающее мясо под бордовым соусом кисло-сладкого вкуса и слушала неспешный монолог Эрра Первого, не забывающегося так же спокойно насыщаться в паузах, отчего повествование затянулось вплоть до десерта.

— Прямо сейчас мы кушаем мясо телёнка долинного тура, томлёное на углях. Я — под пряным соусом с восемью горными травами, Вы — под кисло-сладким из ягод горинки и мёда, — чуть помолчав, Владыка заметил: — Отличный выбор, как мне думается.

После паузы он продолжил:

— Овощи же вполне обычные: красные бодренцы и зелёные люблоки, которые можно встретить и на границе Светлого Леса и Тени Великих Гор, разве что Илл, мастер-повар, даже меня удивил сегодня нарезкой.

Цапле стоило большого труда сдерживать удивление узнавания огурцов и томатов, поменявшихся цветами и обретших неоднозначные названия.

— Да, — несколько предостерегающе отметил Эрр минутой позже, — вон тот синий соус в крошечной плошке не рекомендую. Он из плодов йяй, острых будто все лезвия мира разом. Во всём Подземье лишь мой отец и сын-по-закону способны им наслаждаться.

— Вновь благодарю, Владыка, — уже чуть менее робко ответила светлая и, повинувшись смутному велению интуиции, добавила: — Таор рассказывал об этом.

— Не сомневаюсь, — одними глазами улыбнулся тёмный. — Главное, чтобы не пытался кого-нибудь ещё приохотить помимо воли.

Покончив с мясом и перейдя к рыбе, Эрр продолжил гастрономическое просвещение.

— А это любимая всем нашим семейством пряженая рыба булья, — с видимым удовольствием проговорил он, на мгновение показавшийся больше отцом, чем правителем, и дополнил: — к ней предлагаю белый соус из яиц водных ящериц.

Пару минут лишь деликатный хруст да мягкое бульканье подливаемого вина нарушали тишину покоев. Отдав должное второму блюду, тёмноэльфийский правитель указал на светящуюся розеточку:

— И десерт — грибы ньяам в собственном соку. Их сладость может соперничать лишь с их редкостью. Вот уже не одну тысячу лет мой народ пробует выращивать их специально, но безуспешно, а везёт только разведчикам Глубин да просто случайным разумным обнаружить

сросток из двух-трёх грибов в абсолютно случайном месте.

Эрр, на пару секунд в кажущейся задумчивости опустил взгляд на лиловеющий на изящной вилочке гриб. После неуловимым движением рассёк его соответствующим ножом на равные кусочки и, прикрыв глаза, неторопливо съел, смакуя. Завершив трапезу и скупым жестом промокнув тонкие губы, Владыка, взяв кубок, обратился к принцессе, также оценившей мягкую и нежную сладость лилового ньяма и поднявшей на Эрра взор:

— Верю, что блюда понравились Вам, сиятельная Алуринель, а рассказ был полезен и интересен, — Тон тёмного снова стал чуть официальным.

— Да, Владыка, всё так, — склонила голову светлая. — Премного благодарю.

— Теперь же, Ваше Высочество, я задам Вам пару вопросов, — всё тем же тоном продолжил Эрр Первый.

— С радостью отвечу Вам на каждый во всей полноте, дозволенной мне клятвой Отцу-Свету, — ведомая смутной памятью Алуринель о магических обрядах и запретах, отвечала Светлана, так же переходя на тон попрохладней. — По заветам предков приносимые ещё в юности детьми Правителя Светлого Леса клятвы очень серьёзно ограничивают меня, Владыка, — чуть склонила голову Цапля и продолжила: — Мне позволено говорить абсолютно открыто лишь с отцом, братом и мужем. Иначе я уйду в Свет, — тихо закончила она.

Из-за грани: «Стук-тук-тук... шестнадцать!»

Хищно блеснув глазами и лишь этим выдав азарт своей крайней заинтересованности, Владыка Подземья и Тени проговорил, ещё немного построжев:

— В таком случае, Ваше Высочество, Сиятельная Алуринель, Первая дочь Правителя Светлого Леса, я откладываю этот разговор до нашей официальной помолвки, что снимет с Вас понимаемые мной ограничения.

После тёмный эльф поднялся, как и светлая вслед за ним, и спокойно сказал:

— Ваши покои — в Вашем полном распоряжении, они защищены самым лучшим образом от всех возможных угроз. Не стесняйтесь обращаться к слугам с любыми разумными просьбами и требованиями. Более никто не нарушит Ваш покой до прибытия Ваших соотечественников для проведения традиционного приёма в честь представления невесты Владыки ко Двору Подземья, — чуть помолчав Эрр добавил: — Как мне известно они будут здесь со дня на день.

Ошеломлённая Светлана, с трудом удерживая вежливо-нейтральное выражение лица, низко поклонилась и весьма твёрдо произнесла:

— Благодарю Вас, Владыка Подземья и Тени Великих Гор Эрр Первый, за столь высокую заботу.

Ответив церемонным кивком, тёмноэльфийский монарх понимающе посмотрел на светлоэльфийскую принцессу, развернулся и степенно покинул покои, оставив Цаплю фактически в заключении.

Не рыбой единой

В этой главе Вольный Ветер шелестит на страницах старых книг.

Утро моё началось привычно бодро в седьмом часу пополуночи. Провёл я его в спокойных рутинах: подъём, омовение, зарядка, обильный завтрак, идентичный вчерашнему, но доставивший не меньше радости.

А вот появившийся с последним глотком ко юный посыльный внёс ожидаемое мной разнообразие — меня желал видеть мой отец, Владыка Эрр Первый.

Форма и время вызова ясно говорили об официальнойности, и, резво переодеваясь во вполне допустимый комплект стража, я размышлял: «Видимо, ужин и беседа со светлой принесли важные сведения, которыми отец решил поделиться. Интересно — только со мной или с близнецами тоже?»

Сегодня путь вывел меня всё также к Дворцу Вершины, но на этот раз — к центральному входу. Кивками поприветствовав знакомых воинов, бдительно несущих стражу, и миновав пока ещё почти пустые коридоры и лестницы, я достиг приёмной Владыки.

На входе сразу же чётко и церемонно отвесил полупоклон Отту, бессменному секретарю Эрра Первого, чья строгость и педантичность могли поспорить лишь с его ростом. Он, встав из-за огромного стола, почти погребённого под аккуратными стопками самых разнообразных документов, также церемонно и чуть глубже поклонился мне и сухо произнёс:

— Таор, рад видеть тебя. Владыка примет тебя вместе с Их Высочествами Эном и Эной ровно в восемь утра, — завершив речь, Отт одними глазами указал на несколько каменных табуретов справа от входа и вернулся к своей работе.

«Что ж, судя по внутренним часам, работающим как... эээ... часы! — странно подумалось мне, — до восьми буквально тройка минут. Уверен, близнецы также вот-вот явятся».

Усевшись на полированный камень, сохраняя идеальную осанку, я замер.

Но ненадолго — шесть десятков вдохов спустя входные двери вновь распахнулись, и в приёмную вступили они, монаршие юноша и девушка, оба юность и порыв, обузданные разумом и пониманием долга.

Поднимаясь синхронно с Оттом и кланяясь строго по этикету, я думал: «Экать меня проняло! Ну оно и не мудрено: три сотни лет на двоих соответствующего воспитания и образования на фоне древнейшей родословной от Первых Тёмных не могут не дать восхищающего результата».

Отзвучали слова традиционного приветствия, Отт трижды постучал в стрельчатые двери напротив входа и, услышав спокойно-повелительное «Да», распахнул створки чёрного металла, функционально украшенные магическими кристаллами.

Пройдя в кабинет Владыки чуть позади близнецов, я — в который уж раз, как подсказала память — залюбовался местом работы самого загруженного разумного Подземья. Неширокая, вытянутая от входа, комната-пещера, по стенам которой высятся вплоть до

сводчатого потолка шкафы, полные свитков, папок и каменных табличек, завершалась не столько массивным рабочим столом и каменным креслом, где восседал Эрр Первый, сколько полукруглым эркером за его спиной, являющим посетителям полную карту Подземья и Тени Великих Гор, выполненную из драгоценных камней и кристаллов. Она протянулась от левого края стола до правого и от пола до потолка и подсвечивалась снаружи направленными сверху и слева лучами давно взошедшего солнца.

Сморгнув притягательное наваждение шедеврального витража, я не замедлил включиться в церемонно звучащие приветствия.

— Сегодня, дети мои, — заговорил Владыка чуть погодя, — я призвал вас, чтобы лично сообщить удивительное известие: к нам едут Хуух-Дууд Салхины, — насладившись немой сценой, он размеренно поведал: — Едва забрезжил рассвет, как к Вратам явился юный салхин-вестовой и поведал, что вскорости прибывает делегация от правящего клана Детей Вольного Ветра Южной Степи, возглавляемая братьями-близнецами Бургасом и Яст-Мелхием, детьми Вождей.

Выждав десяток секунд, Эрр Первый продолжил:

— Сей новостью вполне оправдано был нарушен покой моего завтрака — ведь Ветреные Оборотни не посещали нас столь официально более пяти сотен лет, с момента окончательного установления отношений добрых соседей. Тем паче с наследниками Золотой Кошмы в составе посольства, — голосом выделил он. — Посему сегодня ваш день будет посвящён углубленному культурно-историческому экскурсу о Хуух-Дууд Салхинах в библиотеке Дома, необходимому вам ввиду сложившихся обстоятельств и скудости сведений о нравах и обычаях Оборотней Вольной Степи, включённых в ваши учебные планы, — единым повелительным посылом заключил Владыка.

Чуть потеплев взглядом, отец добавил:

— Тебе, Эна, это будет особенно полезно. Я уверен, что Бургас и Яст-Мелхий прибывают не просто с визитом вежливости, но с матримониальными планами.

Повисла пауза, буквально искрящаяся любопытством, но ненадолго — отмершая принцесса, наклонив голову с чуть хищным выражением лица, произнесла, вложив в голос благодарность и довольную заинтересованность:

— Да, отец, благодарю!

Следом и мы с Эном синхронно склонили головы и хором молодцевато гаркнули:

— Да, отец! Благодарю!

— Засим, дети мои, — улыбнулся одними глазами Эрр Первый, — более вас не задерживаю. Ступайте, — едва заметным кивком попрощался с нами Владыка Подземья и Тени Великих Гор.

Традиционно ответив на прощание, наше трио чемпионов по синхронным кивкам и поклонам покинуло кабинет и, миновав приёмную, уже заполняющуюся первыми посетителями, молча углубилось в полусумрак тоннелей и лестниц, ведущих вглубь дворцового яруса.

«Вот это папа выдал! Я, конечно, предчувствовал скорые перемены и прочие приключения. Но со светлыми! Что там с Алуринель-Светланой? Что узнал вчера отец? — думалось мне на ходу. — Но нет, изнывай от любопытства! А тут ещё и Хуух-Дууд Салхины, что бы не значили сии странные слова! Из всей информации разве что общие сведения и есть в памяти: Вольная Степь на юге, кочевники, едва начавшие вести полуосёдлый образ жизни, да какое-то специфическое оборотничество», — ворошил я воспоминания.

В фойе библиотеки нас уважительно встретил молодой Ал, помощник мастера Хранителя Знаний Дома Владыки, и проводил в отдельный читальный зал с большим квадратным столом и тремя табуретами серого камня вокруг него. Большую часть поверхности занимали свитки и весьма крупноформатные книги, сулящие очередное многочасовое погружение в глубины мудрости предков, собиравших и преумножавших!

— Эн, Эна, — сказал я, когда Ал нас покинул, — предлагаю, как и прежде, разделить на троих весь массив, проштудировать и законспектировать, а после пересказать друг другу. Полагаю, что после совместного ужина у меня в покоях, можно будет спокойно всё обсудить, — я со значением прикрыл глаза, чуть поводя обоими ушами.

— Да, Таор, ты прав, и предложения твои разумны, — слегка задумчиво ответил брат.

А сестра молча, с крайней заинтересованностью уцепила самый толстый том с кратким названием «Их нравы. Том второй — Вольная Степь» на обложке и ушла в глубокие чёрные строчки. Мы же с Эном разделив пополам оставшиеся книги потоньше, а пару ветхих свитков оставив на закуску, так же нырнули в пучину слов.

Тишина, нарушаемая лишь шелестом страниц да деликатным поскрипыванием металлических перьев, и привычка тела и ума к подобным трудам способствовали концентрации и разумному поглощению знаний о весьма необычном народе.

Хуух-Дууд Салхины, что означало — Дети Ветра, занимают всю Вольную Степь Юга, граничащую со Светлым лесом от юго-востока до севера, с Тенью Великих Гор — от севера до запада и с Пустыми Песками на самом юге. Через всю степь протекают две широкие и полноводные реки, также имеется пяток крупных и десятков мелких озёр.

Жизнь салхины ведут преимущественно кочевую, связанную больше со скотоводством, нежели с земледелием. Но при этом у них имеются и достаточно крупные города — центры ремёсел и знаний, расположенные у самых крупных озёр. Такова и столица — Тов-Хот, самый древний город Вольной Степи, раскинувшийся по берегам крупнейшего озера Тов-Нуур.

Общество у кочевников клановое, где каждый клан правдиво возводит свои многотысячелетние родословные к Первым Детям Ветра: легендарным предкам, обошедшим Великую Степь, давшим первые Законы и утвердившие в том числе правило: «Один клан — одно дело».

Но в полной мере сей принцип, как и прочие Мудрости Первых, был реализован лишь тысячу лет назад, когда вожди Клана Золотой Кошмы словом и делом прекратили бессмысленные междоусобицы внутри Вольной Степи.

«Что, в целом, коррелирует с нашей историей, — подумалось мне, — где так же Дом Владык объединил и сплотил всех тёмных эльфов под Тенью Великих Гор. Правда, случилось это несколько ранее — около четырёх тысяч лет назад».

Так же, как и все разумные этого мира, Хуух-Дууд Салхины владели магией.

И вот тут началось интересное: в человеческом образе магией Дети Ветра пользуются мало и неохотно, больше полагаясь на силу и выносливость, ловкость и скорость. А для достижения высот и глубин преображения реальности силой волшбы они оборачиваются в различных животных. Причём если салхини превращаются по образу праматери-основательницы своей линии, то салхины — всяк по своему характеру.

Но и это ещё не всё: мужчины всегда появляются на свет «близнецами» — идентичными лицами, но разными и по телосложению, и по нраву. Один брат всегда ярок и активен, крепок и мускулист, второй — тих и хладнокровен, жилист и тонок. И при этом

обращаются они по невероятно причудливому порядку: первый становится крайне небольшим животным, в совершенстве владеющим атакой, а другой — крупным и бронированным, чью защиту не поколебать.

«Да здравствует закон сохранения! — радостно вывел я. — Массу в энергию, энергию — в массу».

Час сменялся часом, промелькнул незапоминающийся обед в крошечной столовой при библиотеке, где мы также сохраняли сосредоточенно-погружённую концентрацию. К исходу дня мы с близнецами одолели всю кипу литературы. Переполненные знаниями, оставив идеальный порядок и наскоро попрощавшись с Алом, молчаливым трио мы двинулись в мои покои, отправив по пути посыльного на кухню с поручением сервировать ужин на троих.

Прокручивая в голове свежие знания и укладывая их в логические цепочки для последующей аналитики, я невольно всматривался в лица близнецов, идущих по бокам от меня. Шедшая слева Эна, кроме понятной задумчивости, несла ещё и выражение глубокого довольства и чуть хищно посверкивала взором тёмно-лавандовых глаз. Эн же являл собой глубокую сосредоточенность, будто решал в уме нечто невообразимо сложное, поглощающее почти весь ум наследника Подземья.

Добравшись до нашего дворца и зайдя в мои покои, мы не смогли сдержать череды восторженно глубоких вдохов — на столе исходил фантастическими ароматами традиционный ужин: немаленькая горка золотистой бульи, бодренцы и люблоки, нарезанные в салат, двенадцать разных соусов, хлеб и вино на троих.

— Ужин! — хором возрадовались мы.

И, не медля ни секунды, расселись за столом.

«Кто-то, может, и спросит: как же так, одно и то же изо дня в день? — думал я, не щёлкая челюстью мимо рыбы. — А я скажу: выверенное постоянство, обеспечивающее нужды организма, несёт много больше пользы, нежели сменяющие друг друга разнообразные изыски. Таков путь тёмных».

Постепенно насыщаясь, я и близнецы понемногу обменивались узанным из книг и сводили воедино общую картину. Существенное дополнение внесла Эна об участии салхини, женщин Детей Ветра: они, как и эльфы, обладали возможностью зачать лишь дважды, но могли выносить и спокойно родить и близнецов-мальчиков, и девочку — продолжательницу Линии Праматери. К тому же браки салхини заключают сразу с обоими братьями-близнецами, и считаются равными мужьям в правах и обязанностях.

«Да, теперь мне понятно хищно-довольное выражение лица Эны: два мужа и Золотая Кошма главного клана — солидный куш!» — сделал вывод я, зная амбициозные мечты сестры.

И тут внезапно я вспомнил об одной несколько сомнительной идее.

— Эна, — спокойно обратился я к сестре, — не хочешь попробовать? Как раз осталась последняя булья, — с этими словами я пододвинул ближе к принцессе мисочку с синим соусом.

— Таор, мне уже не пять десятков лет, и я не поверю снова твоим рассказам, что это очень вкусно и способствует пробуждению Магии Огня, — отчеканила Эна чуть прохладным тоном.

Вдруг, едва уловимо, на мизерную долю секунды её лицо словно бы стало старше, и она сказала:

— Хотя, прошла уже сотня лет, можно попробовать ещё раз.

И, решительно окунув рыбку в соус из йяай, куснула её с неким предвкушающим ожиданием.

Глаза Эны тут же распахнулись во всю отведённую природой ширь, лоб инфантессы вмиг покрылся лёгкой испариной, а глубокое дыхание раздувало крылья породистого носа. Губы принцессы расплылись в невероятно довольной улыбке, и она произнесла голосом, знакомым больше мне-Сандру, нежели мне-Таору:

— Эх, и как теперь переть в этот кхаласар на лыжах, когда тут такая еда?

И задорно хрустнула золотом рыбы в синеве соуса.

Повисла недоумённая пауза.

— Шо? — чуть погодя, спросила Анаис — а это, без сомнений, была именно она. — Для девочки и впрямь перебор с остротой, а мне — самый самолёт!

Насладившись нашими нечеловечески удивлёнными лицами, она продолжила:

— Так, Константин, — несколько строго, но достаточно ласково посмотрела Настя на Костю-Эна, — я твёрдо намерена принять предложение Бургаса и Яст-Мелхия и отправиться царствовать! Эне нужен трон, вернее Кошма эта Золотая, а мне интересно. И, да, — добавила Анаис, — даже и не думай о «деле семейном»!

— Да я никогда! Я вообще нет! — смущённо и потрясённо начал оправдываться Костя, выдав себя с головой. — Я вот тут тоже стремлюсь к вершинам власти и вообще соблюдаю принципы Разума и Закона.

— Вот и хорошо, — заключает Настя и умиротворённо замолкает.

А мне меж тем думалось: «Каков же Владыка, а? Вторая жена из Старшей Ветви Древа Власти Светлого Леса, дочь — будущая супруга Вождей Клана Золотой Кошмы, сын-в-законе — единственный наследник трона Домена Огня. Эрр Объединитель?»

— Что ж, дорогие близнецы за триста, — невольно схохмил я, — Цели наши вполне ясны. Предлагаю и далее двигаться в их направлении, радостно преодолевая всякое, ниспосланное щедрой фантазией мастера.

Дружные кивки и символическое поднятие кубков с игристым стали мне ответом.

После доеденного в спокойном и лёгком молчании десерта, Эн и Эна легко поднялись и, попрощавшись, направились каждый в свои покои.

Я же в сытом довольстве лениво размышлял, готовясь ко сну: «Надо бы аккуратнее с такими диалогами. Попаданство — это вам не шутки, тем более на таких вершинах. Не хотелось бы спалиться, а то Тьма знает, что может быть».

Бурундук и Черепаха

В этой главе нет ни слова о бурундуках и черепахах.

Утро следующего дня было вновь рутинно и тихо в священном одиночестве, которое нарушил очередной посыльный, наверняка знавший мой распорядок и принёсший официального вида пергамент как раз к завершению завтрака.

«Так, и что тут у нас? — внимательно вчитался я в несколько строк чёрной строгости тёмноэльфийского. — А, Дети Ветра! Вот же скоростные, хвала их Предку. Уже почти прибыли, и Эрр Первый созывает малый приём в их честь. На котором мне, сыну-в-законе Владыки, надлежит непременно быть в шесть часов пополудни. О чём и гласит приглашение, больше похожее на повеление».

Несколько рассеянно положив документ в архивную стопку на рабочем столе, я замер в размышлении: «Так, близнецы сейчас наверняка заняты по самые кончики ушей: Эн, как наследник, втянут в организацию приёма, Эна подбирает наряд и комплектует его самыми смертоносными из любимых острых украшений. А я?»

«А я немедленно переодеваюсь в комплект стража! — недоумённо-раздражённо рывкнул Таор. — И со всей стремительностью несусь к Онну! И да не дай мне Тьма опоздать и вновь познать его фантазию в наказаниях за непунктуальность!»

Молниеносно влетев в укреплённые одежды, я метеором сорвался с места, и коридоры так и замелькали редкими светильниками, пронесившимися размазанными сполохами то справа, то слева.

Благодаря скорости и выносливости добраться до первого этажа дворцового комплекса, занимаемого Стражей Дома Владык, мне удалось вовремя. Двумя вдохами выровняв дыхание, я постучался в кабинет Главы Стражи.

Получив ответное «Да!», вошёл и, глубоко склонив голову в приветствие, сказал:

— Рад видеть тебя, Онн.

— Рад видеть тебя, Таор, — спокойно ответил тот. — Буду краток: сегодня до обеда тебе поручается проверка и контроль всех постов стражи Дворца и прилегающих территорий, после, ввиду сложившихся обстоятельств, ты свободен для личной подготовки к приёму. Отчёт о проверке должен быть сдан после обеда. Вопросы?

— Никак нет, — вытягиваюсь во фрунт.

— Исполниай, — приказывает он.

— Есть, — молодежато гаркаю я и в прощальном кивке замечаю искорки смеха в глазах главы Внутренней Стражи, чьё лицо было всё так же неподвижно и, кажется, лишено эмоций.

«Вот он — практический ответ на вечный вопрос: кто усторожит сторожей? — размышлял я, в приличествующем заданию темпе обходя посты один за другим. — Но какова же ирония: я, наполовину потомок Бездны, проверяю стражей, расставленных по всем стратегически важным местам именно на случай её, Бездны этой, прорыва».

Коридор за тоннелем, залу за залой, лестницу за переходом я проверил весь Дворец Владыки и каждого стража. И нигде не встретил не то что нарушения, но даже малейшего

отклонения. Разве что юный Ин на посту у дворцовой кухни излишне сильно принюхивался и бурчал желудком. Ну оно и не мудрено: мастер-повар Илл, как всегда, был в ударе, и ароматы разносились самые чарующие.

Немного ускорившись благодаря мыслям о скором обеде, я завершил обход и вернулся на этаж Стражи, решив сначала составить отчёт и сдать его: благо писанины предвиделось до смешного мало. С тем и пожаловал в зал Тихой Работы и занял один из свободных столов.

Ужав все результаты проверки до строго формализованного смысла, получил полдесятка строк, богатых на «невыявлено», «незафиксировано» и «незамечено». Сдав быстро написанный опус в секретариат, я покинул обитель Закона и Порядка.

«Орднунг, как есть он! — со смесью восхищения и гордости думал я, вновь меряя лёгким шагом переходы до Дворца Детей Владыки. — Всё точно и чётко, всё общество работает, как единый механизм, созданный виртуозом и отлаженный гениями. И даже непредсказуемые события не вносят хаоса в строгую размеренность Подземья, но лишь вызывают закономерные ответные действия максимально разумного характера».

Добравшись до собственных покоев и наскоро освежившись, я привычно обнаружил на столе обед на одну персону.

Непривычным и едва знакомым был его состав: небольшое блюдо с явно отварным мясом, рубленным большими кусками, глубокая миска с густым бульоном, полным лепестков теста и кусочков мяса поменьше, и ещё одно блюдо несло на себе пару пучков дразняще пахнущих, хрустких даже на вид стеблей трав, перемежаемых горстями свежих ягод, среди которых я неожиданно узнал горинку. Венчал стол изрядных размеров чайник, исходивший тонким и незнакомым ароматом.

Не медля ни секунды, приступил к трапезе, попутно анализируя: «Вот и дух Вольной Степи проявился в Тени Великих Гор. Явно кухня разумных, ведущих кочевой образ жизни: жирное мясо из собственного стада, быстрый и простой суп и дикорастущие, собранные окрест. Сытно и здорово. Видимо, посольство Хуух-Дууд Салхинов уже прибыло во Дворец, и было решено продемонстрировать гостеприимство их традиционным обедом. Ну а Илл вновь показал, что для него нет ничего невозможного, да ещё и совершил крайне разумный ход, послав блюда к столам будущих участников приёма, настраивая оных тем самым на нужный лад».

Расправившись с изобилием, уютной сытостью растекавшимся по телу, и допивая терпкий чай непривычного вкуса, что невероятно гармонировал с прочей едой, я продолжал несколько лениво размышлять: «Хорошо, что обед был таков. Ведь на приёмах еды или напитков не подают: Дворец Владыки — не столовая. А принятие посольства, как мне помнится из томов церемониала, не самая короткая процедура. Да ещё и не стоит забывать о вполне вероятной велеречивости Детей Ветра — такой народ наверняка любит поговорить, особенно по столь торжественному случаю. Тем паче, что два наследника Вождей Золотой Кошмы будут свататься к Эне. Тут уж и до утра говорить можно. Ох, дай Тьма терпения ничего не учудить!»

Тихо усмехнувшись своим мыслям, встал из-за обеденного стола и перешёл к рабочему: как раз можно посвятить оставшееся до приёма время чтению — освежу в памяти ключевое о принятом, допустимом и неупоминаемом в общении с салхинами, чтоб не отжечь чего без умысла.

«Вот, например, — читал я свои же летящие строки, — нельзя спрашивать, кто главнее в паре близнецов — верх бескультурья, ведь даже младенец-салхин в курсе, что, появляясь

одновременно на просторе Вольной Степи, братья абсолютно равны и в глазах родителей, и перед всем народом».

Так минул час с небольшим. У шкафа я переоделся в парадный камзол с короткими полами, мало отличимый от обычного облачения стражи. Разве что узкие полосы гибкого металла, защищающим корсетом облегающие торс, были под верхним слоем искристо-обсидиановой гладкой ткани, тонко изукрашенной багряной и карминовой вышивкой.

Бросив взгляд в зеркало напротив и убедившись в полном соответствии облика предписаниям и потребностям, я микроскопическим волевым усилием погасил все светильники и был таков.

За два с половиной десятка минут стремительный шаг принёс меня в Малый Зал Приёмов, являющий собой увеличенную всего раз в пять копию кабинета Владыки: слегка вытянутое от главных дверей прямоугольное помещение завершалось эркером, несущим в себе ещё более подавляющий своей масштабностью, искусностью и подробной тщательностью витраж — карту Подземья и Тени Великих Гор. Лучи начавшего клониться к закату солнца справа наискосок подсвечивали единственный предмет интерьера: каменный Престол Подземья, высеченный из цельного куска обсидиана, покрытый тончайшей резьбой многочисленных заклинаний и возвышающийся на трехступенчатом подиуме ровно в центре полукруглой части зала. Будто бы небрежно наброшенная на троне лежала кипенно-белая шкура снежного люта, побеждённого отцом единолично ещё три столетия назад.

Как и прочие тёмные, с приличествующей неспешностью заполнявшие зал, я вошёл через боковые двери слева от витража и сразу же занял предписанное церемониалом место — на второй ступени возвышения, справа от пока ещё пустующего Престола.

Наблюдая за главенствующими представителями Великих Домов Подземья, чинно раскланивающимися друг с другом — и со мной — и занимающими положенные места, я кивал в ответ и, не вслушиваясь в тишайшие речи, размышлял в ожидании: «Идеально, как по мне! Встретились, объявили важное, обговорили необходимое и разошлись. Никаких тебе танцев на три часа и фуршета стоимостью в полугодовой бюджет деревни».

Уловив абсолютную тишину, как по волшебству разлившуюся в воздухе, заметил отворившуюся дверь справа от витража и появившихся близнецов, идущих бок о бок. В секунду преодолев незначительное расстояние, они замерли на верхней ступени возвышения, Эн справа от трона, Эна — слева. Я и собравшиеся склонились в приветствии.

Подняв голову после одновременного кивка в ответ, я краем глаза окинул брата и сестру, отличающихся сегодня не только фигурами, но и одежками. И если на Эне был вполне привычный парадный мундир с антрацитовою вышивкой заклинательной вязи, то Эна щеголяла в длинном камзоле, превосходно подчёркивающим грацию и идеальные формы юной принцессы.

Близнецы замерли, тишина сгустилась до абсолюта, воздух едва заметно колыхнулся, и перед Престолом возвысился Владыка Подземья и Тени Великих Гор.

Все присутствующие одновременно склонились, а Эрр Первый промолвил:

— Рад видеть вас, Дети Тьмы.

— Рады видеть тебя, о Владыка! — грянул хор тёмных во главе с близнецами и мной.

Стоило отцу занять монаршее кресло, неуловимым движением закинув косу за спинку, как раздался троекратный стук в главные двери зала.

— Да! — провозгласил Эрр Первый.

Створки распахнулись, и в зал прошли восемь разумных, шествующих в неторопливой

важности. Были они высоки, смуглы и тёмноволосы, а чуть раскосые глаза с искусно скрываемым любопытством изучали обстановку. Как и ожидалось, прибыли четыре пары близнецов из Клана Золотой Кошмы, о чём ясно говорили богато расшитые золотом по небесно-голубому халаты-дэгэлы с однотипными узорами и широкие золотые же обручи, охватывающие лбы идущих впереди братьев.

Не дойдя полдесяток метров до тронного возвышения, посольство оборотней остановилось, и Дети Ветра синхронно отвесили поясной поклон. Причём исполнен он был с непередаваемой грацией и несколько хищным изяществом, которые сразу же многое сказали опытному взгляду.

Вновь подняв взоры глубоко карих глаз, столь идентичные лицами, сколь и различные фигурами, монаршие близнецы выступили на шаг вперёд и слаженным дуэтом тенора и баса провозгласили:

— Рады видеть Вас, о Великий Владыка Подземья и Тени Великих Гор, Эрр из Дома Владык Подземья, Первый своего имени! Да прибдет власть твоя по всем пределам державы твоей! Да воссияет разум твой подобно блеску вершин Великих Гор под лучами Вечного Солнца, и да будут законы твои незыблемы, как корни их! Да будут подданные твои счастливы и благополучны, и да превзойдут дети твои всякого мастера!

— Рад видеть вас, о Хуух-Дууд Салхины клана Золотой Кошмы, повелевающего Вольной Степью от моря до моря! — начал ответную речь отец, большую часть которой я бессовестно пропустил, против воли засмотревшись на гостей.

«Вот ведь когнитивный диссонанс! Черты лиц ну вообще не отличить! — думалось мне украдкой, — А вот конституция... Один — крепкий, статный, мускулистый, второй — поджарый и жилистый. И уже сейчас можно с уверенностью предположить, что басащий первый — весь порыв и действие, тогда как тенор — спокойствие и расчёт».

— Что привело вас к моему трону, о Дети Ветра Вольной Степи? — вопросом завершил меж тем свою речь Владыка.

— Мы, — внезапно дуэт распался.

— Яст-Мелхий, — лёгким наклоном головы указал здоровяк направо.

— И Бургас, — так же представил брата сухопарый.

— Сыновья Вождей Клана Золотой Кошмы, да будет власть их подобна всеприсущему дыханию Вольного Ветра Степи, — вновь объединились братья в своих речах. — Прибыли к твоему престолу, о Эрр Первый, чтобы просить о великой чести — о твоём отеческом дозволении назвать прекраснейшую Эну нашей невестой!

Вновь отвесив поясной поклон, братья обратились во внимание. Спокойно и веско Владыка ответил:

— В Тени Великих Гор и Подземье всяк сам волен в выборе супруга, такова и дочь моя — Эна. Лишь после её согласия, я смогу одобрить сей союз.

Уважительно и понятливо опустив головы близнецы ответили:

— Благодарим Вас, о Владыка!

После одновременно чуть повернулись в сторону принцессы и опустились на левое колено каждый. Правые руки братьев синхронно исполнили грациозный ритуальный жест — от сердца ко лбу и к небу. Первым начал Бургас, густым и обволакивающим басом моментально заполнив всё пространство Малой Залы:

— О прекрасная Эна, истинная дочь Тьмы, облик твой подобен завораживающему цветку невероятной редкости, а красота затмевает собой Великие Звёзды! Волосы твои белее

первого снега, а глаза...

Тут я усиленно моргнул и перестал погружаться в транс пространно-восхвалительной речи.

«Вот это да! — восхитился я. — Тон, тембр, темп просто идеальны. Вон, даже Эна начала моргать в такт плавным волнам велеречивых эпитетов».

— Прошу, стань моей женой! — завершил свою речь Бургас и склонил голову в ожидании.

— О велеумная Эна, — серебристым тенором обратился к принцессе Яст-Мелхий, — сияние твоего разума подобно Вечному Солнцу, а слава о знаниях твоих гремит и среди Хуух-Дууд Салхинов! Труды твои об общей силлаботонике вербальных заклинаний занимают почётное место в библиотеке Тов-Хота! Прошу, стань моей женой!

«А? — едва не спросил я вслух. — Не, слова понятные, но, на контрасте с двухминутным монологом, если не шокируют, то вводят в некое замешательство. Может, на то и расчёт?»

Принцесса же, прикрыв на миг лучащиеся лукавым довольством глаза, ответила братьям:

— О сыновья Вождей клана Золотой Кошмы, повелевающих Хуух-Дууд Салхинами и Вольной Степью от моря до моря, речи ваши разумны и изысканы, а предложение в высшей степени интересно. Прошу дать мне время на раздумья. Ответ я сообщу вам на ближайшем приёме.

— Да будет так! — снова дуэтом утверждают близнецы, кланяются Эне и поднимаются. *Из-за грани доносится тихий, несколько раз повторяющийся стук и неясное бормотание мастера.*

— Вы слышали ответ моей дочери, о Вольные Дети Ветра, — возвестил Эрр Первый. — Я же скажу: будьте гостями в нашем дворце. Предоставленные вам покои в вашем полном распоряжении, а слуги готовы выполнить всё в рамках Разума и Закона. Рад был слышать вас, о Хуух-Дууд Салхины клана Золотой Кошмы.

— Рады были слушать Вас, о Владыка Подземья и Тени Великих Гор, — ритуально попрощались сыновья Вождей, ещё раз вместе с остальной делегацией поясню поклонились, развернулись и степенно удалились в спокойной тишине.

— Рад был видеть вас, Дети Тьмы, — ровно промолвил отец, стоило лишь дверям затвориться за оборотнями.

— Рады были видеть тебя, о Владыка! — вновь грянул хор тёмных.

Спустя секунду тёмноэльфийский монарх покинул высокое собрание совершенно незаметным образом, и зал наполнился тихим шёпотом удивлённых разговоров. Эна же, почти не скрывая хищно-довольного выражения лица, неторопливо шла на выход. Рядом шагал несколько мрачный и задумчивый брат.

«Интересно, кто настоящий хозяин этих явно тяжёлых мыслей? — думал я, всё ещё стоя на месте и провожая родных близнецов взглядом. — Сам Эн, или всё же Константин?»

Так ничего и не решив, я стал медленно продвигаться к впусившей меня двери и прислушиваться к тихим беседам мастеров и глав великих Домов. В целом всё сводилось к нескольким тезисам, звучащим примерно одинаково из разных уст: «оборотни, как всегда, чрезмерны в речах», «но действия их в рамках Разума и Закона», «такого никогда не было» и «принцессе решать самой». Догадок же об ответе Эны никто благоразумно не строил, так как решительность и амбициозность сестры не были тайной.

«Да, вполне понятные и предсказуемые реакции, — размышлял я и, подгоняемый просыпающимся голодом, бодро мерил шагами пустеющие коридоры и переходы. — Вот создаст Её Высочество прецедент, а через три сотни лет будет в Подземье новый Дом — Тёмного Ветра, например. А дальше — расширение международных связей, упрочение отношений и прочий культурный обмен. Не говоря уж о торговле с Вольной Степью, пусть о ней Ушш, мастер-купец, говорит».

Едва открыв двери своих покоев, я был атакован запахами ужина, что вскружили мне голову, пробудили поистине демонский аппетит и почти лишили воли. В мгновение ока сменив одежду, я уселся за стол, уставленный снова блюдами кухни Хуух-Дууд Салхинов, окружающими уже виденный крупный чайник, отчётливо вносящий в симфонию ароматов глубокую ноту лаванды.

«О мать моя Тьма! — не смог сдержать я восхищения. — Буузы!»

И впрямь — на одной из плоских тарелок возвышалась внушительная горка крепких и округлых мешочков полупрозрачного теста, буквально лопающихся от переполняющих их начинки и бульона. Напрочь проигнорировав прочие тарелки и миски с мясом, травами-ягодами и, видимо, творогом, я скальным котом напал на степной вариант широко распространённого, оказывается, и в других мирах блюда.

Рот мой утопал в озёрах пряного и жирного сока, язык мой ощущал превосходную гармонию вкусов и текстур, а сознание моё уплывало в края безмятежного блаженства.

Которое так и не отпустило меня даже после поглощения и десятка бууз, и прочей еды. Допив последнюю пиалу чуть терпко горчащего чая, я стал готовиться ко сну, лениво перекатывая по пустеющей голове вопрос: «В кого же обращаются Яст-Мелхий и Бургас?»

Па-де-труа Тьмы и Ветра

В этой главе черепаха и бурундук сражаются.

Утро Её Высочества Эны, принцессы Тени Великих Гор и Подземья, началось весьма прозаично и буднично: подъём в шесть пополудни, душ, полчаски ко и внушительная тренировка, включавшая в себя не только физические упражнения и глубокую магическую медитацию, но и поединок-танец с неясной тенью, призванной ритмичным заклинанием-скороговоркой.

За традиционным завтраком тёмных эльфов чело августейшей особы несло печать глубоких дум. Связаны они были не столько с согласием на помолвку, кое оставалось лишь озвучить в подобающее время и в соответствующей обстановке, но более с желанием Эны как можно полнее узнать братьев-оборотней. И если разнообразные отчёты о наблюдениях могли подождать пристального изучения, то прямо сейчас активная натура юной принцессы требовала действий. Оставалось лишь тщательно продумать их и вписать в рамки двух этикетов и традиций разом.

Проведя ещё пару минут после завтрака в спокойной сосредоточенности, Эна решительно поднялась из-за стола, без тени сомнения облачилась в повседневные одежды, не лишённые изящной практичности, экипировала два любимых кинжала тёмного металла и, посверкивая самосияющими камнями диадемы, покинула свои покои.

Из-за грани: «Стук-тук-тук... девятнадцать!»

Но буквально на входе её встретил молодой курьер, с поклоном вручивший принцессе два послания. Первое на привычном пергаменте сероватого оттенка несло очередное разрешение о переходе на индивидуальный план обучения в связи со сложившимися обстоятельствами.

А вот второе, на пергаменте чуть желтоватом и блестящим золотой искрой, летящими строками и многословными оборотами сообщало о великой просьбе к прекрасной Эне уделить часть её драгоценного времени для ознакомительной прогулки с целью постижения личностей и установления диалога. Подписан был сей шедевр изящной словесности братьями Яст-Мелхием и Бургасом.

Удовлетворённо прикрыв глаза, Эна убрала оба послания в незаметный карман своего колета, предусмотренный как раз для документов, и неторопливо продолжила путь, на словах передав с посыльным весть Хуух-Дууд Салхинам о своём согласии на прогулку и скором прибытии, с чем молодой тёмный и испарился.

Держа путь знакомыми тоннелями и переходами, учтиво кивая в ответ на приветствия встречающихся тёмных, Её Высочество размышляла: «Сколь славно, что принципы Разума и Закона привели и меня, и братьев-оборотней к совершенно симметричному решению. Ещё приятней, что их ход будто бы первый. Так поле вариантов для меня много шире, нежели бы я сама выступила с подобной инициативой. Что ж, осталось продумать интересный маршрут до нужной точки». Тем Эна и заняла свой ум вплоть до самых дверей гостевых покоев, расположенных в среднем ярусе Дворца Владыки.

Вполне ожидаемо обе каменные створки украшали ярлыки беловато-лазурной кожи с

гербом Клана Золотой Кошмы, а по бокам замерли двое юных салхинов, почтительно склонившихся при приближении принцессы и распахнувших перед ней двери.

В первой же круглой пещере из анфилады предоставленных посольству, Эну встретили близнецы Яст-Мелхий и Бургас, одетые чуть менее празднично, нежели на приём: рукава дэгэлов были поуже, а полы покороче, хотя количество золотой вышивки ничуть не уменьшилось. Так же и прежние золотые обручи на монарших головах синхронно сверкнули, когда братья поклонились Её Высочеству.

— Рады видеть Вас, Ваше Высочество Эна! — дуэтом поприветствовали оборотни.

— Рада видеть вас, сыновья Вожей Клана Золотой Кошмы, — традиционно ответила Эна и также уважительно склонила голову.

— Мы не в силах описать словами всё счастье, охватившее нас после известия о Вашем согласии уделить нам внимание! — продолжили бас и тенор. — Посему просим Вас — ведите нас, ведь, как сказано Первыми: «В пути слова приходят легче и раскрывают сердце».

— Да будет так, — согласилась принцесса. — Путь наш сегодняшний будет пролегать до Анфилады Тысячи Шепчущих Искр, коя приведёт нас к великолепной Пещере Тихой Тени. Прошу.

Эна мягко и изящно повела рукой в сторону дверей, и братья не замедлили их отворить, пропуская грациозно шествующую девушку чуть вперёд, и чинно вышли после неё, следуя по бокам от тёмной и выдерживая почтительную дистанцию.

— Расскажите о себе, о сыновья Вожей, — некоторое время спустя обратилась принцесса к близнецам. — Каков был ваш жизненный путь?

— Как будет угодно Её Высочеству, — мягко и глубоко ответил Бургас. — Я и брат мой Яст-Мелхий вдохнули Первый Ветер двести десять лет назад на берегах глубочайшего озера Тов-Нуур, где раскинулась столица Вольной Степи — Тов-Хот.

— Я и брат мой Бургас, — продолжил Яст-Мелхий, — росли и воспитывались в союзе разума и силы наших отцов Зараа и Шишуухея и заботливой мудрости матери нашей Халиун.

Слово за словом, фраза за фразой, по пути прочь от дворцового комплекса перед Эной разворачивалась картина, весьма знакомая ей в общих чертах: всестороннее обучение, многочисленные тренировки, этикет и нормы, но вместе с тем и отчаянные шалости, о коих братья поведали, вновь слившись голосами в дуэт.

«Да, таков путь монарших детей любого народа, — думалось принцессе, — с рождения должны соответствовать. Лишь такое воспитание ведёт к формированию истинных владык, наделённых полным пониманием возложенной на них ответственности».

Но стоило братьям подобраться в своём повествовании к недалёким событиям, приведшим их к столь нетривиальному решению о сватовстве к Её Высочеству, принцессе другого народа, как очередной плавным спуском заворачивающийся коридор привёл всю троицу к весьма обычной для Подземья двери с высеченным на ней пустым квадратом небольшого размера, что, как известно всякому тёмному, говорило о малой магической опасности и рекомендовало первый уровень личной защиты.

— Вот мы и достигли первой цели нашей прогулки, — рука Эны мягко указала на дверь, — Анфилады Тысячи Шепчущих Искр. Будьте бдительны — там повышенный магический фон.

С этими словами всё ещё поднятая рука принцессы резким и отточенным жестом описала квадрат вокруг своей головы и неслышно прищёлкнула, завершив линию, что мелькнула густейшей чернотой и пропала. Полвдоха спустя со стороны Яст-Мелхия,

буквально пропевшего две пары повторяющихся аллитерациями слов, донёсся парный же порыв незнакомого ветра, явственно приподнявший причёски братьев.

Не говоря более ни слова, Её Высочество открыла дверь спокойным прикосновением и вошла, как и близнецы вслед за ней.

Шёпот, шорох, шелестение, мягкое журчание и тихая капель — вся кажущаяся симфонией какофония мягкими, войлочными колотушками обрушилась на чуткие, едва заострённые уши оборотней. А монаршие взоры застили мириады капель от ручьёв и водопадиков, кои резво несли свои воды вниз по уходящей вглубь цепочке пещер и порождали восхитительную завесу в воздухе, драгоценными камнями мерцающую в едва пульсирующем белом свете огромных грибов.

К чести сыновей Вождей стоит заметить, что шокированными они пробыли всего мгновение, а после выдохнули потрясённое:

— Невероятно!

— Истинно так, — согласно кивнула Эна. — Превосходное место, прекрасное не только с эстетической точки зрения, но и как тренировочный полигон для отработки защиты разума первой ступени. Грибы сияющего шума — источник ментальных волн, поглощающих внимание и лишаящих концентрации.

— Благодарю Вас, Ваше Высочество, за столь интересные знания, — искренне произнёс Яст-Мелхий.

— Благодарю Вас, прекрасная Эна, ещё и за столь необычное зрелище, — дополнил Бургас.

Принцесса же мягкой улыбкой и наклоном головы приняла благодарности и, чуть помедлив, ступила на хорошо заметную тропку, вьющуюся вдоль правой стороны анфилады, лёгким жестом пригласив братьев продолжить движение.

Десяток молчаливых минут спустя Эна остановилась у неприметного выступа стены и повернула в невероятно тёмный проход, скрывавшийся за ним, близнецы решительно нырнули следом. Через пяток шагов перед их глазами открылась сумрачная пещера с теряющимися в неясных тенях границами. Сам воздух сего необычного места, казалось, порождал освещённые места, уменьшающиеся и увеличивающиеся, перетекающие по неровному полу и нагромождениям непроницаемо-чёрного матового камня, высившимся то тут, то там.

Стояла первозданная, незыблемая, поглощающая тишина, глушащая даже звуки сердец.

Дав оборотням в полной мере насладиться необычностью и загадочной чуждостью окружающей обстановки, августейшая тёмная взяла слово:

— О сыновья Вождей Клана Золотой Кошмы! Добро пожаловать в пещеру Тихой Тени — самое любимое мною место в Подземье. Тишиит, — указала принцесса на ближайшую матово-чёрную грудку, — в изобилии встречающийся здесь, поглощает любые звуки. Многослойная же вязь древних чар, наложенная по всем поверхностям ещё при Первых Тёмных, самым надёжным образом экранирует пещеру от прочего Подземья и позволяет невозбранно применять заклинания любого порядка, — наблюдая за едва уловимым удивлением на лицах близнецов, сменяемым проступающим пониманием, Эна продолжала: — До объединения Подземья Пещера Тихой Тени использовалась для ритуальных поединков. Сейчас же эта традиция почти полостью ушла во Тьму, и это место служит учебным и тренировочным полигоном.

И, уже не скрывая предвкушающего азарта, Её Высочество, явно и чарующе-хищно

улыбаясь, провозгласила:

— И до самого обеда он в нашем полном распоряжении!

— Благодарим за оказанную честь, Ваше Высочество, прекрасная Эна! — синхронно склонили головы, но не опустили взглядов вмиг подобравшиеся братья.

— Каковы правила? — весьма сухо и резко спросил Яст-Мелхий, подняв руки на высоту груди и чуть разведя прямые пальцы.

— Не убивать, — звонко, будто по складам, огласила принцесса единственный на сегодня принцип поединка и канула в глубокую чёрную тень, будто бы ожившую и самочинно метнувшуюся укрыть любимое дитя.

Из-за грани раздался дробный перестук несколько раз брошенных двадцатигранников.

Едва отзвучал последний слог, как руки братьев пришли в движение. Чёткими, резкими, отточенными тысячами применений жеста Яст-Мелхий, действуя независимо каждой кистью, сплёл из внезапно налившихся молочной бледностью струй всецело подчиняющегося ему воздуха два защитных купола ажурной вязи.

Бургас же невозможно громко в поглощающей тиши пещеры хлопнул в ладони и резко, длинно выдохнул глубокое до, породившее видимую круговую волну гудящего ветра, тут же ударившую во все стороны от оборотней и, малейшую долю секунды спустя, встретившую мириады чернейших искр, устремившихся со всех сторон к близнецам. Поглотив большинство подарков тёмной, ветер моментально стих, а оставшаяся часть сияющих Тьмой точек устремилась к защитным плетениям братьев и явственно азартно вцепились в потоки воздуха, истончая их.

«Шшт штшт-шш!» — неразборчиво и ритмично-агрессивно всшипели все тени окрест, и в головы сыновей Вождей устремились копьё Абсолютной Черноты, мрачным гудением сулящие если не смерть, то серьёзные увечья.

Но они лишь просвистели впустую, ведь Бургас и Яст-Мелхий мгновенно сменили ипостаси, явив любопытствующему взору затаившейся в сумраке Эны свои вторые облики: бурундука, видом и размером своим заставляющего поверить в его несомненную хищность, и огромной черепахи, весь панцирь коей был испещрён замысловатейшими узорами цвета старой бирюзы, мгновенно засветившимися от наполняющих их сил.

Треть вдоха спустя бурундук, стоящий ровно в центре защитного орнамента на панцире Яст-Мелхия, фантазмагорично разразился густо басовым порывиванием, а верхние лапки его замелькали с неразличимой скоростью.

И без того несущиеся во весь опор события вовсе сорвались в едва различимый участниками полёт.

Каскадами проносились атакующие лезвия и копьё, волны и вихри. Бас грозно наступал на шепчущую тьму, а тенор стойко отражал молчаливые тени, раз за разом тёмной сталью кинжалов проверявшие прочность самых слабых мест защит, без усталости воздвигаемых черепахой одним лишь слегка изменившимся голосом.

Чарующий, прекрасный, изящный и смертоносный танец Тьмы и Ветра продолжался немисливо долгие полторы минуты, на исходе которых Эна, выдернутая из теней длинной и гибкой плетью воздуха, широкой полосой обвившей её тонкую талию, зависла вверх ногами над братьями и задержала кончики кинжалов буквально на тончайший волос от монарших носов.

Спустя глубокий выдох, слитно вырвавшийся у всей троицы, всё было кончено, и августейшие особы вновь принял вид и образ, предписанные этикетом. С которым, правда,

совершенно не вязались широчайшие улыбки, озарившие лица Эны, Бургаса и даже Яст-Мелхия.

Во вновь воцарившейся полной тишине сыновья Вождей и дочь Владыки отвесили друг другу поклоны равных, принятые среди мастеров.

После чего Их Высочества снова окружили себя защитами первого уровня и направились в обратный путь через Анфиладу Тысячи Шепчущих Искр и далее, вплоть до парадного входа во Дворец Владыки. На ходу все сохраняли полное молчание, сберегая в памяти мгновения поединка и наслаждаясь каждым из них. Лишь только у самых дверей дворца братья вновь склонили головы и слитно промолвили:

— Благодарим Вас, о прекрасная Эна, дочь Владыки Подземья и Тени Великих Гор, за уделённое нам время и столь познавательную экскурсию, коя навсегда останется в нашей памяти!

— Благодарю вас, о сыновья Вождей Клана Золотой Кошмы, — ответно склонила голову принцесса. — И моя память навечно сохранит эти воспоминания. Рада была видеть вас!

— Рады были видеть Вас, — ритуально попрощались Бургас и Яст-Мелхий.
Засим троица разошлась, направившись по своим покоем.

Зелёные в жёлтом

В этой главе присутствует некоторая доля занудства.

Утро Его Высочества Эна, принца Подземья и Тени Великих Гор, истинного сына Тьмы и полноправного наследника Владыки Эрра Первого, началось... Да вообще не началось. Ведь придя вечером после приёма в свои покои и слегка безразлично расправившись с ужином, Константин и Эн преодолели тяжёлые думы о скором отъезде любимой (и) сестры совершенно нетривиальным способом: взяв за странную основу сетования о невозможности быстрой связи и нормального общения на расстоянии, два симбиотических сознания, дополняя и подхватывая идеи и знания друг друга, всю ночь напролёт с вдохновенным исступлением ваяли проект дальней магической связи на основе квазиразделённых пластин залятого до последнего атома гранита, что должен был моментально копировать написанное на одной своей половине на другую.

Из-за грани: «Стук-тук-тук... двадцать!»

Мелькали свитки и талмуды справочников, листы пергамента поглощала полубезумная вязь на двух языках сразу, а изумлённые посыльные то и дело отправлялись за очередным кувшином ко.

Без четверти восемь по полуночи проект был готов, и Его Высочество, едва не забыв переодеться, устремился в приёмную отца. Впервые за многие десятки лет воспользовавшись правом на доклад без очереди, тёмный принц вошёл в кабинет Владыки.

Едва отзвучали положенные приветствия, как Эн молча подошёл к Эрру Первому и вручил ему краткий конспект-доклад своего невероятного проекта.

Воцарилась тихая пауза — Владыка вникал в летящие строки сына, а Его Высочество наблюдал никогда не виденную им ранее картину: брови отца вдруг стали медленно подниматься всё выше и выше, стремясь сдвинуть Венец Тьмы, а глаза не только расширились сверх всякой меры, но и несколько раз отчаянно смаргивали, будто не веря прочитанному. Вслед за этим и Эн позволил себе улыбку, что так и просилась на его лицо.

Пару минут спустя, дочитав, монарх поднял глаза, поднялся сам и учтиво поклонился своему отпрыску, разразившись после небывало прочувственной речью:

— Благодарю тебя, сын мой! Представленное тобой поистине можно назвать гениальным! Разум твой породил чудо, и оно изменит историю не только Подземья, но и всего Мира! Деяние твоё достойно всех возможных наград! Уверен: на ближайшем собрании мастеров и глав Домов тебе с великим почётом вручат право на третью букву в имени. Я лично составлю ходатайство о том! — чуть помолчав, Владыка просто спросил: — Как, сын?

— Благодаря твоим уроком, отец, — коротко поклонился принц. — Ты учил любую грусть обращать в дело. Вот и вечерняя тоска по невозможности в будущем быстро общаться с сестрой породила связь-камни.

— Я восхищён тобой, Эн, — вновь по-отечески улыбнулся Эрр, быстро начертил несколько слов на первой странице конспекта, неуловимым жестом поставил личную печать и сказал: — Теперь же настоятельно рекомендую тебе отдохнуть, а после обеда собрать мастеров Знаний, Магии и Камня для полноценного обсуждения и немедленного запуска

твоего проекта в жизнь. Я присвоил ему максимальную степень важности и срочности.

С этими словами Владыка Подземья и Тени Великих гор взял папку тончайшего белого камня с нестерпимо чёрной личной печатью, вложил меж её половинок листы проекта принца и отдал ему, произнося с лёгкой улыбкой:

— Рад был видеть и слышать тебя, сын.

— Рад был видеть и слышать тебя, отец, — ритуально попрощался Эн и без промедления отбыл в свои покои. Отсыпаться.

Для Её Высочества, сиятельной Алуринель, Первой Дочери Правителя Светлого Леса прекрасного цветка Старшей Ветви Древа Власти, очередное одинокое утро стало поводом глубоко выдохнуть и устало подняться к завтраку. Ведь уже которую ночь сознание Цапли, с уходом принцессы в глубины памяти полностью занявшее монаршую прелестную голову, оказывало непрекращающееся сопротивление Морлане, что каждый сон наполняла требованиями и угрозами, льстивыми посулами и лживыми обещаниями, стенаниями и шёпотом, криками и давящим молчанием скартинами шокирующего мнимого будущего, ждущего Светлану, вздумай она разгласить хоть что-нибудь о богине смерти.

Всё это несказанно выматывало Цаплю, и сил хватало лишь на необходимое телу. Сознание же успокаивалось за вдумчивым описанием оставшихся от Алуринель воспоминаний и навыков, что строчка за строчкой Света переносила в стремительно теряющий пустоту дневник.

Из-за грани раздаётся голос мастера: «К сожалению Цапля пропустит пару проходов: она отбыла в командировку в сильно другой часовой пояс. Но оставила общие указания по поведению и обещание непременно успеть к финалу».

Пятое утро в этом мире началось для меня и для Таора уже совершенно рутинно.

Слегка отстранившись от мирно текущих обыденностей, я размышлял: «Как бы не добивался и не декларировал я симбиоз сознаний и памяти, но всё же неуловимо тонкая, исчезающе невидимая граница разделяет меня-Сандра и меня-Таора. И это — великое благо, как и всякая граница, являющая собой миллионы возможностей для непрекращающегося танца баланса и динамического равновесия».

День, начавшийся в обыкновенности, тем и продолжился: после завтрака я вновь получил предписание о проверки постов, на сей раз с бóльшим охватом территории. В очередной раз обходя знакомые коридоры, тоннели, залы и пещеры внезапно совершенно синхронно с Таором подумали одну мысль: «Вот она, великая выгода рутин: создав и укрепив их однажды, не приходится впоследствии тратить энергию на обдумывание: ты уже знаешь, как надо действовать. Но в этом же и их опасность: можно закоснеть, и на слом негодного придётся ухнуть прорву сил. Выход? Регулярная верификация!»

Вновь глаз мой не уловил ни единого нарушения несения караульной службы, и даже Ин, опять дежуривший у кухни, не уркнул животом ни разу, хотя ароматы всё также лишали воли всех окружающих.

Столь же спокойно минули первый отчёт, обед в столовой стражи, второй обход и второй отчёт, так же скоро составленный в зале Тихой Работы.

«Насколько же нереально мирное и спокойное государство, — рассуждал я, неторопливо смакуя традиционный ужин в своих покоях. — Видимо, при правлении Эрра Первого заговорщики заговаривают самих себя, а злоумышленники злоумышляют

исключительно друг против друга. Если бы не непредсказуемые прорывы Бездны, так и вовсе — идиллия! Кстати, о заговорах и интригах: что же на самом деле сподвигло Хуух-Дууд Салхинов на столь небывалое сватовство? Только ли внезапное, как скальный кот в ночи, и сильное, будто снежный лют, чувство к Эне, которую они даже и не видели?.. И ведь не спросишь напрямую — не поймут-с, дети Вождей-с! К оборотням на хромо́й козе не подъедешь — вдруг это их тётя?!»

Несколько вздрогнув от последней мысли, поспешил заесть её хвостом булвы и половиной стручка йяй, дабы острейшим жаром выжечь эдакое вопиющее непотребство, рождённое озорным умом, отдыхающим на полную катушку.

Отдышавшись и допив игристое, стал готовиться ко сну, сквозь неторопливые и прозаичные процессы ведя мысленные догадки и предположения об истинных мотивах Детей Ветра. С тем и заснул.

Следующее же утро, хоть и предсказуемо, но всё же внесло разнообразие: очередной посыльный известил о созываемом Владыкой малом приёме, в шесть пополудни, конечно же.

«А вот и светлые пожаловали, — констатировал я, переодеваясь в облачение стража. — До сих пор, кстати, так и не понимаю смысла моего присутствия на малых приёмах. Ладно большие — там вообще со всех концов Подземья и Тени Великих Гор тёмные съезжаются. А малые? Разве что вящей безопасности ради — в столице я один маг огня».

Следующие почти шесть часов я вновь исполнял обязанности контролирующего. И сегодня Ин мне не встретился.

Плавный и превосходно вкусный обильный обед в родных покоях неожиданно погрузил меня в дремотную негу, полную благодушных размышлений о грядущих изменениях в укладах всех народов Мира, что непременно будут иметь место после свадеб столь высокопоставленных разумных, оправданно взявших на себя ноши первопроходцев.

Буквально вынырнув из столь отдохновенного состояния в шестом часу пополудни, я стремительно освежился, влетел в парадный мундир и, едва сохраняя приличествующую неторопливость, направился в Малый Зал Приёмов.

Пройдя на привычное место и замерев статуей самого себя, я окинул взглядом собравшихся и отметил отсутствие мастеров Камня и Знаний, приславших своих заместителей. «Видимо, невероятно важный и срочный проект, — подумалось мне. — Любопытно!»

Зал постепенно заполнялся, вскоре прибыли брат и сестра, причём лица их открыто для внимательного взгляда выражали довольство — игриво глубокое у Эны, и азартно предвкушающее у Эна. Последними в левую дверь вошли две пары оборотней: Бургас и Яст-Мелхий с сопровождающими их старшими советниками. Расположились они едва заметно, но всё же поодаль от прочих разумных.

Вновь будто бы вдруг на Малый Зал пала непроницаемая тишь, а перед Троном Подземья воздвигся Владыка Эрр Первый. Окинув высокое собрание внимательным взором, он промолвил:

— Рад видеть вас, Дети Тьмы и Дети Ветра!

— Рады видеть тебя, о Владыка! — слаженным хором грянули тёмные и ветреные.

И приём пошёл далее по церемониалу: Владыка занял трон, в центральные двери постучали, и после ответного монаршего «да» меж распахнувшихся створок прошли семь светлых эльфов.

«Ну такие, зелёные в жёлтом... Э-э-э, в смысле в зелёном и жёлтом, — слегка смешанно подумалось мне. — Хотя оговорка-то в точку — бледность Детей Великого Леса и впрямь наводит на мысль о светлых фисташках. Видать, дела у них ещё печальней, чем когда я шутействовал при Алуринель. Но марку держат!»

Меж тем отзвучали цветистые и велеречивые приветствия с обеих сторон, и Эрр Первый, встав с трона, взял слово:

— О Дети Тьмы, — Владыка шагнул вниз по ступеньке пьедестала. — О Дети Ветра, — ещё шаг вниз и прямой взгляд на прибывших из Великого Леса. — О Дети Света.

Третий и последний шаг привёл монарха на полированный чёрный гранит пола, где августейший тёмный замер в двух шагах напротив светлой принцессы, возглавлявшей посольство, и продолжил:

— Сегодня, перед лицом трёх народов, я, Эрр Первый, Владыка Подземья и Тени Великих Гор, вопрошаю тебя, о сиятельная Алуринель, Первая Дочь Правителя Светлогс Леса, прекрасный цветок Старшей Ветви Древа Власти: согласна ли ты стать моей невестой и женой?

С этими словами он исполнил изящный поклон и протянул светлой эльфийке правую руку ладонью вверх.

Из-за грани доносится тихий, несколько раз повторяющийся стук и неясно ворчливое бормотание мастера.

— Да, о Владыка, я согласна! — звонко в установившейся тишине ответила Алуринель и с поклоном сделала маленький шаг навстречу Эрру, грациозно вложив свою правую руку в его открытую ладонь.

Чуть сжав кисть светлой, темный монарх в шесть мягких и плавных шагов обошёл принцессу посолонь, одновременно разворачивая Её Высочество лицом к высокому собранию и становясь справа от неё. Разомкнув руки открывающим жестом, он провозгласил:

— Да будет так!

«Вот это папа дал! — восхитился я. — ТАК совместить ритуалы снисхождения к просящему и принятия в ближний круг с... э-э-э... сватовством, что ли? Короче — снова торжество Разума. Вон, все тёмные и ухом не повели, прекрасно понимая, что и для чего происходит, а светлые смотрят на отца с — о мать моя Тьма! — некой благодарностью? Лишь Дети Ветра явно озадачены — слегка так».

А Владыка продолжал монаршие речи:

— Через девять дней будет созван Большой приём, на коем мы и заключим помолвку согласно традициям. Я сказал.

— Да будет так! — согласно грянуло под сводами Малого Зала Приёмов.

Стоило отголоскам хора трёх народов затихнуть, как Её Высочество Эна промолвила, чуть повернув и склонив голову в сторону Хуух-Дууд Салхинов:

— О сыновья Вождей Клана Золотой Кошмы, по зрелом размышлении я, Эна, принцесса Подземья и Тени Великих Гор, даю вам своё согласие. Обряд обручения согласно традиции будет проведён на два дня позже Большого Приёма.

Яст-Мелхий и Бургас тут же поясно поклонились сестре и разразились пространной речью о счастье, радости и прочих положительных эмоциях, охвативших их.

«Выглядят братья так, будто об этом согласии они уже знали, — думал я, пропуская мимо сознания цветистые переливы тенора и баса. — Неужели Эна уже успела с ними

неформально пообщаться и, по своему обыкновению, затянуть их в проверочный поединок? Жаль, что прошло всё это без меня. Прелюбопытнейшее, должно быть, зрелище было!»

Тем временем оборотни закончили вещать, и воздух наполнился словами ритуальных прощаний, вновь возвестивших радости видеть и слышать. Наблюдая за постепенно пустеющим залом, я, в который уже раз за сегодняшний день, отметил: «Вот, пожалуйста, высшая форма рутин — ритуал. Не надо думать — просто делай, что должно, и будет тебе социальное принятие и одобрение. А уж для подвижного ума не составит труда в рамки ритуала вписать необходимое. И вуаля — превосходный инструмент управления!»

Раскидав из головы слегка поднавязшие уже даже в зубах аналитические мысли, я лёгкой походкой, чуть ли не вприпрыжку, отправился к Дворцу Детей Владыки, намеренно вспоминая наиболее курьёзные стишки и считалочки.

«А то так недолго и посчитать себя очень умным, что — зачастую — приводит к разному непредсказуемому. Вот лучше попробую угадать, что сегодня будет на ужин: тёмная кухня или светлая? Надеюсь — тёмная».

Открыв дверь родных покоев и пройдя к обеденному столу, я понял, что не просто не угадал в своих надеждах, а не угадал на две трети — на столе в центре расположились три блюда: успевшие мне полюбиться буузы бликовали крепкими бочками, беспроегрышная пряженная булья вновь хрустко золотилась плавниками, и нечто невообразимое растительное, изысканно фаршированное ароматнейшим не пойми чем.

«Эвона как, — приступил я к ужину, начав с бууз, коих был всего пяток. — Все кухни Мира в гости к нам. Что ж, — перешёл я к образчику кухни Светлого Леса. — Обновим воспоминания, весьма противоречивые, надо сказать».

И впрямь: мнившееся странным плодом некоего растения блюдо при ближайшем изучении оказалось хитро свёрнутым кармашком из сочного мяса на пару, а мясная по виду и аромату начинка — сложно обработанными бобами с едва уловимыми оттенками будто бы осеннего леса.

«Вот, вот оно — видишь одно, чуешь другое, ешь третье, а послевкусие вообще с едой не связано! За ужином хочется есть, а не разгадывать многоуровневые загадки под аккомпанемент доносящегося из глубин подсознания внезапного сплина, — жевнув ещё раз, я всё же смилостивился в своих суждениях: — Но, чего уж там, вкусно, питательно, оригинально. Только не каждый день, нет».

Огнём йяай и вкусом рыбы вернув себя в привычное состояние, без ароматов палой листвы и стылого тумана, я прикинул: «Наверняка все девять дней до Большого Приёма Дворец Владыки будет гудеть. Но не хаосом разворошённого улья диких пчёл, а строгим гулом трансформатора, переводящего энергию в дело. И мне в том гуле отведена партия — бдеть за бдящими. И хорошо б брата провести: чему б это он так обрадован был?

Стоп. Чего это я разбэкался? А?»

— А! Клятая светлая кухня, Бездна б её побрала б! — на эмоциях восклицаю вслух.

Из-за грани раздаётся предвкушающий смешок мастера, перестук двадцатигранника и чуть раздосадованный вздох.

И я потрясённо вижу, как с последним моим «б!» ровно в центре блюда светлых вспыхивает всеми цветами разом невероятно маленькая и невыносимо яркая точка — меньше следа тончайшей иглы. И тут же гаснет. Оставив пустое место от образчика кухни Светлого Леса.

А ещё едва ощутимо колыхнулась серьга.

«О-о-о-о-ой! — застыл я, чуть не перекрестившись. — Э... Молчать буду. И думать строго по делу. Сейчас спать вот пойду. Искупаюсь и пойду».

Так я и поступил, сохраняя контроль над мыслями, дыханием и всеми прозаическими процессами.

Глава одиннадцатая

Эпохальная веха

В этой главе официально наступает новая эпоха.

Последовавшие далее восемь дней действительно отличались сосредоточенной деловитостью всех и каждого и во Дворце Владыки, и по всей Столичной сети пещер. Причина была не только в подготовке к Большому приёму, собиравшему несколько сотен разумных, но и, как я узнал от Эна, пойманного буквально на бегу в компании мастеров Домов Знаний и Камня, в невероятном проекте связь-камней, рождённым гением брата.

«Наверняка Костя прогрессорствует!» — подумалось мне тогда.

Вот потому и весь цвет научной и магической мысли во главе с носителем революционной идеи делают всё возможное и немного невероятного для скорейшего воплощения в жизнь первого образца. В тот день, третий после явления посольства светлых, Его Высочество, вдохновенно сияя густо фиолетовыми глазами, сообщил: «Полдела сделано, осталось чутка! Вот ещё пара тестов, три бессонных ночи — и релиз!», что и поддержал восторженный гомон окружающих мастеров, увлекших принца в недра лабораторных этажей.

«И ведь это только начало, и никто не предскажет, в какую бесконечность выведет этот Мир гипербола научно-магической мысли...» — пронеслось в моей голове, когда я смотрел вслед слегка безумной братии изобретателей.

Парой дней позже на очередном обходе постов недалеко от гостевого этажа Дворца Владыки я намеренно повстречал Эну и обратился к ней с такой речью:

— Рад видеть тебя, о драгоценная моя сестра-в-законе, прекрасная и многоведающая Эна, прошу тебя: снизойди ответом своим милостивым на вопрос мой!

— Рада видеть тебя, о многоговорящий и странновыдумывающий брат мой в Законе, — довольно и ехидно улыбнулась Эна, или, даже скорее Анаис. — Поведай же мне вопрос свой, и решу я: будет ли ответ на него.

— Причины оборотней, — вмиг посерьёзнев, крайне тихо спросил я.

— Самые прозаичные, — пригасив улыбку ответила сестра и снова немного Настя. — Буря и Яся поведали мне многопространную историю, как они узнали обо мне от заезжего купца — поставщика редкостей, после стали собирать всевозможную информацию — даже мои научные труды нашли, и год за годом, слух за рассказом, сами не заметили, как влюбились. Разобравшись в себе и найдя чувства истинными, поговорили с отцами и матерью, собрались и поехали. В Подземье. К трону тёмных эльфов. Просить моей руки, — чуть помолчав, она закончила: — И при этом ни слова лжи. Я ж проверяла.

— Надеюсь, им досталось новое, вкусное зелье правды, — сказал я. — От остальных комментариев воздержусь — успокою вопящую интуицию: думать мешает.

— Чем и я занята, — согласилась принцесса тихо и замолчала.

Молчал и я.

— Рад был видеть и слышать тебя, Эна, — минутой позже ритуально попрощался я с Её Высочеством, погрузившейся в новые думы.

— Рада была видеть и слышать тебя, Таор, — рефреном откликнулась сестра-в-законе.

С тем мы и разошлись.

Вечером того же дня за ужином я дал волю теоретизированию и размышлял: «Если дать свободу интуиции, переставшей вопить и начавшей нормально работать, можно сделать пока безосновательное предположение о некоем манипуляторе-гении. Который несколько десятков лет назад расставил сети, растянул силки, замаскировал их самым непревзойдённым образом и в тихом, наверняка уютном месте сел дожидаться результатов. Ну или не сел, а пошёл ещё плести-тянуть, не суть. И вот после многих лет оно, нужное манипулятору, будто бы само собой совершилось. Внимание, вопрос: кто он? Ответ самый очевидный: Эрр Первый. Выгод от такого для него и для всего Подземья просто не счесть. Правда, вызывают сомнения расстояния — неужели его влияния хватает даже на Вольную Степь? Или там есть свой гений плетения событий?»

Всё, стоп. Нет данных — нет анализа. А то я сейчас такой заговор напридумываю, что сам в него и поверю.

Так и не придя тогда ни к каким выводам, я слегка обескураженно отправился спать.

Следующие три дня, оставшиеся до приёма, промелькнули скальным котом, несущимся за добычей, и не оставили значимых воспоминаний.

Да и само утро в день этого самого приёма не сильно баловало разнообразием, разве что приглашение было малость подлиннее.

«Ну, я и не сомневался, — думал я, в очередной — чаю, последний в ближайшее время — раз неся бремя проверяющего сквозь переходы Дворца Владыки. — Всех отличий, что разумных будет побольше, потому и Зал будет Большой. А так снова — собрались, выслушали Владыку, ещё ритуал посмотрели. Ох, дай Тьма терпения, а то что-то я прям ой!»

Минул обед, слегка меня примилившей с грядущей действительностью, но свободное время после вновь навевало скуку на самые границы моего сознания.

«Э? — изумился я прочно подзабытому чувству. — Посередь магического мира, в центре могущественного государства, на самом острие зарождающихся великих изменений и глобальных событий мне стало скучно? Ну знаете ли! Неделю на работу походил и заскучал. Каково, а? Отставить! Надеть протокольные мундир и лицо! На Большой Приём — ать-два!»

И пришлось выполнять — сам у себя не забалуешь. Да и Таор не понимает всей этой рефлексии.

За десяток минут до начала я, весь при полном параде и строгом лице, прошёл в пещеру внушительных размеров, чьи высокие своды озаряло мягкое мерцание сотен волшебных камней, точно воспроизводящих картину звёздного неба над этой частью Великих Гор в эту самую минуту. Овальная в своей естественной форме Большая Зал нёс с одной стороны высокие двустворчатые двери, буквально ворота, сегодня закрытые, а с другой же возвышался на привычно трёхступенчатом подиуме Трон Подземья. Боковых же проходов было значительно больше.

Занимая положенное место, я отметил, что позади Престола с потолка спускается не только огромный личный штандарт Владыки из исчерна-фиолетовой неподвижной ткани с печатью Эрра Первого, но и два знамени поменьше: лазурно голубое с золотым узором — всё легчайшее движение и колыхание — слева, и солнечно-жёлтое, почти белое на густозелёном, явственно шелестящее юной листвой — справа.

Прибывали разумные, тёмные постепенно заполняли зал, Дети Светлого леса во главе с Её Высочеством Алуригель замерли чуть поодаль и справа от помоста, Хуух-Дууд Салхины — симметрично слева.

В зарождающейся тишине прибыли Эн и Эна, синхронно встав по бокам от трона.

И три десятка вдохов спустя перед Престолом Подземья в полном безмолвии воздвигся Владыка, вновь появившись совершенно незаметно.

Все собравшиеся склонились, и Эрр Первый взял слово:

— Рад видеть вас, Дети Тьмы, — монарх милостиво наклонил голову. — Рад видеть вас, Дети Света. — мягкий и уважительный кивок направо. — Рад видеть вас, Дети Ветра, — почтительное наклонение налево. — Рад видеть вас, о Дети Мира! — возвысил свой глас венценосный тёмный в приветствии, звучащем под сводами Большого Зала лишь считанные разы за все прошедшие тысячелетия.

— Рады видеть тебя, о Владыка Подземья и Тени Великих Гор! — в едином порыве взвилось под звёздный потолок многоголосое ответное приветствие.

— О Дети Мира, — намеренно повторился тёмный монарх. — В сей час пред лицом всех народов я возвещаю о начале новой эпохи — Эпохи Великого Союза! Столетиями разумные в мире и понимании свершали шаги навстречу друг другу и крепили связи. Со дня же сегодняшнего для связей сих станут ничтожными не только разность душ и помыслов, но и любые расстояния, — чуть помолчав в несколько ошарашенной тишине, миг окутавшей высокое собрание, Владыка продолжил: — Гений Эна, принца Подземья и Тени Великих Гор, явил Миру невиданное ранее: связь-камни, что мгновенно доносят написанное сквозь любые преграды и на любую дальность.

Грациозным жестом правой руки Эрр Первый указал на Его Высочество, сделавшего небольшой шаг вперёд, и торжественно провозгласил:

— О мастера и Главы Домов, я вопрошаю вас: достоин ли Эн?

— Достоин! — тут же грянуло согласное многоголосие.

— Отныне и впредь ты — Энн, Мастер среди мастеров. — со спокойной гордостью обратился Владыка к сыну и с кивком заключил: — Да будет так!

— Да будет! — вновь согласно грянуло под сводами Большого Зала.

«А вот и они — перемены: и большие, и малые. Лишь бы древнекитайское проклятье не начало себя оправдывать и в этом Мире, — думал я, исподтишка косясь на Энна, лучащегося сдержанной и чуть усталой гордостью, и радуясь вместе с ним. — Не забывать бы теперь к нему правильно обращаться».

— Новая Эпоха начинается не одним великим событием, — продолжил свои речи Владыка Подземья, — но чередой их. Новых. Небывалых. Невиданных, — чеканил он, шаг за шагом спускаясь с тронного возвышения. — В сей знаменательный день, о Дети Мира, я счастлив внести свой вклад в новую Эпоху и назвать сиятельную Алуринель, принцессу Светлого Леса, невестой, открывая сим новую традицию союзов разумных!

Завершив свою речь, тёмный монарх изысканно и с великим достоинством поклонился в сторону светлой делегации. Единым, изящным шагом Её Высочество Алуринель приблизилась и зеркально поклонилась Владыке Подземья. Выпрямившись, августейшие особы замерли друг на против друга.

Из-за грани доносится тихий, несколько раз повторяющийся перестук и ворчливое бормотание мастера: «Ну как так-то, а?»

Словно бы из ниоткуда возник Отт, воплощение строгости и чопорности. В руках он держал небольшую пластину белого камня, на которой мягко и матово поблёскивали парные створчатые браслеты.

«Готов спорить — сейчас в головах многих проноситься вопрос: а что, так можно

было? — размышлял я, глядя на церемонию обручения и слушая звучащие малые клятвы. — Да, можно. Если много-прадед взял в жёны высшую демонессу, то почему бы сегодня его потомку не взять в жёны светлую эльфийку? Разумность соблюдена и законность несомненна!»

В завершении церемонии монаршие жених и невеста, не разрывая взгляда глаза в глаза и не размыкая правых рук, охваченных пока ещё малыми браслетами, совершили полный круг посолонь, одновременно обходя друг друга.

«Интересно, кто первым подхватит знамя международных браков после отца и сестры? — задался я вопросом. — Дом Купцов или Дома Границ — Восходной и Закатной?»

А меж тем Эрр Первый и сиятельная Алуринель вновь обратились лицами к собравшимся, и тёмный Владыка молвил:

— О Дети Мира, через три полных луны, в осенний день равенства Тьмы и Света, мы совершим свадебный обряд!

— И соберём Великое Торжество, — вступила светлая принцесса, — на коем мы будем рады видеть и слышать всех присутствующих!

«Ох и оптимизм — за три считанных месяца подготовить ТАКОЕ мероприятие, совмещающее традиции тёмные и светлые, собирающее все народы и должное являть собой нечто уж вовсе невообразимое и невиданное! Потому что — ну как иначе-то после слов о Новой Эпохе Великого Союза? — размышлял я, пока звучали слова традиционных прощаний августейших особ с подданными и гостями. — Что-то мне уже хочется в командировку на это время, куда-нибудь в Вольную Степь. Или, вон, к деду Ярру на Озеро — судя по воспоминаниям, там как в деревне: сложно, порой тяжело, но очень спокойно и размеренно».

Дождавшись привычно неуловимого исчезновения отца, я подошёл к брату и уважительно поклонился, сказав:

— Поздравляю, о Энн, третий своего имени! Поздравляю, о мастер!

— Благодарю, брат! — сияя ответил тёмный принц. — Это только начало!

— Не сомневаюсь ни секунды, — столь же радостно ответил я. — Но прошу, не пренебрегай сном, а то вон — уши обвисать начинают.

— Что? — руки Энна сами собой слегка дёрнулись проверить, и он широко улыбнулся. — Да нет же, Таор! От усталости не обвисают уши!.. Как я мог снова поверить в эту придумку? — будто бы сам себе тихо закончил брат.

— Мне со стороны виднее, — глубокомысленно и важно заявил я и продолжил уже нормальным тоном: — Просто от тебя пахнет ко буквально на весь Большой Зал.

— Не пахнет, — ответил он. — Просто кто-то слишком хорошо меня знает. И, да, Таор — ты прав. Пойду отдыхать. Рад был видеть и слышать тебя, брат.

— Рад был слышать и видеть тебя, Энн, — уважительно попрощался я с юным гением, который незамедлительно покинул уже почти разошедшийся Большой Приём.

Да и я не стал особо задерживаться, достаточно проворно покинув и зал, и дворцовый комплекс. По пути же вновь строил догадки лишь о составе будущего ужина, целенамеренно не мудрствуя лукаво обо всём хитросплетении интриг, покрывающих сей Мир от края до края и вступающих ныне в чрезмерно активную фазу.

В покоях я, слава Тьме, Иллу и всем причастным, обнаружил ужин в традициях Хуух-Дууд Салхинов, что настроило меня на спокойный лад и позволило завершить мой пятнадцатый день в этом чудесном Мире в совершеннейшем умиротворении.

Глава двенадцатая

«Копыта очень стройные»

В этой главе многое решает анатомия.

Дни же шестнадцатый и семнадцатый отличались от прочих рутинных лишь порядковыми номерами да краем уха улавливаемыми разговорами в переходах и тоннелях: воодушевлённый тёмные с пониманием и почтением обсуждали слова Владыки и сдержанно патриотически радовались началу новой эпохи именно с пределов Подземья и Тени Великих Гор.

«Интересно, сколько времени понадобится неугомному Энну, ну и Косте, конечно же, — задавался я теоретическими вопросами на очередном обходе, — чтоб создать полноценный Интернет на базе магических технологий? И во что это выльется при столь различающихся с людскими ментальностями тёмных, светлых и ветреных?»

Восемнадцатый день, он же двести третий день пятьсот первого, последнего года Эпохи Добрых Соседей, как его надлежало именовать теперь в традиции тёмных, планомерно привёл меня, как и прочих приглашённых, на Малый приём.

Вновь торжественная строгость тёмных эльфов шла рука об руку с цветастой велеречивостью Хуух-Дууд Салхинов — и метафорически, и реально: по церемониалу Подземья Эна и братья-оборотни, сомкнув втроём правые руки, украшенные обручальными браслетами, и прочитав клятвы женихов и невесты, обошли полный круг посолонь, выделяя новую, зарождающуюся связь, ограждая друг друга, обещая полное внимание и устанавливая равенство.

Снова из-за грани доносится несколько раз повторяющийся стук и ворчание мастера: «Ну да, ну да, пошли неприятности на фиг, конечно!»

После же церемонии весьма неожиданно для меня прозвучало приглашение от Детей Ветра на Праздник Начала Осени, что будет широко отмечаться через полторы полных луны и на котором состоится заключение помолвки Её Высочества и Сыновей Вождей по обычаям оборотней.

«О! — обрадовался я, — Вот и командировочка вырисовывается! А то недалёк тот час, когда я могу скинуть и начать бродить. Что непременно доведёт меня до карцера в казематах, а я там уже был...»

Меж тем Малый Приём завершился самым прозаическим образом, и все разумные спокойно и деловито разошлись по своим делам. Таков был и я: ведь предстоящий ужин — точно дело важное и нужное. Делом тем и завершились и вечер, и весь день.

Утро же принесло подтверждение моей догадки: Владыка вызывал на аудиенцию, о чём и прислал курьера с очередным пергаментом к самому завершению завтрака.

Коридоры сменяли тоннели, а я думал: «В каком же составе направит нас Владыка к Хуух-Дууд Салхинам? И да, подождите — а почему прям сегодня вызов? До Тов-Хота добираться одну луну, и то если прям ну совсем никуда не торопиться. Что мы ещё полмесяца... э-э-э... пол-луны там делать будем?»

Так и не придя к каким-либо выводам, я добрался до приёмной Владыки, где и замер в неподвижном ожидании под леденяще сковывающим взглядом Отта, озвучив положенные

приветствия и выслушав строгий ответ. Но стоило мне присесть, как двери приёмной вновь распахнулись: явились брат и сестра — бодры, собраны и готовы почти ко всему.

«Вот что иной мир делает с совами, — думал я, манипулируя словами и поклонами. — Пойди найди такое состояние поутру что у меня, что у Кости или Насти. А тут — пожалуйста!»

Собранностью и деловитостью, впрочем, как и всегда, отличался и Владыка Эрр Первый. Если бы не какая-то крохотная, едва уловимая деталь, ускользающая не только от понимания, но и от самого пристального взора и говорящая, что...

«А что, собственно, говорящая? — спросил я сам себя. — Вот ведь, вроде всё так, как и всегда... — завершая каноничные поклоны, я ещё внимательней всмотрелся в лицо отца. — Ба! Да папа моргает в два раза медленнее!»

— Дети мои, — начал монарх Подземья чуть задумчиво, — сегодня я призвал вас, дабы сообщить о возлагаемой на вас миссии, — прикрыв глаза на долгие две секунды, он продолжил: — Вы отправляетесь в Светлый Лес.

Повисла искрящаяся любопытством и некоторым недоумением пауза.

— Моя невеста и ваша будущая мать-по-закону, сиятельная Алуринель, — вновь заговорил Владыка намеренно неторопливо, — всё ещё сохраняет многое в молчании, положенном ею по закону и клятвам. При этом же в последнем нашем разговоре после Большого Приёма Её Высочество просила направить Таора с сопровождением в её особняк. Дабы, цитирую: «Облечённый доверием юноша способствовал скорейшей доставке милых сердцу книг и личных записей».

«А? А-а-а?! — чуть было не возопил я, стоило отзвучать последней реплике Эрра. — Вот я сейчас не понял!»

— Мною было принято решение удовлетворить столь простую просьбу, — веско продолжил тёмный монарх, — и направить на её исполнение вас троих.

И снова пауза, в которой был явственно различим скрип извилин — и моих, и близнецов.

— Все необходимые документы уже подготовлены, — указал меж тем Владыка Подземья на каменную папку на краю стола. — Отправляетесь вы завтра на восходе. Отчёты будете направлять мне по связь-камню ежевечерне либо в случаях экстренных. Так же, Энн, ты получишь из первого хранилища камень-маяк порталного переноса. По завершению вы направитесь к границе Вольной Степи, где в условленном месте примкнёте к посольству, следующему на Праздник Начала Осени в Тов-Хоте. Я сказал, — завершил Эрр Первый инструктаж.

«А! Сначала не понял, а потом как понял! — возрадовался я обретаемой ясности. — Хитро! А что? И поедем, и посмотрим, и опишем папе всё. А буде какой совсем непредвиденный ахтунг — так тут редчайший телепорт мобильный со всей мощью Подземья и Тени Великих Гор на той стороне переноса».

Традиционные прощания прошли чуть скованно, а после выхода из кабинета и приёмной мы с братом и сестрой, не сговариваясь, будто прочтя мысли друг друга, хором произнесли:

— Вечером ужинаем вместе!

С тем и разошлись — всяк в свою сторону.

Освобождённый от обходных рутин по вполне понятной причине, я возвращался в свои покои и размышлял: «Теперь понятно, отчего отец так себя вёл. Не самая простая невеста

ему досталась: с оригинальным приданым, так сказать. Но папа — кремень, нашёл-таки нетривиальное и совершенно законное решение. Ну и Цапля тоже молодец: даже сквозь все препоны явно дала серьёзный намёк что и где искать».

За неторопливыми сборами день прошёл как-то сам собой, поглощенный десятками мелочей: от распоряжений снабженцам до визита в котюшню, чтобы воочию убедиться в состоянии Мрры, лениво нежащейся в лёжке; от архивации поднакопившейся корреспонденции до проверки личной экипировки.

За предсказуемо отличным ужином тёмной кухни и я, и Эна, и даже Энн усиленно налегали на соус из йяай, будто пытаюсь эпическим жаром разогнать и без того активно шевелящиеся извилины. Покончив с трапезой, мы склонились над подробной картой и стали прикидывать маршрут.

— Предлагаю от Врат двинуться не на юг по большой дороге, а на юго-восток, по малым дорогам и сэкономить полдесятка дней, — взял слово Энн, — Причём ещё и минуем столицу светлых, сразу направившись к личному имению Алуринель, а пограничники у светлых везде одинаковые.

— Да, хорошо хоть не злые, — тут же добавил я. — А то будут сначала стрелять, а потом спрашивать, кто это был!

— Что ж, годный план, — резюмировала Эна, а после чуть изменившимся голосом спросила: — Так, а почему континент круглый?

— А? — изумились мы с братом.

— Ну вот же — как тарелка! — указала Анаис на пергамент и продолжила: — Причём видно, что карта точная и подробная, а береговую линию как циркулем сделали.

— И что такого? — спросил малость удивлённый Костя. — Мало ли как местные силы природы, или там демиург-создатель работают.

— Да, мир-то насквозь магический, — согласно вступил я. — Так что не думаю, что форма континента столь важна для нас сейчас.

— Ну не знаю, — протянула Настя. — Но сдаётся мне, что здесь что-то важное, и форма континента, и распределение природных зон и народов по нему и прочие особенности точно связаны.

— Сдаётся мне, сие с наскоку не решить, посему предлагаю по заветам мудрых сменить для размышлений на отвлечённые темы вечер на утро, а в сей же час оставить думы и отдыху предаться, — неизвестно отчего перешёл я на велеречивую манеру — явное наследие салхинов.

— И то верно, — хором согласились брат и сестра, но всё же, вопреки сказанному, о чём-то задумались, сдержанно распрощались и оставили меня.

Также задумавшегося.

«И ведь явно Анаис права — всё здесь не просто так, — размышлял я, неспешно готовясь ко сну. — При одновременном взгляде и снаружи, и изнутри на этот мир приходит вполне оправданная мысль о его... э-э-э... искусственности. Вот идеальное слово!»

Возрадовавшись последней удачной мысли, я как-то совершенно неожиданно провалился в глубочайший сон.

Подъём, душ, зарядка, завтрак и облачение по-походному промелькнули единой, чуть смазанной полосой — настолько юное тело полуэльфа и горячая кровь полудемона жаждали перемен и новых действий. Буквально пролетая по тоннелям до котюшни, я, наслаждаясь, не мог не отметить: «Вполне понимаю себя-Таора: высокая политика и сложносочинённые

интриги межгосударственного уровня — это, конечно, хорошо. Но ничего не заменит старого доброго путешествия! Тем более в такой компании — я и две августейшие особы. Прямо невольно вспоминается один из первых походов сей чудесной троицы — ещё пеший, по одной из крупнейших долин в Тени Великих Гор...»

Чуть не уйдя с головой в отроческие воспоминания Таора, я вновь вынырнул в реальность среди внушительной пещеры, по которой в кажущемся беспорядке были разбросаны полтора десятка гнездоподобных лёжек. У одной из дальних, где сыто перекатывалась Мрра, уже возвышалась внушительная горка тюков с запасами и снаряжением, увенчанная кошачьим седлом и сбруей. Равно как и у двух других, где в вальяжном ожидании возлежали Кшш Эны и Ксса Энна.

«Хорошо быть монаршим отпрыском, пусть и по закону, — думал я, механически седлая чуть разыгравшуюся кошку, норвящую то лизнуть, то боднуть, то хвостом в нос ткнуть. — Отдал заявку в службу снабжения на “комплект походный, средний”, и вот он! Без всяких сходи, достань, купи и донеси сам до нужного места».

Распределяя тюки по сбруе, я вполглаза посматривал на явившихся буквально вслед за мной брата и сестру, также седлавших пантер: Энн раз за разом поднимал всё норвившую снова улечься и доспать Кссу, а Эна периодически трепала по загревку важно жмурящегося Кшша, принимавшего одну горделивую позу за другой.

Закончив с поклажей, вскочив в сёдла и пристегнувшись, мы съехались в центре пещеры, молчаливыми кивками поприветствовав друг друга.

И сорвались с места в карьер.

Свист ветра тонко запел на острых кончиках ушей, редкие светильники мелькали смазанными полосами, повороты совершались вообще без раздумий, и мощные звери резво неслись по знакомым тоннелям, причём Мрра то и дело в стремительных виражах вылетала на стены, играючи обходя изредка встречающихся всадников.

Получасом позже пришлось снизить скорость до мягкой рыси: вокруг становилось всё больше тёмных на пантерах и повозок, запряжённых огромными долинными турами. Мы приближались к Вратам. Кои и минули с приличествующей скоростью, неторопливо раскланиваясь со стражей.

Покинув Подземье и ступив в Тень Великих Гор, вся наша троица оказалась залита щедрыми лучами давно вставшего светила, что заставило и эльфов, и кошек жмуриться и щуриться, но всё же исподволь радоваться мягкому теплу и ласковой погоде.

«Погоды-то нонеча стоят как благолепны, — думал я, пуская Мрру резвой рысью вслед за Кссой Энна. — Самое то, чтоб отправиться во странствие и получить разнообразное, уготованное судьбой».

Расстилавшееся вокруг каменистое редколесье предгорий радовало своим спокойствием и безмятежностью, пантеры ходко обгоняли повозки, и первый поворот налево, на восток, увёл нас с каменных плит Большой Дороги на тёсаные булыжники тракта поменьше и поуже, что через десяток лиг стал понемногу забирать к югу и вёл к одной из Малых Застав тёмных эльфов.

Единогласно решив на обеденном привале в первый день не загонять кошек, да и самим особо не загоняться, далее мы ехали неторопливо, спокойно наслаждаясь простотой поездки, столь контрастирующей с жизнью Дворца Владыки.

Едва петляя, дорога вела нас всё дальше, редкие рощицы низковатых деревьев сменялись каменистыми, а позже и травянистыми долинами, по правую руку, уже почти за

спиной, клонилось к закату солнце, и удлиняющиеся тени путеводными знаками указывали на едва виднеющийся на горизонте Светлый Лес.

«Н-да, хоть дни и длинны, и ночь — не Тьма, но к заставе мы точно не успеваем, — рассуждал я тем временем. — Потому что не хотим. Переиначивая частушку: “Ах, мне дома сон не мил — заночую на пригорке!”, а то в заставе снова включать этикет, держать марку и вот это вот всё. Ну уж нет, зуськи вам!»

О чём я тут же и поведал близнецам, односложно поддержавшим меня дружным «Да!»

Пятью минутами позже рдеюще-багряное солнце подсветило отлично расположенную группу из трёх громадных валунов на невысоком холмике слева от дороги — камни были чуть выше моего роста и лежали буквой П, образуя идеальное место для привала.

Туда мы и направили своих скакунов, обнаружив ещё и родничок, тихо журчащий поодаль.

«П? — задался я вопросом, рассёдлывая Мрру и отправляя её на водопой. — Подарок или подстава?»

Так и не придя ни к какому ответу, я молча переглянулся с братом и сестрой и, кивками подтвердив уже давно распределённые обязанности, стал обустривать лагерь и готовить необходимое к ужину, пока Энн и Эна усвистали за дровами в недалёкую рощу, чуть ли не обгоняя пантер, слаженной тройцей отправившихся на охоту.

«В целом, конечно, можно и магией сварить ужин, да и обогрев сейчас не сильно нужен, — думал я, вешая котелок с водой на треногу над готовым кострищем. — Но! Как говаривал мой дед: если можешь сделать что-то без магии — сделай без неё. Ведь в любое мгновение тебе может быть нужна вся твоя энергия. Полностью».

Из-за грани доносится негромкий стук и радостное мастерское: «Ага-а-а!»

Едва в моей голове отзвучал сухой голос памяти, как тут же меня буквально сбил с ног густейший аромат, сплавлявший воедино глубокую сладость и густую горечь, пронзительную свежесть и будоражащую терпкость.

Я весь буквально окаменел.

Из-за грани: «Стук-тук-тук... десять!»

Весь вал запахов стремительно поглощал сознание и будил в нём желания и стремления, выходящие далеко за рамки хоть каких-то приличий. Тщась взять под контроль взывавший гормонами организм, я сделал глубокий вдох, чем, похоже, лишь усугубил ситуацию.

«Таор, — обратился я к полудемону, — кажется, мы влипли!»

«Не мы, а ты, — тут же отвечал он, — да и не влип, а так. Это типичная атака демонесс из Домена Похоти, причём не очень сильная, раз мы просто стоим, — явно ухмыляясь, продолжил Таор. — Короче, не отвлекай меня и продержись полторы минуты в этом тотальном сладострастии. За это время я незаметно сплету Печать Огненного Изгнания».

Ободрив меня в своей саркастичной манере, тёмный полуэльф стал в треть ментального касания манипулировать потоками энергий тела. А перед моим взором появилась она.

Из сгущающихся сумерек выплыла фигура, достойная всех возможных и невозможных комплиментов разом! От кончиков рожек, игриво торчащих сквозь водопад притягательно-рыжих волос, волшебными волнами спускающихся на великолепную грудь, ничем более не прикрытую, до кончиков копыт, что завершали умопомрачительной длины ноги с изящными бёдрами и ступали с грациозной плавностью. Одета была манящая незнакомка лишь в узкий

прямоугольник алой ткани, спускавшийся с золотистой цепочки на тончайшей талии и едва прикрывавший самый низ невероятно плоского, мягко-бархатистого даже на вид живота. Багряная кожа прелестницы матово сияла в свете появляющихся звёзд, а глаза цвета вечерней зари лучились алчным предвкушением.

Волны ароматов усилились, напряжение стало осязаемым — хоть руками трогай, — а глубокое, чувственное контральто демонессы ласковым штурмом рухнуло на мои уши:

— О-о-о! Какой сильный смесок!.. — красotka сделал ещё один плавный шаг ко мне. — Иные Высшие сразу же падают ниц при явлении Дочери Повелителя Домена. А ты лишь весь стоишь да пожираешь меня жадными очами... — помолчав, и игриво поведя головой, что позволило причёске приоткрыть два упруго колыхнувшихся полушария совершенства, она продолжила: — Тем лучше... Держать себя в узде — навык истинных правителей и показатель личной силы.

Но её, личной силы моей, в тот момент хватало лишь на то, чтоб ровно стоять, не ронять слюну и едва держать вожжи тела, грозящего наплевать на тихонько орущую интуицию и предаться с демонессой всему дозволенному и недозволенному. Взгляд мой раз за разом обшаривал превосходную фигуру, переходя с одного соблазнительного изгиба на другой.

А Дочь Повелителя меж тем продолжала:

— В иных кругах Бездны о тебе, Таор, ходят слухи, один другого опасней. Ведь ты — единственный сын Повелителя Домена Огня, который на свою беду, — тут она весьма едко хихикнула, — связался с тёмными эльфами. С тех самых пор власть его слабеет с каждым часом, и нет сильной руки, что подхватила бы знамя Огня! И ты, — добавила демонесса мёда в патоку голоса, — и есть та самая сила! Помоги мне занять достойное меня положение в Домене Похоти! Вместе с тобой, о Таор, мы свергнем и моего отца, и твоего, и власть наша покроет Домены и подчинит их!

Из-за грани: «Стук-тук-тук... семнадцать!»

Теряясь и утопая в потоке льстиво-подначивающих славословий, дополненных языком безумно желанного тела, я вдруг заметил-таки особенность, ошеломившую меня не хуже целого стручка йяй!

«Ааа! Ооо! Эээ? — тщился я связать хоть одну мысль из пары слов. — Где пупок?! У вас такие груди, у вас рога такие, копыта очень стройные и нежная кожа, НО НЕТ У ВАС ПУПКА! Мать моя Тьма, меня соблазняет неплацентарное млекопитающее! Та-а-ак! Ну-ка товарищ ехидна...»

— Кх-кхм! — прервал я гипнотический поток, извергаемый милейшим ртом дочери Бездны. — Ты предлагаешь мне помочь тебе свергнуть твоего отца, так?

— Да-а! — протянула демонесса, выгибаясь навстречу.

— И после ты обязуешься содействовать мне в свержении моего отца и утверждении моей власти над Доменом Огня, так? — добавлял я с каждым словом всё больше твёрдости и напора.

— Да-а-а... — затрепетала ресницами воплощённая Похоть. — Сразу после приведения в полную покорность моего домена.

— И тело твоё будет ежесекундно в моём распоряжении, дабы без усталости ублажать меня и удовлетворять любые мои желания и капризы?! — распаялся я всё сильнее, переплавляя обуявшие меня стремления в пробуждающемся огне магии и делая шаг навстречу демонской деве.

— Да-а-а... — потрясённо-покорно выдохнула та, но тут же вздрогнула, и сказала

потерянно: — Но ведь мне нужно будет время править...

— Власть — не твой удел! — веско припечатываю я словом и звонко — правой ладонью меж сочных грудей.

Вмиг из сияющей точки в месте хлопка разворачивается огненными сполохами вязь многосложной печати, демонесса вскрикивает и исчезает, оставив после себя лишь истаивающий аромат, через секунду сошедший на нет.

— Вали в Бездну, ехидна, — устало бормочу я, утомлённо присаживаясь у будущего костра.

«Как мы её, а! — потрясённо-довольно донеслось от Таора, — Ты молодец: лишь разумом и волей скинуть похотливые чары высшей — дорогого стоит. А уж повод! Дался тебе этот пупок?»

— Конечно, дался! — всё ещё вслух ответил я. — Она ж, получается, дитя яйца, а я их вот только на завтрак ел... Ну нет, копытные цыпочки не для меня.

С тем я и умолк, приходя в нормальное состояние. Но вновь моё одиночество нарушено было меньше чем через пару минут: с разных сторон в великой спешке приближались близнецы и пятёрка вооружённых тёмных на пантерах. Воздух и над теми, и над другими мерцал живыми тенями защитных плетений.

— Что здесь произошло? — одновременно гаркнули Энн и предводитель пятёрки, отличавшийся замысловатой татуировкой на весьма больших ушах.

Последний, увидев августейших брата и сестру, тут же спешил, отвесил строгие поклоны и Энну, и Эне, и мне, правда — не так глубоко, и, вытянувшись во фронт, провозгласил:

— Рад видеть Вас, Ваше Высочество Энн! Рад видеть Вас, Ваше Высочество Эна! Ра- видеть тебя, Таор! — после крохотной паузы он затараторил: — Я, Исс, глава Малой Заставы Дома Центральных Границ. Прибыл в предписанном сопровождении малой пятёрки быстрого реагирования на точный сигнал тревожных чар о прорыве сил Бездны, соответствующий одному Высшему демону, — выдав всё это на одном дыхании и насквозь уставным языком, служака несколько потерянно закончил: — Такого по месту прибытия не обнаружил.

— Рад видеть тебя, Исс из Дома Центральных Границ и благодарю за отличное несение службы, — спокойно проговорил тёмный принц, одним плавным жестом сворачивая защиту, и, взглянув на так и сидящего меня с долей понимания, продолжил: — Я так понимаю, мой брат-по-закону совершенно самостоятельно справился с прорывом.

— Истинно так! — сказал я, поднимаясь и кланяясь новоприбывшим. — Пятью минутами ранее демонесса из Домена Похоти пробралась в сей мир и льстивыми речами да развратными действиями тщила склонить меня к союзу. Найдя её посулы неразумными, а поведение непрельстительным, я произвел изгнание, низвергшее искустельницу обратно в Бездну.

Едва не ляпнув в конце «доклад закончил», я в несколько подвешей паузе оглядел лица собравшихся, на которых даже в неверном свете звёзд было заметно проступающее уважение.

— Засим, — взял слово Энн, — считаю инцидент исчерпанным.

— Да будет так, — согласно склонился Исс и продолжил, строго поводя ушами: — Теперь же, о Ваши Высочества и Таор, прошу вас проследовать до Малой Заставы, дабы соблюсти нормы Закона, гласящие о недопустимости неохранения путников на территории

Подземья и Тени Великих Гор.

— Да будет так, — вразной откликнулись близнецы и я, начав снова складывать вещи и седлать пантер, недовольных прерванной охотой.

«Да, вот и накрылся отдых под открытым небом, — едва покачиваясь в седле, думал я. — Но с таким офицером не забалуешь. У него всё по букве закона и никак иначе, явно так. Ох да — буквы! Ещё ж отчёт папе слать на ночь глядя! И это фэнтезийное приключение?!»

Глава тринадцатая

«Пёсики нравятся?»

В этой главе героям вновь мешают поужинать.

Меньше двух десятков минут неспешной рыси отделяло нас от Малой Заставы, что лишь вблизи явила свой рукотворный характер. Издали же она казалась тройкой невеликих скал, окружённых кольцом валунов, будто бы силами природы брошенных эоны лет назад в лиге от вздымающегося стеной Светлого Леса, сумрачно мерцающего издали едва зеленоватыми искорками.

Сама застава хоть и звалась малой, но включала в себя немало помещений, многими этажами уходя под землю. Здесь, конечно же, нашлись и свободные лёжки в просторной котюшне, где нашим совсем уж усталым пантерам задали корма, и ряд пустующих комнат, столь похожих на знакомый мне карцер, но чуть попрезентабельней, и — о слава Тьме! — столовая с поздним ужином, оставившим самые приятные воспоминания своей незамысловатостью и изрядной обильностью.

После него, собравшись у Энна, мы втроём по очереди отписали Владыке отчёты, и весьма уставшие разошлись по своим комнатам.

Поутру нас, собравшихся и позавтракавших, провожал Исс, после всех формальностей напутствуя:

— Ваши Высочества, Таор, прошу вас сохранять повышенную бдительность: по откликам сигнальных чар можно судить о возросшей частоте появлений тварей Бездны по ту сторону границы. И возросшей длительности их пребывания.

— Благодарю тебя, Исс, — ответил за всех Энн. — Рад был видеть и слышать тебя.

— Рад был видеть и слышать Вас, Ваше Высочество, — ответил глава заставы и поклонился.

Традиционно попрощались с ним и мы с Эной. После я украдкой подумал: «Сигнальные чары, тревожные чары... Хм, неужели они все поместились в виде татуировок на его ушах? Вроде места как раз хватает».

Летнее солнце бодро карабкалось по безоблачному небосклону, пантеры шли мягким шагом, и перед нашими взорами открывался Светлый Лес. Вырастая всё выше и выше по мере приближения, частокол невероятных древесных гигантов затмевал своими переплетающимися в единый массив ветвями не только небо, но и само светило, и мягкая тень накрывала пограничье, зеленеющее невысокой травой меж переплетений узловатых корней, застывшими волнами подпиравших исполинские дубы и клёны. И так не широкая дорога чуть сузилась и упёрлась в оригинальную конструкцию: меж двух деревьев корни вздыбились и застыли причудливой аркой, в которой в кажущемся хаосе росли чуть бледноватые прямые побеги, усаженные пучками шипов в палец длинной и бледно-жёлтыми цветочками.

«Снова зелень и желтизна!» — в унисон ментально провыли мы с Таором и так же неслышно рассмеялись.

Охранял пограничный пост одинокий светлый эльф в зеленоватых, явно кожаных доспехах, при мече на поясе и копье, которое он сжимал до отчаяния крепко. Выражение его

юного лица было нечитаемо, но голос отчётливо прозвенел — слава Тьме! — на наречии Подземья:

— Рад видеть вас у границ Светлого Леса! Я, Туриэль, младший страж из средней ветви Древа Пограничья, прошу вас — назовитесь!

Мы с близнецами недоумённо переглянулись.

«То есть диадемы ему не показатель, а красноволосых тёмных — так вообще каждый третий здесь проезжающий! — несколько опешив, подумал я. — Ну, лови, малец, ответку».

— Рад видеть тебя, Туриэль, младший страж из средней ветви Древа Пограничья! — я обозначил милостивое наклонение головы, оставаясь в седле, и продолжил: — Я, сын-по-закону Эрра Первого, Владыки Подземья и Тени Великих Гор, счастлив представить тебе Его Высочество мастера Энна, третьего своего имени, наследного принца Подземья и Тени Великих Гор, — плавно и мягко я склонился в сторону брата. — И Её Высочество Эну, принцессу Подземья и Тени Великих Гор, — так же поклонился я и сестре, и, не прерываясь, продолжил: — Мы следуем в Светлый лес от имени и по поручению невесты отца нашего Владыки Эрра Первого, Её Высочества сиятельной Алуринель, принцессы Светлого Леса. По её просьбе мы посетим личные владения Первой Дочери Правителя Светлого Леса для скорейшей доставки милых сердцу и разуму Её Высочества, нашей будущей матери-по-закону, вещей. О чём с нами имеются все необходимые документы. Посему, Туриэль, «младший страж из средней ветви Древа Пограничья», — намеренно выделил я тоном, — изволь пропустить нас!

Я с трудом сдерживал смех, брат и сестра каменели лицами, а страж являл собой гремучую смесь страха и решительности. Сжав копьё ещё сильнее, что казалось невозможным, Туриэль сказал:

— Прошу вас, Ваши Высочества и Таор, предъявить документы, — чуть помедлив, он тихо добавил: — Таков Закон.

— Перед которым все равны, — показательно серьёзно провозгласил я, передавая стражу стопку пергамента.

Едва бросив взгляд на верхний лист, что намеренно содержал официальное послание светлой принцессы, и увидев августейшую печать, Туриэль с поясным поклоном тут же передал документы обратно и уже много более спокойным голосом возвестил:

— Добро пожаловать в Светлый Лес, о Ваше Высочество Энн, — поклон. — О Ваш Высочество Эна, — ещё поклон. — О Таор, — и последний поклон мне.

После чего светлоэльфийский юноша пропел пяток текучих нот, и растительная преграда расступилась с мягким шелестом.

Тоннель под переплетением корней был сумрачен, длинен и только через две минуты спокойного шага пантер закончился, выпустив нашу троицу на просторы родины светлых эльфов.

И просторы те были без сомнения великолепны: во всю природную мощь высились лесные гиганты — дубы и клёны, почётными свитами на должном отдалении едва покачивали пышными кронами небольшие группы берёз и ясеней, солнечные поляны изумрудной травы перемежались с редким подлеском и несли цветы самых причудливых форм и расцветок. Жизнь торжествовала вокруг: приглушённо гудели насекомые, единой симфонией звучали птичьи трели, и даже вездесущий шорох разнообразных зверьков вёл уверенную партию в общем хоре. В воздухе был разлит неувовимо чёткий аромат настоящего лета.

«Лесная идиллическая сказка, — наслаждался я моментом. — Был бы голос — спел бы “Summertime”. Но за неимением... И что-то мне не даёт покоя такой вот вопрос: а чего это на посту только один страж был? Подозрительно...»

Мягкой рысью чуть настороженные пантеры несли нас по плавно извивающейся дороге, минуты сливались в десятки, а те — в часы, сияющее в зените на безоблачном небе светило щедро дарило тепло, едва сдерживаемое густой листвой, вокруг воцарялась томная нега.

Из-за грани доносится негромкий перестук и довольный хмык.

И тут, по левую руку от дороги, на круглой полянке посреди изобильных цветов мироздание будто треснуло. Совершенно беззвучно сверкнул всеми цветами разом нестерпимо яркий разрыв в самом теле Мира, и удар сердца спустя перед нашими промаргивающимися взорами предстала семёрка чрезвычайно отталкивающего вида демонов.

Прямоходящие, но сильно сутулые фигуры замерли кольцом из шести гуманоидов вокруг седьмого. Поджарые тела с неестественно длинными конечностями, упакованные в плотно облегающие доспехи серовато-чёрно-бурой кожи, были увенчаны собачьими головами, чьи носы непрестанно шевелились, а стоящие торчком уши непрерывно дёргались, сканируя пространство. Оружием вторженцам служили не только природные когти внушительных размеров, но и целые россыпи разнообразных кинжалов, причудливо закреплённых во всевозможных местах.

Из-за грани слышится повторяющийся перестук двадцатигранников. Время будто замедляет бег.

«Эти собаки мне не нравятся, — вдруг подумалось мне. — Хоть бы и Косте они не понравились, а то ринется тискать, знаю я его».

«Гончие Домена Вражды не созданы, чтобы нравиться, — неожиданно сухо заметил Таор, — Они созданы для разведки и убийств. Не спи! Они чрезвычайно быстры!»

И впрямь — едва появившись и за секунду оценив обстановку, вся группа моментально прыгает вперёд, разделяясь на две двойки и тройку и устремляясь на нас. Энну, как едущему впереди, конечно же достались трое, возглавляемые вожаком, бывшим крупнее прочих.

Да, демоны были действительно стремительны: прыжок, приземление, атакующие замахы мелькнули единым слитным пируэтом. Но больше ста лет тренировок тёмных эльфов не оставили Псам Бездны ни единого шанса.

Брат, бросив поводья Кссы, развернувшейся мордой к нападавшим и пригнувшей голову, неуловимо быстро выхватил свои парные скимитары из ножен на поясе, и, продолжая секущее крестообразное движение вместе с глубоким наклоном вперёд, лихо отсек вожаку гончих торчащие уши, а его подчинённым — головы, срубив их расходящимся в стороны резким махом. Во все стороны брызнула густая кровь. В глотке предводителя стал зарождаться вой.

В тоже самое время Эна, показательно спокойно дважды прищёлкнула пальцами обеих рук, невероятно кратко, азартно и ритмично всшипела, и почти доставшие её демоны рухнули, так и не доведя атаку до конца и навечно замерев с глазницами, пронзёнными истаивающими Тьмой небольшими дротиками.

Мне же от первой атаки пришлось уклоняться, прогнувшись в спине назад и почти улёгшись на круп Мрры, припавшей на передние лапы — моё заклинание требовало почти две секунды! Вместе с Таором подвесив на каждую руку по плетению всесожжения, я, грациозно выпрямляясь, подался дальше вперёд и, дотянувшись до носов собакоголовых

средними пальцами, выпустил чары.

«Скидыщ!» — не смог не подумать я.

Полыхнуло белым жаром. Демоны осыпались невесомым пеплом. Лёгкий ветерок рассеял вонь палёной шерсти.

С едва начавшим выть вожаком Энн расправился ещё одним точным ударом клинка, отсёкшего безухую башку и на противомaxe упавшего точно в ножны.

«И всё, что ли? — едва не вслух спросил я, компульсивно вытирая и без того чистые пальцы и оглядываясь. — Как-то даже неловко перед противниками, Бездна их праху... И тяфкнуть не успели, а уже мёртвые».

Лишь слегка ошеломлённые и резво вернувшиеся к обычному восприятию времени мы отъехали от натекающих кровавых луж, и я обратился к Энну:

— О брат мой по закону, а каковы должны быть наши последующие действия по этому самому закону? Ибо память моя подводит меня, видимо в карцере был я во время сих шгудий.

— О брат мой, — не сдерживая улыбки ответил тёмный принц. — По закону мы, — выделил он последнее слово, — не обязаны делать ровным счётом ничего, кроме вечернего доклада отцу нашему Эрру. И лишь из великой милости мы можем дожидаться обязанную явиться местную тревожную группу. Или же — из добрососедской вежливости — убрать трупы и оставить краткую записку о происшедшем.

— Братья мои, — взяла слово Эна, успевшая спешиться. — Предлагаю вежливо побыть добрыми соседями — уравновесить давление на юного Туриэля, да и просто размяться, а то веселье слишком быстро закончилось!

И ни слова более не говоря, она подскочила к двойке, убитой заклинаниями Тьмы, схватила одного дохлого пса за когтистую нижнюю лапу и с недевической силой поволокла к зарубленным Энном, старательно обходя кровавые лужи. Мы с братом подключились мгновением позже, и вскоре горка из пяти трупов опала невидимым прахом от очередного моего всеожжения. А на самом большом дереве вблизи вскоре повисла записка примерно следующего содержания:

«О Дети Света,

Мы, нижеподписавшиеся принц Энн, принцесса Эна и Таор, сын-по-закону Эрра Первого, свидетельствуем о личном повержении во прах в сём месте семёрки Гончих Домена Вражды.

Двести шестой день пятьсот первого года Эпохи Добрых Соседей».

Украшив сей беспрецедентный документ тремя личными вензелями и закрепив его понадёжней, мы вновь тронулись в путь, стремясь к обеду отъехать подальше и пустив пантер ходкой иноходью.

К двум часам пополудни, на очередном изгибе нашей дороги, описывавшем идеальную дугу около колоссального клёна, мы остановились у журчавшего среди огромных корней родника. Резво расседлав пантер и отправив их на водопой и отдых, тому же предалась и наша троица. Лениво оперевшись на кучки поклажи и закусывая освежающе ледяную воду отличнейшим пеммиканом от Илла, мы вяло обсуждали несурязицы в количестве светлых: и одинокий страж на посту вместо хотя бы пятёрки, и отсутствие тревожной группы, что обязана явиться на любой сигнал прорыва, и общее запустение окружающих мест — ни одного встречного за полдня!

Придя лишь к двум выводам: что у светлых кризис куда серьёзнее представимого ранее

и что следует быть всё так же собранными и внимательными, я и близнецы оседлали недовольно порывающийся когтисто-пушистый транспорт и тронулись в путь.

Мягкая, неслышная рысь, степенно ползущее по небосклону жаркое светило, играющая тенями на ветру листва, переливчатые песни пернатых, приятно полный желудок — всё это напрочь вымывало из головы хоть какие-то связные мысли, оставляя её восхитительно пустой для обыкновенного и незамутнённого наслаждения самой природой и её логичной, простой красотой, заключённой в гармоничной целесообразности, подчинённой единому закону выживания.

И до самого вечера не происходило ровным счётом ничего значимого: пантеры шли, меняя рысь на шаг и обратно, пейзажи оставались будто скопированными с виденных утром, а разговоров не велось вовсе.

Тени всё удлинялись и удлинялись, пока окончательно не пропали с последними лучами светила, чтобы десятком минут позже вновь появиться и начать причудливый хоровод — то сотни ночных, светящихся всеми оттенками зелёного и жёлтого насекомых покинули дневные убежища и устремились всяк по своему делу. Весь Светлый Лес замерцал и окутался действительно сказочной атмосферой, вселяющий некое предвкушение праздника и чуда.

«Снова лесная идиллическая сказка?» — скептически подумал я, когда мы остановились на привал — на этот раз в корнях дуба.

— Ну, не Анфилада Тысячи Шепчущих Искр, конечно, но тоже вполне ничего, — сказала Эна с отчетливыми интонациями Анаис. — Непонятно, правда, как спать при такой иллюминации — не выключишь же эдакую красоту...

Она умолкла, продолжая снимать поклажу с Кшша, со снисходительной важностью рассматривавшего сновавшие вокруг живые огоньки, что порой в любопытстве подлетали к его морде.

— Кстати, о брат мой по закону Таор, — несколько внезапно обратился ко мне Энн, когда с тюками и свёртками было покончено. — А что говорит Закон светлых эльфов о разведении открытого огня в Светлом Лесу?

— А шут его знает, — ляпаю я в ответ, совершенно не подумав, и тут же осекаюсь.

— Так ты ж им и был! — сквозь хохот так и рухнувших близнецов доносится голос брата, взявшего себя под контроль через минуту. — Кому, как не тебе, теперь отвечать?

— Да-да, благодарю за напоминание, — показательно ворчу я и всё же отвечаю: — По закону мы, — копирую я ударение Энна, — можем разводить любой огонь — где угодно и как угодно, буде у нас возникнет такая необходимость. Но, помня принцип уже уходящей эпохи, лучше следовать нормам для обычных разумных и разводить огонь в Светлом Лесу только в случае крайней необходимости и строго в отведённых для этого местах. Одно из коих, как ты можешь видеть, находится прямо тут, — я указал на обложенную округлыми камнями небольшую ямку чуть в отдалении от корней. — Только дров здесь нет, никто не оставил, — закончил я и выразительно посмотрел на близнецов.

Монаршие отпрыски переглянулись, не менее показательно вздохнули и ушли. Искать сушняк и валежник. Ночью. В Светлом Лесу.

«Да-а-а, картина маслом, — думал я, распаковывая продукты для ужина и вешая котелок на треногу над кострищем. — Венценосные тёмные эльфы в мерцании светлячков и собственных немислимо магических диадем в многотысячелетнем лесу светлых эльфов ищут дрова. Пока их брат-полудемон, бастард двух тронов, собирается варить толи суп, толи

кулеш. И, видимо, будет пользоваться магией в качестве топлива».

Так и вышло: близнецы задерживались, голод подступал, принципы экономии энергии сдали позиции. И вот уже немного погодя среди разогретых мизером огненных сил камней, сдвинутых поближе, задорно исходил умопомрачительными ароматами всё же кулеш — густая похлёбка из горного проса и вяленого мяса, щедро приправленная крупнорубленными плодами йяй.

На запах не замедлили явиться брат и сестра. Энн нёс приличную охапку сучьев, а Эна, почему-то в перчатках, радостно помахивала плотным кожаным мешочком и лучилась довольством. Предваряя наши недоумённые вопросы, она поведала:

— Я нашла полянку ядрйба! Нет сильнее яда в Светлом Лесу, да и в Подземье лишь пара грибов мощнее. Поутру добавлю смертоносности моим звёздочкам и ножам, — с умильной мечтательностью закончила сестра.

Энн же совершенно молча сгрузил дрова поодаль, взял свою ложку и уселся у котелка, нацелившись зачерпнуть свежайшей еды первым.

Из-за грани доносится негромкий, затихающий перестук.

И вдруг мироздание треснуло второй раз за этот длинный день. Но на сей раз вспышка всецветного высверка молнией пробежала слева направо по-над самой поляной, что я незадумчиво оглядывал, готовясь насладиться ужином. И тут же нашим полуприкрытым глазам открылось «чудесное» зрелище: семь семёрок собакоголовых тварей, окружающих неплотными кольцами настоящего гиганта, показательно лениво опирающегося верхними лапами на внушительный двуручный меч глубоко багряного металла.

«Ну уж нет!» — подумал я с пробуждающейся яростью, поднимаясь и делая решительный шаг вперёд.

— Да как вы смеете, собаки сугулые! — возопил я чаечкой, способной «поднять мир на одном крыле», и ошарашенные демоны замерли в готовности к прыжку. — Да как вы могли, псы позорные, осмелиться помешать моему ужину! — орал я, бросая в топку внутреннего огня голод, злость, гнев и ненависть к исчадиям Домена Вражды. — Вы недостойны здесь находиться, кобели криволапые, Бездна б вас побрала б!!! — прогрохотал я, левой рукой махнув в отвращающем жесте, будто прогоняя нерадивых слуг.

Из-за грани: «Стук-тук-тук... двадцать!»

Сверкнуло справа налево. С едва слышимым хлопком гончие исчезли. Серьга ощутимо качнулась. Падая навзничь от огромного расхода сил, я успел подумать с искренней печалью: «Так и не поел».

Глава четырнадцатая

Газебо и боль

В этой главе героям сначала хамят, а потом на них орут.

В себя я пришёл относительно скоро благодаря близнецам, не только переложившим меня на спину и к кострищу, но и вложившим в левую руку один из моих кристалло-накопителей. Едва осознавшись, я тут же прибрал драгоценную редкость в специальный кармашек и метнулся к котелку с честно оставленной третью кулеша, шустро заработав ложкой.

— Welcome back, братик, — тихо сказала Анаис, сидящая на спальном мешке напротив, подняв взгляд от связь-камня. — Приятного аппетита.

— Благодарю, — чуть невнятно прочавкал я.

— Слушай, — внезапно продолжила она, — я всегда знала, что голодный эльф — это страх и ужас для окружающих. Но сегодня даже я чуть не изгналась за компанию с собачьями! — чуть помолчав, Настя продолжила: — Ты предупреждай как-то в следующий раз.

— Всенепременно, — отвечаю я, доев. — Только вряд ли будет такой следующий раз. Уж больно затратно по силам, да и с Бездной лучше бы не заигрывать. А вообще, конечно, странно: как соберёмся поужинать у костра, так кого-нибудь приносит. Неприятная тенденция, однако. Кстати — светлые стражи приезжали?

— Не-а, — ответила Настя. — Никого не было, — немного помолчав, она добавила: — Так, ты очнулся и выглядишь бодренцом, поэтому оставляю тебе первую стражу. После — буди Энна, а я подежурю на рассвете. И вот, держи, — протянула она мне плоский прямоугольник камня связи, — отец ждёт и твоего отчёта.

С последними словами тёмная принцесса закуталась в спальник и скоро засопела в совершеннейший унисон со своим близнецом.

Окинув окрестности взглядом и отметив превосходную сигнальную сеть из теней, явно поставленную вокруг лагеря Эной, я уткнулся в писанину, строго и лаконично укладывая события в привычные обороты и точные формулировки, постановив себе через каждую сотню слов вновь озирать окрестности: бережёного Тьма бережёт!

Костерок едва потрескивал, светлячки роились поодаль, Владыка принял отчёт лаконичными «молодец, Таор» и «будь осторожен», время неспешно тянулось. Так и прошло моё дежурство.

Разбудив враз проснувшегося бодрим Энна и жестом вручив ему пост бдящего за лагерем, я моментально провалился в сон, едва закрыв глаза...

Утро начиналось наилучшим для любого походника образом: было мягко, сухо и тепло, едва слышно посвистывали ранние пичуги, а враз затрепетавшие ноздри уловили аромат свежезаваренного ко. Не открывая глаз, я посоветовал Эне, которая точно к концу своей стражи решила озаботиться бодростью:

— Кинь в котелок одну щепотку — маленькую! — сушёного йяай, и результат тебя приятно удивит!

— Уже, если ты не чувствуешь, — бодро ответила она. — Но могу ещё добавить, а то вдруг я

поскромничала?

— Нет-нет, благодарю. Я верю в твою точность! — блаженно улыбаясь, я наконец открыл глаза, потянулся и выбрался из спальника.

Утренние сумерки уже вовсю отступали под лучами встающего солнца, почти ледяная вода родника унесла последние остатки сна с моего лица, а кружка горячего ко, щедро сдобренного толчёным каменным мёдом, вселила в тело моё столько кипучей энергии, что хватило и на утреннюю полноценную тренировку, и на скоростные сборы, и даже отсутствие завтрака ничуть не сказалось на моей неуёмной жизнерадостности.

«Вернусь в Подземье, — думал я, слегка покачиваясь в седле споро рысящей Мрры, — всерьёз налягу на алхимию! Благо образование позволяет. А то аж завидно — вона како чудо анжинерной мысли Костя выдал! А чем я хуже?»

Дорога всё так же плавно вилась, мягко огибая пологие низкие холмы и древесных великанов, и едва заметно понижалась, уводя нас глубже и глубже в Светлый Лес. Час сменялся часом, солнце поднималось всё выше, окружающие пейзажи приелись хуже родных казематов, пантеры уставали и шли всё медленнее, близнецы задумчиво молчали, и даже моя утренняя бодрость подскисла до ворчливого брюзжания.

«Это не Светлый Лес, а Скучный, — думалось мне при виде очередной премилой полянки. — Осинки-берёзки, полянка, дуб, осинки-берёзки, полянка, клён... И опять! Родники разбросать под каждым третьим большим деревом, дорогу проложить по самым зрелищным местам. На выходе получить парк исполинских размеров, который ну очень пытается быть лесом. Брр-р! Да ещё и полное безлю... э-э-э... безэльфье. Должны же быть смотрители там, лесники, да хоть пастухи для бабочек особого вида!»

Заметив вдалеке изящного вида беседку, наверняка выращенную, а не построенную на вершине малого холмика, я несколько обрадовался новому зрелищу и строго обратился к самому себе: «Не гневи судьбу, Сандр! Тебе собак было мало вчера? Наслаждайся покоем».

Что я честно и попытался выполнить. Но буквально против воли взор мой был неотрывно устремлён на приближающееся здание, если можно его так назвать.

«Так, — всмотрелся я внимательнее, — типичное светлоэльфийское газебо, круглое, метров трёх в диаметре с куполообразной крышей. Явно выращено особой эльфийской магией из... э-э-э... какого-то кустарника — вон сколько ветвей ажурно переплетаются, зеленеют и даже немного цветут. Если внутри есть лавки и стол — отличное место для привала. Время-то как раз к обеду».

— Беседка, — вдруг с непонятной интонацией сказал Энн, едущий чуть впереди и так же внимательно смотрящий на сооружение.

— Да, брат, именно она, — подтвердил я. — Классический образчик дендроархитектуры.

— Нет, Таор, ты не понял, — вдруг в голосе тёмного принца проступили интонации Кости, — Беседка! — с явным намёком повторил он очень медленно.

— Ааа! О-о-о! — донеслось от сестры, — Я поняла! Надо проверить её на магию!

— Да, конечно! — ухмыляюсь я. — А потом проверить её на зло, потом чем-нибудь стрельнуть — жаль, луков нет ни у кого. А потом беседка нас заметит! — вещал я, подъезжая к предмету дискуссии и хлопая ладонью по стенке. — Но вынужден вас разочаровать — это просто газебо для малых привалов. Светлые небось там вина попивают под сотню условностей.

Из-за грани доносится смешиливое мастерское: «Вот теперь беседка вас заметила!»

Стоило мне замолчать, как с неясным треском по всем стенам мгновенно выросли шипы, цветы стали наливаться дурным ароматом, а из-под свода крыши проскрежетало языком детей Леса:

— Не тебе, отродье Бездны, касаться стен моих! И не вам, отродья Тьмы, вкушать яства под крышей моей!

Завершив сей оскорбительный монолог, газебо кануло под землю. Как не было. Лишь трава зашуршала, покрывая ковром макушку холма.

— Э-э-э... — обескураженно протянул я.

— Ну ой! — Вполне логично резюмировал Костя.

— Что, товарищи отродья, едемте дальше? — спросила Анаис чуть погодя.

Мы с братом лишь молча и согласно покивали. Пустив Мрру вслед за Кшшем Эны, я слегка потеряно размышлял: «Ну, может, это была очень старая беседка, из позапрошлой эпохи, и никто не довёл ещё до её сведения, что у светлых и тёмных — мир и дружба. А она, газеба́ эта, небось только выкопалась, расправила стены — а тут полудемон и два тёмных! Хорошо хоть подобие разума, изредка встречающееся в таких сооружениях, не атаковало — было бы ещё веселее...»

— Слушайте, — обратился я к друзьям, — А может, поэтому вокруг и нет никого: за всем следят беседки! А что? Выкопалась такая, лепестками вокруг поморгала и отправила доклад по мицелию симбиотическому, а какой-нибудь светлоэльфийский оператор грибницы на какой-нибудь спец-полянке, схавав плодовое тело, получил видение, что всё норм!

— Не, ну теория вполне стройная, — ответила Настя, поразмыслив. — Но, как мне кажется, мы, как дети Владыки, точно об этом хоть что-то да слышали бы. А у меня в памяти ничего такого нет.

— Как и у меня, — поддержал Константин. — Но должность офицера грибной связи — это пять!

— Ну и ладно, — буркнул я. — Тогда ничего вам не расскажу про идею грибной Эйвы!

Так, перебрасываясь шутками да домыслами, мы и доехали до обеденного привала. Проведя около часа в отдыхе и погрызании пеммикана, наша троица вновь пустилась в путь.

Пантеры рысили, солнце сияло по правую руку, а из головы моей всё не шла беседка.

«Что-то здесь опять не так, — думал я, мягко покачиваясь в седле. — Подобие разума — слишком сложные чары для газебо. Чай не оборонительный форт на границе и не Дворец. Видимо, в Светлом Лесу несколько больше секретов, чем можно себе представить...»

За час до заката наша дружная троица добралась до первого моста на пути — через Вторечку, правый приток Реки Восхода. Над нешироким и весьма резвым потоком невысокой аркой предстала классика от светлых эльфов: ажурно переплетённые ветви двух растущих на берегу, полого склонившихся над водой деревьев — видимо, ив — формировали и настил моста, и невысокие перила. Но другом берегу конструкцию зеркально повторяла вторая пара ив.

«Так, — подумал я, притормаживая, — надеюсь, это сооружение не оживёт и не потребует подорожных, попутно нахамив».

Но нет, спешившись и ведя пантер в поводу, мы совершенно спокойно преодолели едва пружинящий мост и, вновь оседлав наш когтистый транспорт, двинулись дальше, не преминув порадоваться вслух и молчаливости дендротехнической конструкции, и отсутствию троллей под ней и, кажется, вообще в этом мире.

Вечерние тени всё сгущались, птичий щебет сменялся одинокими протяжными соло, мягкий ветерок едва слышно шумел листвой, а наше трио слегка расслабленно оглядывало незапоминающийся пейзаж, подыскивая место для ночёвки.

Из-за грани доносится негромкий, затихающий перестук.

И тут позади нас сверкнуло. В то же мгновение безмятежный воздух лесной идиллии разрезал с безжалостностью опытного маньяка тройной вопль, вобравший в себя, казалось, все возможные страдания. Полвдоха спустя всё живое окрест включилось в жуткую симфонию. Пантеры резко остановились и припали на все четыре лапы разом, взревев, будто смертельно раненые. Ремни спасли меня от падения вперёд лицом, но это не имело решительно никакого значения: тело моё и без того терзала боль во всех её проявлениях такой интенсивности, что сознание готовилось покинуть кусок страдающей органики. И лишь рык Таора: «Демоны Боли! Старшие! Соберись!», донёсшийся до меня судорожный вдох спустя, не дал пропасть.

«Ох, ё-о-о, — отстёгивался я, пытаюсь связать хоть одну мысль. — А, мля, у-у-у... Та-а-ак! Я, ой, не есть это тело!»

Из-за грани: «Стук-тук-тук... тринадцать!»

Собирая в кулак всю свою волю, отрешаясь от выматывающих ощущений, что давалось ой как не просто, я с трудом отстегнулся, сполз с седла уже рухнувшей и всё ещё стенающей Мрры и обернулся.

В наступающих сумерках к нам неспешно приближались три человекоподобные фигуры откровенно жуткого вида: тела сплошь покрывали самые разнообразные раны — рваные и резаные, явно свежие, сочащиеся кровью, и уже старые, чернеющие краями и источающие белёсый гной. Истерзанные и явно не единожды сломанные ноги едва ступали, больше шаркая, чем шагая, а изувеченные руки с невозможной для многожды перебитых пальцев ловкостью ныряли в небольшие мешочки, пришитые проволокой к животам демонов, и посыпали исполосованные разрезами головы мелкими кристаллами. Кровавые, полные острейшими осколками зубов рты порождений Бездны непрерывно исторгали леденящие саму душу стоны.

Краем глаза я заметил, как близнецы буквально скатились с сёдел, едва отстегнувшись и в унисон вопя нечто совершенно нецензурное.

Из-за грани слышится повторяющийся перестук двадцатигранников. Время будто замедляет бег.

«Стоп, — породил я связную мысль, — они же просто орут, делая себе больно. Я-то чего страдаю?»

И тут, будто схватит мою мысль на лету, Эна совершенно спокойно выпрямляется и рывкает во всю мощь монарших лёгких, помноженную на невиданную стойкость Анаис, воспитывающую трёх детей:

— А-а-атставить вопли!!!

Из-за грани: «Стук-тук-тук... девятнадцать!»

Замерли все и вся. Непонятно на каких инстинктах вытянулся во фронт даже я, успев подумать: «Да, не стоит забывать Настиного отца-МЧСника, вона как из-под ментальной атаки вышла!»

Спустя долгую, тянущуюся каплей пота по виску секунду общего молчания и ошеломления, события вновь пустились вскачь: демоны зачерпнули из мешков обеими руками по полной жмени, Эна единым слитным движением пустила в неуловимо быстрый

полёт три чёрных метательных ножа, угодивших в шею истерзанных фигур, я завершал плетение всеожжения, а Энн, воспрявший после вопля сестры, прыжком устремился к центральному порождению Боли, ещё в полёте обнажив скимитары и грозя отсечь уже поднимающиеся руки, изломанными пальцами сжимающие Тяжкую Соль.

Клинки пали на запястья, брат встал перед демоном, отсечённые кисти в полёте раскрылись, и тускло блеснувшие тяжёлые кристаллики окатили тёмноэльфийского принца с ног до головы. Тот рухнул, заходясь в крике.

Уже подсакивая к левому и готовясь проститься с его прахом, я обескураженно отметил, что все демоны как-то особенно повели мерзко хрустнувшими шеями, издали тройной будто плотательный звук и, считай, поужинали наверняка безмерно ядовитыми подарками Её Высочества. Руки правого и левого щедро сыпанули Соль себе на головы и вокруг, центральный же будто радостно сунул культи в мешочек и явно приготовился вновь взвыть.

«А, ну да, Старшие же!» — пронеслось у меня в голове, пока я уворачивался от рассыпаемых на себя и окружающих посланцами Боли страданий и стремился зайти за спину моего визави, дабы спокойно поразить его всежигающим касанием. В движении я ухватил образ сестры, что, припав к земле, неслась к Энну, на ходу выплетая из послушно льнувших к ней теней нечто плащеобразное левой рукой и что-то очень похожее на копьё — правой. Грозное шипение и посвист стелились над дорогой.

Завершив пируэт за спину демона, я коснулся изъязвлённой кожи и выпустил уже готовое плетение. Порождение Бездны вспыхнуло. Возопило невыносимо высоко. Обернулось. И, пылая, попёрло на меня, исходя прахом, но при этом успевая восстанавливаться. Воцарилась непредставимая вонь.

Глаза мои расширились от ужаса, тело совершило невозможный прыжок спиной вперёд, а рот возопил прежде сознания:

— Сгори же!

Услышав меня, пламя вмиг окрасилось в ярчайшие белые тона, взвилось к небесам, истончило исчадие Боли до корявого скелета, и опало, оставив почерневший костяк разлетаться в мелкую труху. Одновременно с этим в свете магического пламени я увидел, как Эна завершила своё движение, подлетев к лежащему брату и накинув на его спину плащ Теней, и атаковала двойку демонов: выпрямляясь, она решительным махом послала лезвие копья Тьмы в шею уже-не-безрукому, а явно утяжелённый низ оружия пришёлся чётко в нос правому. Удар недевической силы перерубил плоть и кости первого и заставил отклониться — почти упасть — хлюпнувшего второго.

Безголовое тело рухнуло на колени. Спешно доплетая очередное заклинание, я побежал к нему. Сестра, перехватив копьё обеими руками, нанесла рубящий удар, тяжело рухнувший на демона и разрубивший выпрямляющегося посланца Боли на две половинки, что лишь секунду спустя распались по обе стороны от истаивающего в земле тёмного оружия. Тут же схватив в охапку Энна, уже полностью окутанного Тьмой и затихшего, принцесса отскочила подальше.

Подбегая, я разделил чары на обе руки, легко прикоснулся к начавшим вновь шевелиться демонам и, подкрепляя огненную магию волевым повелением, гаркнул:

— Сгори дотла!

Полыхнуло сверхновой. Плоть порождений Бездны истаяла, кости опали исчезающим прахом. Удушливый смрад унёсся с дуновением ветерка.

Упав на задницу там, где и стоял в нелепом полуприседе, я глубоко вздохнул, закашлялся, продышался и уставился на близнецов, находившихся недалече и освещённых появляющимися светлячками, озарившими играющим мерцанием всё вокруг. Эна, присев на корточки возле лежащего на спине брата, водила руками, истекающими мягкой и уютной Тьмой, над лицом тёмного принца, удаляя следы от Тяжкой Соли, похожие одновременно и на язвы, и на ожоги. При этом магическом процессе она что-то неразборчиво и ворчательно бубнила, но с явно заботливой интонацией. Заклинание, что ли?

Не особо вслушиваясь, я поднялся — стоило проверить пантер. Бедным кошкам от ментальной атаки Старших демонов досталось хлеще нашего. Но оказалось, что могучие скакуны рухнули от мнимой боли лишь на пяток секунд, а с исчезновением исчадий Бездны сумели найти в себе силы встать, настороженно поводя головами вокруг и припав на передние лапы. Шерсть каждой топорщилась дыбом, широченные из-за этого хвосты хлестали по бокам, а морды недобро скалились, катая в пастях глухой рык.

— Чш-ш-ш, Мрра, — басовито начал я, медленно подходя к животным. — Чш-ш-ш, Кшш. Чш-ш-ш, Ксса, — успокоительно шипел я.

Через пару-тройку повторений звери успокоились, и Мрра позволила себя погладить.

Тут и Энн пришёл в себя, огласив окрестности громким и протяжным «А-а-а!», вместившим в себя всё возможное удивление и радость сразу.

— Так, — сказала слегка сдвинувшая брови принцесса, — давайте этот вопль будет последним на сегодня. Ночь на дворе. Вон, чуть впереди, место для привала, — и, замолчав, подошла к Кшшу и повела его в поводу.

— Я больше не буду, — сказал брат, поднимаясь.

— И что же ты не будешь? — чуть ехидно поинтересовался я у него, так же беря Мрру за повод и разворачивая её вслед за сестрой.

— Орать не буду, — начал несколько потерянно принц. — Вопить тоже не буду, — чуть помолчав, он продолжил: — И под порождённые Бездной минеральные вещества высшего класса опасности тоже подставляться не буду.

«О, а последняя фраза явно Костина, но будто под диктовку Энна. Интересно они уживаются!» — подумалось мне.

— Рада слышать разумные речи от тебя, брат! — показательно заметила Эна.

Не прошло и трёх минут, как наш высокоцарственный, но малочисленный кортеж подошёл к очередному великокорённому дубу и стал устраиваться на ночлег вокруг кострища, будто скопированного с предыдущей стоянки. Рассёдлывая пушистый транспорт и раскладывая скарб, мы больше молчали, всё ещё не отойдя полностью от боя и лишь в несколько слов решив, что ужин сегодня будет на магии — не стоит разделяться и тратить время на поиски дров.

Привычная возня с камнями, котелком и продуктами окончательно успокоила меня и вернула способность к анализу, которому я тут же и подверг сегодняшнее нападение, размышляя: «А что? А вполне неплохо мы справились сегодня. Противники нам достались не то чтоб серьёзные, но уж точно очень неприятные. И да — снова многое решили воля, осознанность и внимательность. С последней, правда, у кого-то проблемы».

Наперегонки опустошив котелок с острым и густым кулешом, Их Высочества и моё бастардие потянулись к свёрточку с вялеными ньяамами. Утолив внезапную страсть к сладкому, я обратился к Эне:

— Сестра, считаю себя должным тебе. В моём всесожжении сторели три твоих ножа.

Вернёмся в Подземье — я выкую в кузнеце деда новые.

— О, благодарю, — несколько удивлённо отозвалась принцесса. — Так-то не страшно — это ж расходники, у меня ещё пара десятков в тюках. Но ножи твоей ковки будут очень кстати, особенно если ты учтёшь мои пожелания, а то и позволишь работать вместе с тобой, сплетая твоё мастерство и мои чары.

— Всенепременно, — тут же соглашаюсь я.

— Кстати, о чарах и всеожжени, — продолжила она. — Оно, конечно, высокоэффективно против порождений Бездны, тем более с такой высокой регенерацией, но, может быть, не стоит сжигать в ничто прям всех врагов? Вдруг нам что-то с них надо будет? — задала вопрос уже Настя.

— Да, брат мой, — включился в диалог Костя, — лут же священен. А после твоих спелов от него остаётся лишь вспышка да вонишка!

— Да вы зажрались, морды монаршие! — притворно возмутился я. — У вас полны тюки лучшего из возможного, а вам ещё подавай! Или, — сделал я страшные глаза, — вы на мешочки с Тяжкой Солью позарились?

— Да нет, — усмехнулась Анаис, — шо мы, мазохисты что ли? Это я так, на будущее.

— Ладно, ладно, — поднял я ладони в согласии. — Хорошо. Тогда, на будущее, напоминаю тебе, брат мой, что ты не только гениальный обоерукий мечник, но ещё и маг камня высокого ранга.

— А? — едва удивился Костя, — А, ну да, ну да...

— Так, братцы вы мои остроухие, — сказала Настя чуть погодя, — последняя стража традиционно моя, котелок моет один из вас, — после чего она отошла к условной границе лагеря и в три изящных пасса и две шипяще-свистящие ритмичные фразы установила привычную защиту вокруг стоянки.

Решив с Энном, что он сегодня дежурит первым, я, как и сестра моя по закону Эна, забрался в спальник и невероятно быстро погрузился в сон без сновидений.

Проснулся я совершенно самостоятельно, когда Его Высочество лишь наклонился будить меня. И тут же пробудившееся сознание ошарашило меня вопящей мыслью: «Мать моя Тьма! Отчёт отцу!»

Увидев в мелькающем свете крылатой иллюминации мои расширившиеся глаза и будто прочитав мои мысли, Энн протянул понимающе: «Ага-а» и, выпрямляясь, вручил мне табличку связь-камня, рассказывая:

— Отцу я уже всё максимально подробно описал, но только со своей стороны. Владыка ждёт и твоего отчёта, и Эны. И да — папа понимает, почему вы позабыли о времени, — закончил брат, пока я стремглав выбирался из спального мешка и умывался.

— Благодарю, Энн, — ответил я, забирая камень связи и готовясь к очередному акту бюрократии.

Так и прошли мои три часа: одним глазом в писанину, другим — по окрестностям. Своеобразный дневник я завершил не скоро, но всё же время осталось, и я задумался: «Что-то как-то опять не так. Тьма с ним, со Светлым Лесом, и с безэльфьем: они, небось, заняты поголовно — некий кризис разгребают, колдуя что есть сил. Вопрос в частоте демонических проколов. Четыре за три дня — и все по наши души. Ладно тут, у светлоухих, можно предположить некое наведение на ближайших разумных. Но похотливая ехидна искала и нашла именно меня. А, стоп. Ну да. Логично ж. Демонесса навелась как-то по-высшенски на меня точно. Разведчики вышли на нас за инфой. А Старшие из домена Боли, скорее всего,

просто на удачу прорвались: им без разницы кого мучить, лишь бы насыщали их страданиями. Вроде всё так. Фух. Паранойя — отбой!»

Взбодрившись успокоительной логикой, я на всякий случай проверил котелок, бо не хотелось засыпать под ворчание сестры. Обнаружив его немывтым и кротко вздохнув, отошёл к ручейку, прихватив «средство моющее, походное, концентрированное, для обработки личных приборов питания», как гласила бирка на шершавом, чуть крошащемся бруске. Отмывая и без того, если честно, выскобленный ложками котелок, я тихо радовался: «Как же хорошо в высоко цивилизованных обществах: обязательно есть вот такие мелочи, обеспечивающие удобство и экономящие время». Смыв обильную пену и поставив котелок неподалеку от всё ещё горячих камней, я тихонько разбудил вмиг проснувшуюся Эну. Жестами вручив ей лагерь, связь-камень и чистую посуду, я резво забрался в спальник и отбыл в местную страну грёз, раз за разом дарующую отдых, но не сновидения.

Глава пятнадцатая

«А мне не весело!»

В этой главе герои отказываются играть в прятки.

Ясное утро, кружка бодрящего ко, неторопливая зарядка, нехитрый завтрак из обычной каши с каменным мёдом и последовавшие сборы — всё это настроило нас на лад достаточно деловой и спокойный. И действительно — мы тут не на тренировке и уж тем более не на прогулке, хоть местный Лес-о-Парк и пытается всеми силами убедить нас в обратном, да демоны не дают. Мы здесь на задании от Владыки Подземья и Тени Великих Гор. С тем наше трио и отправилось в дальнейший в путь, сохраняя привычный порядок: Энн впереди, после — Эна, и я в арьергарде. Не давая летней неге и монотонности повторяющихся пейзажей вогнать нас в томную созерцательность, наша команда сохраняла бдительность и зорко озирала тремя парами ясных глаз окрестности.

А дорога всё так же стелилась, слегка извиваясь, то чуть повышаясь, то чуть понижаясь, солнце взбиралось всё выше и выше к зениту, птицы неумолчно звенели, пантеры мерно рысили вперёд и вперёд. Не происходило ровным счётом ничего примечательного. Даже беседок больше не появлялось и, соответственно, не исчезало.

Обеденный привал так же не баловал разнообразием и прошёл с почти уставной строгостью, требовавшей, правда, не так уж много энергии для поддержания. Утолив голод и дав отдых пушистым скакунам, вскоре наше трио продолжило путь, не теряя внимательности и собранности.

«Интересно, — думал я, оглядываясь с высоты седла то направо, то налево, а то и назад, — на сколько нас хватит вот так вот бдеть за условно-дружественной территорией? Хоть и рутинное занятие, но сил-то осознанность постоянная потребляет. Короче — не переусердствовать бы».

Из-за грани доносится негромкий, затихающий перестук.

Стоило мне с последней мыслью бросить взгляд вперёд, как время будто замедлилось, и я одновременно успел зафиксировать множество событий: вспухающую хорошо знакомую вспышку прямо по курсу; мягко и решительно тормозящих близнецов, правые руки которых в симметрично изящных жестах очертили два полкруга — Эна над головой, оставляя ажурный купол теней, а Энн перед собой, по-над дорогой, поднимая саму её твердь защитным полукольцом; и себя, остановившего Мрру коленями и за долю секунды вызвавшего по банальному шару огня на каждую ладонь.

Прошла невыразимо долгая секунда. Вторая. Третья чуть не заставила нас недоумённо переглянуться, если б не внезапно прозвеневший от левого края стены, воздвигнутой чарами брата, премиленький детский голосок, прощепетавший немислимое:

— Ой! Дяди и тётки, а что это вы тут делаете?

— Э-э-э... — удивлённым хором ответили мы.

— Прячетесь? Так я вас нашла! — звонко продолжила выходящая сквозь тени щита пред наши потрясённые взоры девочка.

Лет пяти на вид, рыжая и конопатая пигалица, одетая в ядрёно-розовый сарафанчик с неуловимо знакомым чёрным мелким принтом по всей ткани, задорно тряхнула

кудряшками, притопнула ножкой в не менее розовом сандалике и затараторила:

— Раз я вас нашла, теперь вы водите, а я прячусь. Вставляйте лицом вот к этой стеночке и считайте до ста, вы большие, вы сможете! Чур, не подглядывать! Я спрячусь хорошо-хорошо! Только вы меня обязательно найдите, чтоб мне весело было!

— Остановись, дитя! — несколько совладал с собой Энн и заговорил размеренно, увещевая малютку: — Сейчас не время для игр, ведь только что произошёл прокол Бездны, и злые демоны рядом!

Я же, наконец распознав принт на платье, возопил:

— Какие, к чёрту, прятки! В этом мире нет «Hello kitty»! И уж тем более нет человеческих детей!!! — ещё не завершив вопль, я метнул оба огненных шара.

Под слитное, неверяще-ужасающееся «Таор!» от Их Высочеств псевдо-дитя отбило ленивым движением руки мелькнувшие сгустки пламени. Оба. Одновременно. И тут же пробасило, диссонансно проскрежетав:

— А вот теперь мне не весело. Давненько я так не промахивался с образом.

С последними словами фигура миленькой девочки смазалась и растеклась неплотным туманом, который вмиг расползся по внушительной площади.

Из-за грани слышится повторяющийся перестук двадцатигранников.

— Бронь на мозг! — командно рывкнула одномоментно пришедшая в себя Эна, и каждый из нас ещё при первом слове начал выплетать ментальные защиты, сначала действуя, а после уже осознавая.

В это же самое время клубы живого морока, едва опалесцирующие в сумрачных тенях щита Её Высочества, неуловимо сгустились, и перед нами предстал Эрр Первый, Владыка Подземья и Тени Великих Гор, который повелительно начал:

— Остановитесь, дети мои! Я — ваш отец! Я...

— Да шаз! — хамски перебиваю я, завершив щит разума. — Не верю! Тоже мне — Дарт Вейдер заезжий! Отец он наш!

— Да тьфу на вас! — разочарованно просипело справа и сверху, когда после моих слов фигура тёмного монарха застыла и исчезла. — Говорила мне бабка: «Не лезь к двоедушцам». Права была Матриарх. С вами вообще не повеселишься. Утырки! — обидно припечатал голос, доносившийся из монструозных жвал здорового, богомолородного насекомого, оседлавшего левый край защитного вала и хищно поведившего передними хватательными лапами. Мы же при этом замерли, молча вывязывая убийственные чары.

— Тьфу на вас ещё раз!

Тварь реально сплюнула дурно зашипевшим ещё в воздухе сгустком, что дало старт нашим заклинаниям: сверкнула, раскрываясь и готовясь сжаться, моя огненная клеть, от Эны в сторону инсектоида ринулся чернейший луч первозданной Тьмы, а брат поднял из верхушки стены два десятка тонких каменных пик, алмазно блеснувших острейшими гранями.

Но всё пропало втуне. Пики воткнулись в пустоту, Тьма просквозила меж ними, клеть схлопнулась в ничто. А сзади издевательски прокаркал хриплый смех:

— Гха-ха-ха! Купились! Гхы-хы-хы! Защитили они разум, молодцы какие!

Стоило нам начать разворачивать пантер, попутно снова готовя касты ещё мощнее, как голос вдруг стал много серьёзнее и глухо зачастил:

— Так, харе длинноухие! Меня мама зовёт, мне пора, с вами не очень весело, но я вас ещё найду! Не прощаюсь, пещерники черномазые!

Едва закончив разворот, мы увидели, как у правого края стены сверкнуло проколом Бездны, и вспышка поглотила вполне гуманоидную фигуру с руками, вскинутыми в совершенно нецензурных жестах.

— Что за грёбаное хамло? — потрясённо и зло спросила Анаис.

— Демон Лживого Домена, он же Домен Иллюзий, — настороженно озираясь процитировал я память Таора.

— Ага-ага, — слегка покивал бдящий окрест Костя. — Про него известно ровным счётом нихрена правдивого. Кроме одного: каждый представитель — ментат за гранью любых рангов.

— Н-да, ну и нахватался же он в наших головах всякого! — сказала Настя, — Мне так с юности не хамили.

— Слава всем, что порождение Бездны хотело лишь развлечься, — всё ещё напряжённо сканируя окрестности, пробормотал я и добавил громче: — Не очень верю, что оно нас покинуло. В круг, братья и сестры! Энн, убирай стену! — неожиданно даже для самого себя раскомандовался я.

Их Высочества вняли, наше трио снова развернуло недоумённо порывкивающих пантер — на сей раз хвостами друг к другу, а тёмный принц будто поглаживающим жестом вернул земле прежнюю ровность. Тем временем я воздел руки, крутнул кистями, едва понятно и резко выдохнул: «И-гнис», и всё пространство вокруг нас заполнили тысячи мельчайших искр, переливающихся всеми оттенками пламени и замерших в строго рассчитанном порядке многослойной защиты. Каждая могла прожечь насквозь средних размеров алмаз. Ударом сердца позже со стороны Эны донеслись ритмичные свист и шипение, тут же тени её щита истончились и распались на сотни узких клинков, которые расходящимися спиралями заскользили среди мерцающих опасностью огоньков.

Секунда ползла за секундой. Искры рдели, клинки сновали, мы бдили.

Прошла невыносимо длинная минута, исчерпавшая прорву сил на поддержание защиты активного типа. К концу шестидесятисекундной вечности Энн сказал:

— Стоп. Здесь точно никого нет. Я совершил ментальное сканирование с каскадной верификацией данных — слава Тьме, не так давно его повторял — и уверенно заявляю: здесь только мы да звери.

Молчаливо согласившись с братом, я и Эна с усталыми вздохами погасили защиты и буквально упали лицами в пушистые загривки пантер, нецензурно ворча.

Прильнув к меху уже спокойной Мрры, я прогонял в голове прощальный монолог ненормального демона — что-то мне не давало покоя.

«В смысле "...я вас ещё найду!"? Это каким же макаром, Бездна тебя не выпускай?! А Мля-а-а!.. Бездна, точно же, побери она сама себя!» — озарило меня, и я тут же стал отстёгиваться и выбираться из седла.

— Таор?! — вопросительным дуэтом изумились августейшие тёмные.

— Ты это чего? — вдогонку спросила Эна.

— С места не сдвинусь, пока не перекрою канал слежения всяким бездонным тварям! — несколько зло сказал я, усаживаясь в медитативную позу прямо посередь дороги. — Ишь чего, «...я вас ещё найду!», да щас прям! — негодовал я, но, заметив всё увеличивающиеся вопросы в глаза близнецов, пустился в пояснения: — Много-прабабка ваша, Высшая демонесса Огня, предсказала моё появление и оставила в наследство имя и серьгу, — ткнул я пальцем в свисающую с мочки левого уха каплю пламени Бездны. — Но

не оставила инструкций, одни туманные предостережения. А я, каюсь, уже дважды сделал чего-то не того, изгнав сначала светлоэльфийский ужин, — тут брат и сестра отчётливо усмехнулись, — а после, на ваших глазах, полтинник демонов Вражды. И что-то мне подсказывает, что (внимание!) пять атак из Бездны за четыре дня — и все на нас! — это как раз из-за этого украшения. Посему повторяю: с места не сдвинушь, пока не разберусь!

— Разумно... — несколько потрясённо протянули и Энн, и Эна.

Завершив пояснительные речи и побудив Таора: «Вместе», я и дважды бастард сообща потянулись сознаниями к многотысячелетней реликвии, желая лишь познать. Для начала.

Из-за грани: «Стук-тук-тук... девятнадцать!»

Десяток спокойных и медитативных, отсекающих всё внешнее вдохов спустя, перед внутренним взором, постепенно проявляясь, проступила чарующая, сложная, живая, изменчивая картина: по многомерным лабиринтам, сотканным из длинных сполохов и протуберанцев пламени всех цветов, что, будто играя, непрестанно перетекали друг в друга, могуче неслась буквально во все стороны разом едва сдерживаемая, нестерпимо белая Сила Огня, каждое мгновение непредсказуемо гармонично меняя абсолютно хаотический узор гипнотически завораживающих линий своего движения.

Неимоверная тяжесть пала на наши с полудемоном сознания: сложность плетений зашкаливала, сила манила, ритм подавлял волю.

«Да что с тобой не так?! — возмутился я, чуть приспуская вожжи концентрации. — Мы же просто посмотрим!» Словно вняв, угнетающее сияние мощи слегка поблело.

С трудом отбросив попытки вникнуть в структуру внутреннюю и согласившись с Таором, что создатель — бесспорно гений, сосредоточился на внешних пределах конструкта.

«Та-а-ак... — мысленно прищурившись по близорукой привычке, анализировал я, — Вот этот отвод — к хранилищу нашей личной силы, типа подпитки по требованию, эти бледновато-эфемерные линии — ментальная привязка и канал управления, хм — слабенький какой-то... Ага! А вот этот одинокий тяж уходит будто в никуда. Но мы-то знаем, что на том конце вовсе не куда-то, а вполне определённая Бездна! Коллега, — воодушевившись, я обратился к полуэльфу, — что будем делать?»

«Что ж, коллега, — подхватил мой тон Таор, — думается мне, что тривиальное "порвать и закольцевать" тут не сработает. Не те пока ещё наши силы, такое рвать».

«Но этот канал появился в результате наших действий, — начал я с очевидного, — значит, и в наших силах дать обратную команду. Ну, например, "втянуть" сей отросток».

«Или "отстегнуть", — закинул вариант полудемон, — и перецепить куда-нибудь. Вопрос в способе отдачи команды этому шедевру».

«Стоп, это вообще не вопрос, — удивился я нашей общей непрозорливости. — Вот же пучок контроля ментального. Ща мы оба в него вцепимся и пошлём всеми нашими обеими могучими волями простейшую команду. Чё тут мудрствовать-то?»

«Знаете, коллега, — несколько чопорно ответил на мою тираду полуэльф, — порой меня изумляет ваша простота, что оказывается на шаг впереди гениальности, — отвесив сложносочинённый комплимент, он продолжил: — Пожалуй, следует втянуть канал, не стоит оставлять в Светлом Лесу столь своеобразный маяк для демонов».

«Полностью поддерживаю, коллега! — тут же согласился я. — Приступим».

Тут же наши сознания, действуя совершенно синхронно, с решительной аккуратностью взялись за каналы управления и с неотвратимой чёткостью послали сдвоенное повеление артефакту прервать связь с Бездной и вобрать канал.

Из-за грани: «Стук-тук-тук... семнадцать!»

Едва не спалив весьма тонкие каналы двойной волей, мы замороженно наблюдали, как вся феноменальная конструкция как бы нехотя совершила полный оборот вокруг тяжа связи, и тот пропал — как и не было.

«Поздравляю, коллега!» — в унисон с Таором подумали мы, рывком выплывая в реальность, где сгушались тени и таял вечерний свет.

Слегка проморгавшись и заново привыкнув к обычному зрению, я увидел, что монаршие близнецы коротают досуг поблизости, так же усевшись на дороге, но на сёдла, снятые, как и прочий аккуратно сложенный рядом скарб с пантер. Вокруг импровизированного лагеря мелькали тени защиты, а брат и сестра, не забывая поглядывать окрест, передвигали по земле небольшие фигуры. Присмотревшись, с удивлением понял — шахматы!

— Welcome back, дубль два, братик! — первой заметила моё возвращение в реальность Настя, — Силён ты взмедитнуть!

— Не страшно, — кивком поприветствовал Костя вставшего и подходящего меня. — Мы тут перепробовали от скуки кучу настолок, которые получалось воссоздать магией, так всем четверым зашли только шахматы. Вот, шестая партия идёт к своему концу, — с этими словами он жестом сместил каменную светлую ладью вперёд и провозгласил: — Шах, любимая... сестра!

— Да хоть мат, дорогой брат! — лёгким пассом развеяла Анаис свои теневые фигуры и поднялась. — Таор снова с нами, и нет причин мешкать — надо добратся до нормального места привала!

— А смысл? — резонно и спокойно возразил Константин. — Вещи уже сняты и сложены, пантеры охотятся, камни для очага я создам, родничок... — тут он прислушался, — да вон он, чуть впереди по дороге. Так что нет смысла в излишней суете. Лучше доиграем.

— Ну хорошо, убедил, — согласилась сестра, присаживаясь обратно. — Только стены, что ли, возведи для уюту. И, да, я уже не помню позиций своих фигур.

— Я помню, — снова спокойно сказал Костя, — ты же мне веришь?

— Конечно, верю, — вздохнула Настя согласно.

— Э-э-эй! А что, никому не интересно, как у меня всё прошло? Я — даже мы! — часов шесть просидели над сложнейшей задачей! А вы ничего не спрашиваете?! — возопил я, устав молчать.

— Слушай, ну это же очевидно, — сказала Анаис, восстанавливая тёмные порядки на дороге, — ты ж пришёл в себя с крайне довольным лицом — до сих пор похож на насметаненного кота. Вот если б ругался или орал — тогда б были вопросы. А так — поздравляю, справился.

— Ага, респекты и уважуха, бро! — отсалютовал мне Константин.

— Не, ну с вами точно не весело! — вопреки сказанному ухмыльнулся я. — Хорошо хоть не спрашиваете, почему я раньше это всё не сделал, а то б точно грустно стало, — пробурчал я тихонько, словно в сторону.

Друзья отреагировали лишь расплывающимися улыбками и вернулись к партии.

Дальше наш вечер прошёл самым спокойным и тривиальным образом: ужин, приготовленный и резво съеденный сообща, отчёт отцу, занявший — хвала официальной краткости! — не так уж много времени, и малозначительные, но приятные редкие диалоги — всё это вселило в меня умиротворение и благодущие, не прошедшие даже от монотонного

бдения в первую стражу. По завершении оной меня сменил с лёгкостью проснувшийся Энн, ну а я убыл в глубокий сон.

Пробудившись совершенно самостоятельно ранним утром, я с удивлённым неверием констатировал всё столь же превосходное настроение, подкреплённое теперь ещё и отличным состоянием хорошо отдохнувшего организма.

«Восславим же особенности тёмных эльфов, — думал я, наматывая круги пробежки по границе лагеря. — Примерно шесть часов сна в сутки хватает на ура!»

Вполне традиционно и близнецы заряжались и упражнялись, под конец втянув меня в весёлое подобие догонялок, от которых нас смог оторвать лишь с запозданием проснувшийся недетский аппетит. Наскоро позавтракав, наше опять посерьёзневшее трио собралось и споро двинулось в путь, чуть понукая пантер — сегодня стоило проехать побольше.

Солнце светило, листва шелестела, Светлый Лес жил своей жизнью, пушистые скакунь держали хороший темп, дело близилось к обеду. И как раз буквально за полчаса до него мы выехали к перекрёстку: нашу малую дорогу пересекала абсолютно идентичная, но идущая с северо-востока на юго-запад, а по углам возвышались четыре колонноподобных ясеня, чья зеленовато-серая кора несла на себе замысловатые узоры, явно выращенные волей светлоэльфийских магов. На удобной для всадника высоте проступали ясно читаемые слова: «О путник! Ты покидаешь пределы ветвей Древа Сбора и вступаешь под сень ветвей Древа Границ» — значилось на ближайших к нам. И, вполне логично, обратное по смыслу на дальних.

«Ну вот, если я правильно помню карту, — думал я, последним проезжая перекрёсток, — то треть пути уже позади. Хорошо б поднажать, время-то тикает!»

Меж тем пейзажи «под сенью ветвей Древа Сбора» ощутимо отличались от уже приевшихся нашей компании: почти исчезла очевидная искусственность повторяющегося порядка, поляны стали встречаться реже и располагались всё дальше от дороги, тянувшейся теперь абсолютно прямо под сводами действительно древнего широколиственного леса, богатого на кустарники подлеска, сплошь увешанные зреющими ягодами. Возрадовались смене окружения не только мы, но и наши кошки: тени над дорогой стали гуще и глубже — монументальные буки, дубы и вязы, высившиеся справа и слева, распростёрли свои роскошные кроны и закрыли глубоко-изумрудной листвой едва ушедшее из зенита светило, даруя блаженную прохладу.

Меньше двух десятков минут радостной скачки отделяло нас от обеденного привала, на который мы устроились на первом встреченном нам месте, обустроенном всё так же чуть в стороне от дороги, у корней высоченного дерева с родничком поблизости. Но были и отличия: каменный круг кострища был пошире, а рядом корни выпирали из земли неполным квадратом из трёх длинных подобий лавок шириной в добрый метр.

«О! Повышение комфорта! — думал я, снимая сумки с Мрры и рассёдывая её, — Теперь понятно: раньше была зона влияния наверняка насквозь военизированного кла... э-э-э... Древа! Небось всё у них строго по вычурному Уставу светлоухих погранцов, каждый дуб на своём месте, а всяк спелый жёлудь учитывается и приходится каким-нибудь каптенармусом Модестиэлем лично, после же к разбазариванию строго запрещается!»

Не преминув поделиться к друзьям последней мыслью и выслушав их ответный хохот, я и моя кошка отошли к ручейку, вившемуся от источника по правую руку от стоянки. Мрра напилась и лениво отошла в совсем густую тень, а я, умывшись, вновь задумался: «А чего это мы раньше не удосужились поинтересоваться подробностями нашего пути:

административным делением там, особенностями локаций, что будут на пути, и прочим всяким? Едем такие, удивляемся, что нет никого и местности как под копирку! Конечно! Как иначе-то? Надо, что ли, карту ещё раз внимательнее глянуть, вдруг там чего умного написали, а не только красивое нарисовали».

Окрылённой новой идеей, я вернулся в лагерь из-за древесных стен корней, оберегавших воду, и увидел несколько странную картину: венценосные близнецы, жуя на ходу пеммикан, медленно ходили по пространству стоянки и очень пристально, внимательно рассматривали каждый метр под ногами и вокруг. Слегка опешив, я спросил:

— Что потеряли?

— Ничего... — несколько невнятно ответил определённо Костя.

— А что ищете? — всё ещё не понимал я.

— Что-нибудь! — с некоторым азартом ответила теперь Настя.

— Мало ли что! — добавил Костя, тщательно оглядывающий камни пустого кострища. — Местность для нас новая, весьма проходима, вдруг чё?

Из-за грани доносится повторяющийся перестук и мастерское чрезвычайно спокойное и увещательное: «Здесь “чё” не валяются, не лежит и даже не закопано белками на зиму».

— А-а-а! — понимая, протянул я. — Ну, с поисками вам, Даши-путешественницы, я помогать не буду. Лучше напомните мне: в котором тюке подробные карты?

Из-за грани вновь доносится негромкий перестук.

Простой вопрос мой породил немую сцену: друзья застыли, задумались, медленно выпрямились и уставились сначала друг на друга, а после трёх долгих секунд — на меня.

Несколько напряжённо сморгнув, я поднял правую бровь и спросил ещё раз:

— И-и-и? Кто отвечает, господа знатоки?

— Отвечает Таор, — тут же нашёлся Костя, а я буквально поперхнулся вздохом.

— Это ты ловко придумал, — совладав с крайней степенью удивления, почти перешедшего к своему нецензурному наименованию, смог сказать я. — Даже сразу и не поймёшь всего юмора... — помолчав, я продолжил: — Так понимаю, что подробные карты отменяются: из нас никто этим специально не озаботился, а от снабженцев много ждать не стоит — поход наш не то чтоб очень гласный, и заявка была самая общая. Что ж, за неимением...

— Ну ой! — синхронно развели руками Их Высочества и хором хихикнули.

— Охо-хо-хох... — показательно протяжно вздыхаю, сетуя: — Вам вот весело!

После молча достаю перекус себе и усаживаюсь на лавку-корень, оказавшуюся неожиданно чуть пружинящей — будто и не на дерево сел! Размеренно насыщаясь несомненно изумительным сухим пайком, чьи превосходный вкус и идеальный баланс мяса, ягод, жира и специй могли конкурировать лишь с его безупречной текстурой и выдающейся калорийностью, я вспоминал карту, обратившись к глубинам памяти Таора.

Из-за грани: «Стук-тук-тук... десять!»

«Н-да-а-а... — анализировал я вспоминаемые образы карт. — Что-то не густо. Нет, общие сведения имеются: до следующего перекрёстка будем скакать ещё три полных дня, а ещё через три должны добраться до моста через Реку Восхода, пока не очень широкую в тех местах. Перейдя мост, мы окажемся примерно в одном дне пути от имени сиятельной Алуринель, будь она здорова. Вроде всё просто».

Совершенно внезапно и достаточно неожиданно так всё и вышло — просто и незамысловато: после обеда мы собрались и порысили на наших кошках, к вечеру абсолютно

спокойно добравшись до следующей стоянки, почти копировавшей уже виденную, лишь родник звенел слева. Ужин и отчёты, дежурства и утро так же промелькнули стандартными рутинами. Как и весь следующий день, и ночь после него. Да и последующий, двадцать шестой мой день в этом мире, не баловал разнообразными событиями, но подарил множество часов приятнейшей скачки сквозь уже много более реалистичный лес.

Мост, некроз, пауки и внуки

В этой главе Светлый Лес являет Милость.

В день двадцать седьмой от моего вселения, и просто седьмой нашей скачки по Светлому лесу, чуть раньше полудня мы подъехали к новому перекрёстку. Покинув «сень ветвей Древа Сбора», наша команда въехала во владения Древа Возращивания, и пейзажи вновь изменились: подлесок густел и скрывал перспективу, древесные великаны стали и выше, и крупнее, и разнороднее — парочку встреченных чуть позже никто из нас так и не опознал: кора многоохватного исполина была весьма стандартной, а первые ветви начинались так высоко, что подробно листьев не могли рассмотреть даже наши зоркие очи. Кроме того, привычные привальные места теперь обзавелись ещё и неким подобием крыш, всё больше походя на комфортабельные гrotы, заботливо выращенные под корнями лесных колоссов.

Неизменными же оставались дорога, прямая, как струна, и спокойствие, что, казалось, возглавило наш малочисленный отряд ещё на три дня. Причём спокойствие это было совершенно нормальным, лишённым надоедливости или монотонности: находилось место и шуткам, и совершенно детским шалостям, замечалось всё возрастающее тихое изобилие растительной жизни, а ночные дежурства всё чаще будили во мне, да и в друзьях — я уверен — лирический настрой, сменяемый по утрам приятной деловитостью и бодрой осознанностью.

С теми самыми бодростью и умиротворением за два часа до полудня десятого дня в Лесу светлых наше трио подъехало к Реке Восхода, широким и бурным потоком несущей свои искристые воды с северо-востока на юго-запад. Путь ожидаемо привёл нас к мосту уже вполне привычной конструкции, лишь только увеличенной в размерах: две ивы-великанши высились справа и слева от дороги, сплетаясь сначала корнями, а выше и ветвями, образуя и настил, и перила. Вот только мост возвышался лишь на этом берегу, доставая ровно до середины потока.

На другом же берегу творилось форменное безобразие, увидев которое, мы натурально поперхнулись: я — вполне уместным возгласом: «Где мой мост?!», а близнецы, видимо, ответом: «У! Нету тваво моста!»

Оно и не мудрено — всего двести пятьдесят метров отделяло нас от фантазмагоричной и жуткой картины: правая ивовая громадина на той стороне высилась мёртвой дугой почерневшего и распадающегося дерева, лишённого не только листвы и многих веток, но и почти всей коры; точно так же чернели, умирали и распадались все остальные деревья и кусты к юго-западу от прямой дороги, ставшей границей, которую строго соблюдали все растения, отвратившись будто под сильнейшим ветром на северо-восток и застыв, как бы прыгнув в едином порыве прочь от невиданной доселе беды. Такова же была и левая ива-колосс — теперь она склоняла свой могучий ствол и длиннейшие ветви вдоль берега против течения, словно четверть моста взяли и повернули. Завершала двойственный до дрожи пейзаж цепочка светлых, начинающаяся с раскинувшего в стороны руки и замершего точно в середине начала дороги статного эльфа, и продолжающаяся Детьми Леса, стоящими в

аналогичных позах через каждый десяток метров. Бледно-жёлтые искры и линии струились меж ними, а зеленоватые сгустки и жгуты вылетали в сторону мертвенно чернеющего леса, лишь на секунды вызывая вспышки жизни, чью едва пробудившуюся зелень тут же иссушали неведомые силы.

Мы онемели. Замерли. И целых пять минут пялились вперёд с наверняка презабавнейшими выражениями лиц, на которых, я уверен, отразился весь путь мыслительного процесса: от удивления, через узнавание и анализ, к выводам и вариантам дальнейших действий.

Первым из нас окончательно собрался с мыслями Энн и заговорил несколько замедленно:

— Брат, сестра, прежде всего мы обязаны доложить Владыке всё увиденное максимально подробно, — озвучил он вполне очевидный первый шаг. — Представшее пред нами вовсе не похоже ни на одно известное мне проявление Бездны.

— Как и мне, — хором ответили мы с Эной.

— Основной отчёт я возьму на себя, — продолжил тёмный принц. — Вас же попрошу внимательно осмотреть окрестности, а после дополнить моё виденье.

Дождавшись нашего с сестрой ответного кивка, Его Высочество, не покидая седла, достал связь-камень, активировал его парой пассов и застрочил специальным стилосом с невероятной скоростью.

Её Высочество и я разъехались в стороны, зорко оглядывая сначала берег «под сенью ветвей Древа Возращения» и не находя ничего примечательного, после же вновь обращая наши взоры на разделённый надвое берег «под сенью ветвей Древа Власти».

«Н-да-а-а, — думалось мне, пока я смотрел на колдующих с мерностью автоматов светлых. — Вот вам и кризис воочию. И гордые Дети Леса во всей красе. Теперь многое становится понятнее, кроме одного: как приверженность традициям полной самостоятельности и закрытости возобладала над разумом? Почему Правитель Светлого Леса стал выплетать многоходовку со свадьбой своей дочери и моего отца-по-закону, вместо прямой просьбы о помощи “доброего соседа”? — спрашивал я сам себя, недоумевая. — Логика где? Не понимаю... Абзац же полный, а светлоухие его только сдерживают!»

Из глубин сознания донеслось удивлённо-согласное ворчание Таора: «Похоже, Дети Леса совсем одеревенели и замшели в своей самости, это да. Однако, — тут же несколько сменил он тон, — Правителю в некой логике всё же не откажешь: своим несколько парадоксальным решением он сбалансировал общенародную гордость светлых и очевидную потребность в помощи. На сдерживание-то им сил вроде как хватает. Вон — стоят, колдуют».

«Да, пожалуй, что так, — согласился я с полудемоном. — А где-то лучшие умы строят теории, проверяют их доступной практикой и ищут, ищут, ищут действенный способ борьбы с этим некрозом».

Произнеся мысленно последнее слово, я замер и, вооружившись новой точной формулировкой, всмотрелся в лесной массив, отсечённый цепочкой заклинателей и лентой реки, понемногу забирающей налево в своём течении. И тут же мой взгляд зацепился за мирно зеленеющий на мелководье полого спускающегося пляжика некий куст и ещё парочку дальше. А совсем вдалеке похожее место сплошь заросло камышом, не приближающимся, впрочем, к краю воды и береговым, поражённым деревьям.

«Вот, на лицо некротическая энергия, преградой которой неплохо служит текучая,

“живая”, стал быть, вода, — сделал я первый вывод, которым и ограничился, сразу же накидав ещё вопросов: — Что же это такое, что породило вот эдакое вот масштабное? И почему бы светлоухим не прорыть канал вместо дороги?»

Но ответам было суждено родиться позднее — Энн закончил свой отчёт, Эна дописала пару строк от себя, и они позвали меня. Внимательно прочитав краткий и ёмкий опус брата с исчерпывающими дополнениями сестры, я дописал лишь пару незначительных ремарок и активировал отправку сообщения. После, вернув камень связи принцу, спросил:

— Итак, брат мой, каков наш следующий шаг?

— Мост, — лаконично ответил он, подъезжая поближе к краю берега слева от ивового полумоста.

— Анжинерной работы? — не мог не спросить я, также приближаясь к обрывистому берегу, возвышавшемуся над перекатывающейся гладью реки на добрый пяток метров.

— Из хрусталу?! — вопросительно-радостно поддержала мою цитату Анаис, помогая скинуть общее напряжение, несколько сковавшее нашу команду от увиденного.

— Нет и нет, — ответил Костя. — Просто каменный — из того, что есть подо дном реки. И обычный, без инженерии — буду поднимать опоры с простым настилом по мере нашего продвижения.

— Тогда предлагаю дополнение, — тут же взялся я развивать идею: — Поднимай только опоры — широкие и с шершавым верхом. Лучше с округлыми очертаниями — чтоб снизить сопротивление потока. По этим «столбикам» наши пантеры на ура проскачут. Полтора десятка метров — вообще не вопрос для этих красавиц и красавца! Да, моя хорошая? — ласково я потрепал Мрру за ушами.

— А разумно! — покивал, соглашаясь, Константин и замолчал, сосредотачиваясь.

Из-за грани доносится негромкий перестук.

Проведя с минуту в глубокой задумчивости, венценосный тёмный эльф, будто рисуясь, вздёрнул подбородок, расправил плечи, поднял руки в горизонт, встряхнул кистями, и тут же пальцы его замелькали с грациозной частотой, словно над многоуровневой клавиатурой, а губы принялись складывать из щелчков, постукиваний и грохотаний невоспроизводимый речитатив. От коего, начиная от лап Кссы, стала изменяться твердь обрыва, выдаваясь вперёд и широкой лентой по пологой дуге параболы спускаясь к самой поверхности воды чуть дальше узкой полоски каменистого берега, где уже поднимался круглый столб внушительного диаметра из неясно-серого камня, ставший первым из череды ещё пятнадцати идентичных, поднимающихся один за другим в ритмичной неспешности.

Спустя ещё полминуты прыжковая переправа с разгонным трамплином была готова.

— Ты это всё накодил, что ли? — удивлённо спросил я Костю, с высоты седла обозревающего своё творение.

— Ага, — довольно откликнулся тот. — Мы с Энном уже давно внедрили в местную магию принципы объектно-ориентированного программирования. Теперь такого можем наворотить — ух! А уж мост-то такой — вообще плёвое дело!

— Круто, коли так! — поспешил откликнуться я. — А теперь будь так добр и подай пример практического использования, так сказать — обнови переправу, Твоё Высочество! — пригласительно махнул я рукой вперёд через реку.

Ничтоже сумняшеся, брат пригибается к холке своей пантеры, подбирает вожжи и пускает Кссу с места в карьер. С ускорением спустившись, буквально пролетев, мощный зверь оказывается в самом низу дуги, будто замирает, сжавшись в сгусток энергичной живой

тмы, и тут же выстреливает собой вперёд и вверх от первой опоры, чёрным и стремительным росчерком проносясь над опорой второй и приземляясь на третью лишь на миг, чтобы тут же прыгнуть дальше.

Не мешкали и мы с Эной, пустив Кшша и Мрру вдогонку с небольшим интервалом.

Не прошло и минуты, как наша троица собралась у ещё живой ивы на левом берегу Реки Восхода, на самой границе дороги и леса, за спиной светлоэльфийского мага, вовсе не отреагировавшего на наше появление.

В который раз за это всё никак не заканчивающееся утро мы замерли, бдительно оглядываясь и готовясь буквально ко всему сразу. Но не происходило ровным счётом ничего, относящегося к нам: маги стояли почти недвижно, лишь слегка шевеля пальцами и мелодично прищёптывая, силы чар Света и Жизни струились, порождая отчётливые гармоничные мотивы своими вибрациями, издалека доносилось редкое птичье пение.

— Народ, — начал я почти неслышным шёпотом, — а может, мы уже поедем? Тихохонько-тихохонько так, а?

Медленно покивав в знак согласия, близнецы тронули пантер, и мы пошли тихим шагом, двигаясь гуськом по самому краю дороги, как можно дальше от колдующих, стоящих длиннокосыми столбами каждый десяток метров.

«Не знаю почему, но зрелище жутковатое, — думал я, невольно заглядываясь на цепочку светлых, теряющуюся вдаль. — Надеюсь их сменяют, и они не стоят здесь насмерть, до полного истощения. Бр-р-р! Ещё и лес этот — с одной стороны зачёсан налево, а с другой вообще мёртвый. Ох!»

Время ползло, пантеры шагали, мы бдили, магия гудела, Дети Света шептали. И я всё больше ощущал себя героем какого-то артхауса.

«Так, считать их бесполезно — засну! — попытался я скинуть исподволь наползающий транс. — А вот просто присмотреться стоит, — окинул я взглядом очередную фигуру в зелёной с жёлтыми вставками мантии, раскинувшую руки в широких рукавах. — Вот, кажись одиннадцать фигур назад была такая же богато расшитая одежда. Значит, работают они дюжинами, — сделал я вывод и тут же “похвалил” себя: — Ценные сведения, а то как же! Молодец!»

Четыре десятка медленных минут спустя, наше почти крадущееся трио подъехало к месту стоянки по левую сторону от дороги. И было то место вполне типично своим устройством: грот под высоко поднятыми корнями дуба-великана с удобными «лавками» и оборудованным кострищем, но нетипично своими размерами — на первый взгляд там могло разместиться до пяти дюжин разумных. А перед вторым взглядом предстала фигура весьма высокого светлого эльфа, который появился, будто соткавшись из теней. Одет незнакомец был в комплект, весьма напоминающий мне хорошо знакомое обмундирование стража Дома Владык, отличающийся, конечно же, цветами: по тёмному изумруду в строгом порядке раскинулся паутинный узор глубоко-жёлтого янтаря.

Выйдя нам на встречу ровно к центру стоянки, светлый глубоко поклонился и спокойно, размеренно промолвил, обратившись к нам на чистейшем тёмном наречии:

— Рад видеть Вас, Ваше Высочество мастер Энн, третий своего имени, — ещё один чёткий поклон брату. — Рад видеть Вас, Ваше Высочество Эна, принцесса Подземья и Тени Великих Гор, — изящно поклонился светлоэльфийский офицер сестре. — Рад видеть тебя, Таор, сын-по-закону Владыки Эрра, Первого своего имени, — мне же достался почтительный полупоклон, полный меж тем уважительного отношения. — Я —

Арайгниэль, — продолжал сын Леса, — старший страж из средней ветви Древа Паутин. Повелением Правителя Светлого Леса, Светлейшего Эмпириэля, двенадцатого своего имени ваш сопровождающий под сенью ветвей Древа Власти. Прошу вас с пониманием отнестись к столь скромной встрече.

— Рад видеть тебя, о старший страж Арайгниэль, — взял слово тёмноэльфиский принц, милостиво наклонив на миг венценосную голову. — Мы всецело пониманием и принимаем по обыкновению законные и разумные действия Светлейшего Эмпириэля. Путь наш лежит в имение Первой его дочери, сиятельной Алуринель, нашей будущей матери-по-закону.

— О том мне известно, — ловко вклинился в паузу светлый, чуть склонив голову. — Туриэль из Древа Пограничья подробно отразил ваши надобности в своём отчёте.

«Как и многое другое», — буквально послышалось от замолчавшего стража.

— Засим, о старший страж Арайгниэль, — продолжил Энн, — будьте добры способствовать скорейшему исполнению просьб Её Высочества Алуринель.

— Всенепременно, о Ваше Высочество, — вновь отвесил традиционный поклон эльф-страж и продолжил: — Коль время не терпит, то предлагаю немедля тронуться в путь. Милостью Светлого Леса мы прибудем к имению Её Высочества к вечерней заре, — не совсем понятно завершил он.

Наше Высочество, Энн третий, кивком согласился с предложением, как и мы с Эной. Новоявленный сопровождающий неясным цокающим звуком подозвал свою серую во всех смыслах лошадку, стоявшую неподалёку, вспорхнул в седло, не касаясь стремян, и, указав рукой вдоль дороги, с лёгким поклоном промолвил:

— Прошу, — он тронул пятками бока своей лошади, пуская ту неспешным шагом.

Скакуны набирали ход, всё ускоряясь и сменяя аллюр за аллюром, а я, слегка поворошив память Таора, задумался: «Н-да, особиста по наши души прислали — наконец-то! Чай, когда шутком приехал — так больше часа сразу по приезду общался с похожим, только из старшей ветви Древа Паутин. Ох и въедливо-вежливо он меня тогда мурыжил! Этот полаконичнее будет. Хотя — и обстоятельства сейчас совсем иные. Кстати, обо всяком — что это за “Милость Светлого Леса” такая, что позволит почти вдвое сократить путь?»

Стоило мне так подумать, как я осознал, что и мышастая кобыла стража, и наши чёрные звери мчатся не просто галопом, а буквально молниеносно: лес слева и маги справа смазались и слились в некое подобие стенок тоннеля, картину которого искажали текучие, прозрачно-стеклистые струи воздуха, обрамлявшие нашу кавалькаду, как я убедился ещё чуть позже, и сверху.

«О! — подумал я, немало удивляясь, — а вот и она! А хороша “Милость” — эдакий аналог гиперускорения с, вероятно, сложением однотипного пространства. Почти телепорт, даже нет нужды искать Питера и просить сверхскоростного лося. Молодцы светлые».

«Мы, тёмные, не хуже, — несколько обиженно буркнул Таор из глубин сознания. — У брата с собой вообще камень-маяк, по которому сюда телепортом — настоящим! — могу перекинуть до сотни разумных! А тут просто ускорились в два раз...»

«Да, ускорились. Просто ускорились. Звери вон идут галопом и не устают, пространство куда-то девается. И всё силами одного светлоухого, — ответил я, чуть вредничая, а после тут же переключился, предположив: — Слушай, а может, Древо Паутин так называется не потому, что они весь лес опутали следящими нитями и вообще каждый из них тот ещё паук, бдящий за безопасностью, а потому, что они вот так перемещаются — типа на паутинках: вон они текут-стелются вокруг?»

«Хм, — задумался полудемон. — Кажется, в этом есть некий смысл...»

Так мы и ехали, коротая время в дружеских разговорах и внимательно поглядывая на творящуюся вокруг магию, не спешившую, правда, открывать нам свою суть. Время текло, движение теней в нашем «тоннеле» не замечалось, и даже внутренние часы сбились. Одно лишь чувство голода оставалось верным мерилем, сообщая, что обед давно прошёл, и толкая руку всё ближе к тючку с запасами. Погрызая внушительную плитку пеммикана, я возрадовался: «Слава Тьме, что светлый предложил сразу тронуться в путь. А ведь мог предложить разделить “дневную трапезу на лоне природы”, обременённую сотней условностей и десятком ложек-вилочек-ножей! Или они у него просто не с собой? Вот и скачем в имение, чтоб уж там, в полном соответствии с этикетом и протоколом! Ох...»

«Да нет, — вновь включился Таор, — я так думаю, что в виду чрезвычайной ситуации церемониал подсократили. Опять же — мы теперь не просто “добрые соседи”, а почти родственники».

«Как будто это что-то меняет, — мысленно вздохнул я. — Думаешь, Светлейшего Повелителя меньше тиранят с условностями? — и тут я ошутимо вздрогнул и чуть не завопил вслух: — Мать моя Тьма! Мы ж после свадьбы отца и Алуригель будем внуками-по закону Эмпириэля!»

«А ведь да...» — так же потрясенно протянул тёмноэльфийский полудемон и затих.

Замолчал и я, сыто предавшись исключительно процессу скачки и всё больше погружаясь в подобие транса.

Поющие одуванчики

В этой главе присутствует светлоэльфийское гостеприимство.

Стеклито-текучий тоннель наша кавалькада покинула точно на закате — будто по сигналу скакуны постепенно замедлили бег, струившиеся вокруг до того нити поблекли и пропали, вновь по левую руку соткался лес, выглядящий уже почти привычно — без сильного наклона прочь от дороги. По правую же руку от нас, уже остановившихся и оглядывающихся, открылась ожидаемая картина: по-над широкой поляной раскинул свои многочисленные ветви огромный дуб со стволом во множество обхватов, что одновременно являлся классическим домом знатных светлых эльфов. Будто природные овалы оконных проёмов в изящных наплывах коры, стройными рядами уходящие на много этажей вверх, и центральный проход, высившийся полукруглой аркой и забраный ниспадающими, обманчиво мягкими на вид побегам, смотрелись абсолютно органично в теле лесного великана. Не менее ожидаемо увидели мы и цепь Детей Леса, стоящих немного за краем поляны и оберегающих ещё и невысокую зелёную изгородь из мерцающего мягкими малахитовыми искрами необычного кустарника, который обегал все границы и подходил к самой дороге, обрамляя съезд.

Подъезжая ближе в едва начавших сгущаться сумерках, я всё же успел отметить отличное состояние древо-дома и решить: «Пожалуй, рвануло не отсюда. И хорошо — не придётся записи Алуринель разыскивать посередь распадающегося дерева».

Меж тем нас встречали, и резво спешившийся Арайгниэль уже отдавал поводья проворно подбежавшему юнцу с короткой косицей, ещё троица похожих почтительно и нерешительно стояла поодаль. Отстегнувшись и спрыгивая с седла, я шепнул Мрре строго: «Не шали!» и так же сдал скакуна юному конюху, ставшему внезапно котюхом. Чуть раньше меня — и как они успели? — аналогичное проделали близнецы, вновь включив свою синхронность. Четвёртым встречающим был невероятно осанисто стоящий на самом пороге дома-дерева светлый эльф, щеголявший в укороченном камзоле и строгих брюках цветов ранней листвы и первых одуванчиков, сплетавшихся в узорах растительных мотивов. Стоило нам подойти чуть ближе, как он не замедлил совершить поясной поклон, коснувшись правой рукой земли и сохраняя при этом абсолютно прямую спину, а выпрямившись, сказать на языке Подземья:

— Рад видеть и приветствовать Вас, Ваше Высочество мастер Энн, третий моего имени, Наследник Владыки Подземья и Тени Великих Гор Эрра, Первого моего имени, — на одном дыхании выдал сын Леса мягким, ровным и отлично поставленным голосом.

И я тут же отключил внимание, ибо сил пристально следить за этикетом и церемониалом не было решительно никаких.

«Пусть вон Таор отдувается! — думалось мне, пока шёл протокольный обмен радостями и наклонами голов. — Запомню, что перед нами Гуиндиэль из младшей ветви Древа Власти, являющийся Хранителем Имени, и будет!»

По завершении встречи Арайгниэль будто испарился, скрывшись в вечерних тенях, щедро даруемых и проснувшимися светлячками, и замерцавшими окнам. Наше же трио

взялся сопровождать Гуиндиэль лично, проведя сквозь услужливо распахнувшиеся побеги входа через несколько сумрачный холл, упирившийся в роскошную винтовую лестницу, что спиралью из ажурных ступеней и перил устремлялась вверх. Поднявший вслед за Хранителем на третий этаж и миновав небольшой коридор, мы оказались около проёма, так же забранного вертикально спадающими ветвями, что раздались в стороны при нашем приближении. Вновь отвесив уважительный поклон, светлоэльфийский дворецкий сделал приглашающий жест, исполненный грациозного достоинства:

— Прошу вас, о Дети Тьмы из Древнейшего Дома, — несколько неожиданно поименовал светлый всю нашу компанию разом. — Эти покои в полном вашем распоряжении: общий зал и комнаты с удобствами для каждого. Ваши вещи будут доставлены с минуты на минуту, лёгкие закуски уже на столе, полный ужин будет подан через половину часа. По любому вопросу в любое время достаточно обратиться ко мне вслух по имени — я услышу вас и тут же сделаю всё возможное для скорейшего его разрешения. Засим не смею более обременять вас своим присутствием и желаю приятного отдыха, — завершив свою тираду новым поклоном, Гуиндиэль выпрямился и степенно удалился.

Мы же с братом и сестрой переглянулись и зашли в предоставленные комнаты. Первая, как и виделось в проёме, была идеально круглой с круглым же столом в центре, окружённым четырьмя стульями, двери в три других вместе с входной делили круг общего зала на четыре части и несли в проёмах уже знакомые занавеси из ветвей, округлыми листьями надёжно скрывавшие убранство, по-видимому, спален. Ну и конечно же не только занавеси были древесными — из этого материала было всё вокруг, причём по светлоэльфийскому обыкновению оно оставалось живым: даже стулья с подушками мягкого мха зеленели декоративной листвой поверх спинок.

Не медля ни секунды, мы разошлись по спальням — нас манили ванны, которые просто обязаны же здесь быть! Ну, хотя бы душ!

И да — занавеси прошелестели, жёлто-зелёное убранство овальной спальни без окон мелькнуло мимо сознания, и за очередной ветвистой дверкой обнаружился совмещённый санузел в лучших традициях Детей Леса. Ожидаемо всё вокруг было деревянным: невероятна светлая, почти белая порода с едва зеленоватыми прожилками формировала и круглую раковину прямо по курсу, и анатомически удобный унитаз справа, и широкую округлую ванну слева, единую с полом и возвышающуюся за перегородкой из — естественно! — бодро зеленеющих ветвей. Не менее светлые стены чуть сияли под мягким желтоватым светом, испускаемым буквально всем сводчатым потолком сразу, зрительно расширяя пространство. Мелодично, на грани слуха журчал водопадик, спадающий в раковину под очень необычным зеркалом — отражающая гладь была собрана из идеально подогнанных друг к другу небольших прямоугольников.

Вылипнув из созерцания своего отражения в мозаике из, пожалуй, чьих-то надкрылий, я продолжил раздеваться, с радостью отметив, что на стене висят не только два полотенца густящего ворса, но и долгополый халат — причём всё было непроницаемо чёрным.

«Вот это, я понимаю, сервис, — думал я, забираясь в ванную и настраивая под себя все шесть побегов, свисающих с потолка и несущих распылители, невероятно похожие на коробочки лотосов. — Вот именно такими мелочами и формируется образ заботливого хозяина, принимающего дорогих гостей. Если ещё и ужин будет в традициях тёмных, то этот Гуиндиэль в моих глазах станет одним из лучших светлых, — мечтал я, с любопытством разглядывая ряды баночек в стенной нише, сгруппированных на четырёх полках, несущих

знаки сезонов. — Так, ну раз сейчас лето, — выбирал я, — значит, вторая полка, ну-ка, — открыл я деревянную небольшую ёмкость жёлтого цвета с надписью: “Мыло вечернее” на боку и поразился густоте аромата: — М-м-м! Липа! А тут что? — я открыл “шампунь ночной”. — О-о-о! Лаванда...»

Цветочное благоухание вмиг отключило связное мышление и оставило лишь наслаждение полным омовением в потоках воды идеальной температуры, оставляющей после себя лишь незабываемое спокойствие и мягкую расслабленность. Кажется, я даже голосил во всю мощь полудемонских лёгких «Summertime», но тут память меня несколько подводит, будто стесняясь.

Выбрался из душа я спустя лишь сорок долгих, но показавшихся очень короткими, минут. Плюнув на этикет с высокой скалы (за неимением в этом мире колоколен, минаретов, гопурам и пожарных каланчей), я наскоро высушил волосы, что тут же сделали пушистую стойку вокруг головы и уподобили меня жутковатому одуванчику, и в одном халате на босо тело вышел к ужину.

В центральную комнату мы с близнецами вошли одновременно: видать, не только меня пленили комфорт и ароматы. Причём оба Высочества так же щеголяли в халатах, а у Эны ещё и красовался на голове умело намотанный колоссальный тюрбан. Глянув на меня, брат и сестра сначала асинхронно хихикнули, а после в голос заржали, вторя друг другу теряющимся в смехе возгласом:

— Адский одуван!

— Так, — едва сдерживаясь, чтоб не начать хихикать самому, сказал я. — Ржущие останутся без эксклюзивной сушки хаера и лягут спать с мокрыми косами! — отчаянно пытался я добавить в голос если не строгости, то хотя бы серьёзности.

— Хех, — слегка успокоилась Анаис. — А шо? Косплеить одуванов — так всем разом. Правда, моя белизна не конкурент твоему алому, Сандр, не так inferнально получится, — с этими словами она стянула полотенце с головы и подошла ко мне. — Жги! Э, не, в смысле — суши. Жечь не надо.

Следом подошёл и всё ещё дробно хихикающий Костя. Сосредоточившись за пару вдохов, я пустил наименьшее из возможного количество сил огня в ладони и аккуратно провёл ими по влажным волосам брата и сестры, бережно их высушивая. Где-то в самой глубине души всколыхнулись детские воспоминание Таора, добавившие светлых тонов в и без того благодушное настроение.

Из-за грани доносится негромкий перестук.

Стоило мне на кратчайший миг предаться памяти, как самоконтроль чуть сбойнул, нежность едва качнула Источник, руки дрогнули, и шевелюры тёмноэльфийских близнецов встали дыбом, за мгновение сформировав два пушистейших кипенно-белых шара вокруг вытягивающихся густо-фиолетовых прекрасных юных лиц.

Через секунду немая пауза была вновь взорвана хохотом — на этот раз мы грянули втроём.

Проржавшись и просмеявшись, но всё ещё хихикая, наша троица сумела-таки сосредоточить свои взоры на столе. А там, будто отвечая моей надежде, высилось блюдо золотящихся корочкой некрупных рыбин, окружённое соусниками. Дополняли аппетитный натюрморт привычный хлеб, виртуозно нарезанные овощи и тройки кувшинов и кубков. Несколько непривычно среди тёмноэльфийской трапезы смотрелись многочисленные вилки, ложки и ножи, сервированные точно по традициям эльфов светлых.

Хором возрадовавшись: «Ры-ы-ыба!»), наша команда голодных одуванчиков в составе одного красного и двух царственных-белых (близнецы как-то незаметно успели вернуть диадемы на положенные места, что добавило нотку пафоса в окружающий сюр) дружно уселась и, не менее дружно презрев большую часть приборов, накинулась на еду.

«М-м-м! Не булья, конечно, и не пряженная, а просто жареная, — несколько снобски думал я, залихватски хрустя плавниками наперегонки с братом и сестрой. — И не нашего Илла приготовления, но! Хороша рыбонька! И, да, — вспомнил я свои недавние мысли, — товарищ дворецкий Гуиндиэль заслужил мою безмерную благодарность, равно как и местный повар».

Расправившись с основным блюдом за едва ли четверть часа, мы дружно усталились на стоящий несколько дальше от центра стола — у самого края напротив четвёртого стула — и потому и не замеченный небольшой прямоугольный поднос из вездесущего дерева. На нём возвышались три кучки (в каждой по три штучки) изящно украшенных невероятно красивыми кремовыми цветами рулетиков с идеально гармоничными завитками многослойных разноцветных спиралей, видимых на срезах. Вероятно — десерт. А ещё из-под сервировочной древесины выглядывал лист, и даже не зелёный, а чуть желтоватый, пергаментный. Был он сложен вдвое.

— Так, — внезапно сказал Костя, — Что тут ещё, кроме рыбов, показывают? Десерт? Дайте-ка я его поближе посмотрю.

— Бери, конечно, — пододвинул я к нему поднос, забирая оригинально доставленное послание. — Только будь осторожнее — в светлоэльфийской кухне внешняя форма далеко не всегда может соответствовать содержанию. Вот видим типа пирожное, а там вполне могут быть овощи, грибы и рыба — эдакий салат. Да ещё и послевкусия с психоэффектами... Ну да я вам рассказывал! — резюмировал я, углубляясь в витиеватые строки с пространными речами, обращёнными к нам всем троим, как следовало из многострочного приветствия.

— А я попробую, — убеждённо сказал Константин и притянул яство поближе.

— И я, — не менее решительно поддержала Настя.

Пока друзья вникали в нюансы кулинарии Светлого Леса, я пробрался через все славословия и эпитеты обнаруженной эпистолы, что сводилась к просьбе Арайгниэля о совместной трапезе ныне вечером или завтра поутру, когда «уважаемым Детям Тьмы из Древнейшего Дома будет наиболее предпочтительно». Дочитав, я обратился к близнецам, которые внезапно приняли невероятно чопорные позы и поедали кушанье с аккуратностью аристократов в надцатом поколении, коими, в общем-то, и являлись:

— Так, братцы-сестрицы, — помахал я листом послания в сторону рулетиков, — пара фактов: это закуски, рекомендованные Гуиндиэлем, а вовсе не десерт, а это, — вновь взмахнул я листом, — просьба нашего сопровождающего о совместной трапезе. Так как всё это мы обнаружили только сейчас, то нам светит завтрак по всей строгости этикета. Хоть бы и на него подали наши, тёмные блюда, — мечтательно закончил я.

— О брат мой, не стоит ворчать, — неожиданно мелодично сказала сестра, всё ещё пребывающая в образе пафосно трапезничающего царственного одуванчика с чернющим стеблем. — Ведь кухня у светлых изыскана-а и хороша-а-а! — уже буквально пропела принцесса потрясающим сопрано.

— А-а, а-аа! — в терцию подпел брат баритоном.

Осёкся. Подчёркнуто медленно отложил приборы и так же медленно отодвинул тарелку с почти доеденным рулетиком.

— А зря-я-а, а зря-а-а, — вновь пропела Её Высочество. — Рулет сей нежен паштетом грибным и чьей-то печению вку-у-усен, — на это строчке мы с Его Высочеством недоуменно переглянулись, а Настя (или Эна?) продолжила: — Украшен он кремом солёным густы-ы-ым и исполнением на диво иску-у-усен.

Пропев эту строчку, сестра вновь зачерпнула светлоэльфийского изыска и сосредоточилась на вкусе, чуть прикрыв глаза в явном удовольствии.

Проморгавшись и даже немного потряся головой, я озарился пониманием, о чём тут же и поведал:

— Я всё понял! Это закуска для усталых путников перед омовением: съел и под душ — петь приятным голосом, попутно сочиняя стихи по акыньюму принципу! Что увидел — о том спел!

— Похоже на то-о, похоже на то-о, — ритмичным рефреном выдал тёмный принц и отчётливо хихикнул, не теряя при этом мелодии.

Что и послужило спусковым крючком: всё наше трио просто-таки грохнуло, растворяя в мелодичном (и не очень) смехе все остатки напряжения, державшего нас весь этот долгий день — от самой переправы, где мы впервые столкнулись с мрачностью некроза. Но сейчас — в комфорте, сытости и радости среди близких разумных — все жуткие образы померкли.

Устав гоготать первым, я несколько собрался и произнес:

— Представляю, как это всё будет смотреться в ежевечернем отчёте Владыки, — тут я преувеличенно строго посмотрел на Их Высочеств, — о котором вы, конечно же, не забыли.

— О нет, о нет, о нет, о не-э-эт! — всё ещё певуче, на манер оперного хора в классической драме, ответили близнецы.

— Так, дамы и господа, — показательно схватился я за голову. — Этот абсурд меня почти доконал. Я к себе в комнату — люблю писать в тишине, а вы тут пойте на здоровье дуэтом, одуваны вы мои коронованные.

С последними словами я отошёл к тюкам поклажи, уже давно доставленным и аккуратно сложенным поодаль от входа компактными горками, достал связь-камень и пошёл в спальню, левую от входа. В спину мне доносилось что-то невероятно знакомое мелодией, но слов я не стал дожидаться: понял, что останусь и буду тоже петь, а лучше б не надо — не с моим голосом.

Ещё в первый раз, пролетая через спальню в ванную, я успел отметить наличие не только роскошного ложа под — конечно же! — зелёным балдахинном и одёжного шкафа, но и небольшого столика с приставленным табуретом у изголовья кровати. Зайдя и не преминув подивиться на мебель, буквально вырастающую из пола, и возрадоваться, что хоть табурет движим без магии, я поставил его поудобнее, положил на стол камень связи и сосредоточился перед актом бюрократии. Краем сознания отметил, что из-за двери не доноситься ни звука — столь хороша была непроницаемость обманчиво тонких веточек-листочков.

«Слава Тьме, — думал я, укладывая увиденное в лаконичность крайне осмысленных фраз, — что сейчас всего полдня описать надо. Да и напроисходило-то на самом деле не так уж и много...»

Много ли мало ли, а добрая треть часа ушла на мой опус, завершив который я активировал отправку и, захватив артефакт связи, вышел в общий зал, уже, кажется, переставший быть концертным для монаршего дуэта.

Так и было: брат и сестра не только уже не пели, но и сосредоточенно приводили в

порядок свои белые гривы, орудуя личными гребнями. Лидировала Эна. Полубовавшись на Их Высочеств, обретавших привычный вид, я сказал:

— Собственно, я всё: написал, отправил, — с этими словами я положил связь-камень на стол и добавил: — Читайте, дополняйте, — а после обратился к тёмному принцу: — Брат мой, мне думается, что стоит озвучить просьбу Гуиндиэлю передать наше согласие на завтрак с Арайгниэлем. Ну или как-то так.

— Да, брат мой, — согласился Энн и сказал в пространство, сделав голос немного громче и глубже: — О Хранитель Имения Гуиндиэль, будь добр передать наше согласие старшему стражу Арайгниэлю на завтрашнюю совместную утреннюю трапезу.

— Будет исполнено, Ваше Высочество, — тут же прозвучал мягкий и, пожалуй, деликатный голос от самой входной арки, полвдоха спустя добавивший: — Позвольте порекомендовать малую восточную трапезную — она чудесна в утреннем свете.

Мы все переглянулись и молчаливо покивали: малая — так малая.

— Да, мы согласны, — ответил за всех принц.

— Будет исполнено, Ваше Высочество, — вновь прозвучало от дверей. — Я пришлю сопровождающего в начале девятого часа пополудни, — чуть помолчав, голос почтительно закончил: — Желаю приятного отдыха.

Этому чудесному пожеланию я и поспешил последовать: пожелав спокойной ночи близнецам, я снова ушёл в свою спальню, где без промедления растянулся на невероятно удобной кровати и вырубился, едва прикрыв глаза.

Вполне ожидаемо проснулся я около шести утра и был при этом сразу же полон бодрости и сил. Приведя себя в порядок в насквозь деревянном санузле и добавив жизнерадостности омовением с «мылом утренним», отчётливо пахнувшим мятой и мелиссой, я вышел в общий зал — за сменной одеждой. Да и вчерашнюю стоило сдать в стирку, буде таковая здесь имеется. Повозившись с пожитками, я наконец осознал, что глубокий и едва сладковатый аромат, разносящийся по комнате, мне не мерещится, а есть на самом деле. И да — на столе, ровно в центре, стояла небольшая каменная подставка, и на ней возвышался светлого металла своеобразный кувшин с длинным и узким носиком, исходящим паром и запахом свежесваренного ко.

«О слава всем! — подумал я, плюхаясь в одних штанах и тунике на стул. — Бодрое утро, ко и одиночество — что может быть лучше? — сделав пару глотков напитка, я поразился невероятно интересному оттенку вкуса. — М! Медово-цветочные ноты — такие мягкие и округлые! Будто свежего одуванчикового цвета положили щедрой рукой, — хихикнув, подумал я и переключился с весёлого прошлого на мало определённое пока будущее: — Так, после зарядки стоит одеться попрезентабельней, чай завтрак в “малой восточной трапезной” требует соответствовать. Надеюсь, Арайгниэль не станет чинить нам препятствий в посещении комнат Алуринель. Осталось продумать, как нам в зону некроза пробраться. Я вот прям чую, что надо глянуть на эпицентр».

Загрузившись последней мыслью и оставив кружку с ко, я принялся за привычную зарядку — благо размеры залы позволяли: с дюжину метров в диаметре та была точно. На третьем круге моей разминочной пробежки из своей спальни появилась сестра, тут же направившаяся к столу. Проговорив слегка неразборчиво: «Доброго утра», она, даже не присев, налила себе полную кружку бодрящего напитка и задумалась, цедя ко мелкими и частыми глотками. На шестом моём круге появился брат, чьё слегка смурное лицо быстро обрело привычно-нейтральное, а чуть позже и заметно воодушевлённое выражение, стоило

тёмному принцу приложиться к своей кружке.

Наматывая круги вдоль стен и поглядывая на близнецов, я размышлял: «Ага, знакомый эффект: “первый утренний ко” — пробуждает, вселяет бодрую радость и проясняет мышление до хрустальной прозрачности — чёткой и гранёной».

— Доброго утра, братья и сестры, — сказал я, остановившись после двадцатого круга. — В качестве утренней разминки мозга предлагаю поразмыслить над тем, что мы станем говорить и делать, если нас не пропустят в зону некроза.

— Сразу два вопроса, — тут же включилась в разговор Её Высочество, оставившая кружку. — А нам туда надо? И с чего бы это нас, — сделала она ударение на последнем слове, — туда не пропустят?

Задавая вопросы, Эна встала было в позицию высокого старта, да призадумалась на пару вдохов, после чего выдала:

— Так, первый вопрос снимается — нам туда действительно надо.

— Именно! — поддержал Энн, встающий рядом. — Тому имеется множество причин.

— Но второй всё равно остаётся, — продолжила сестра. — Нас разве что Светлейший Эмпириэль да его Второй Сын, Сиятельный Сенйориэль, могут куда-то не пропустить.

— Кстати, да, — согласился я, приступая к банальным, но вовек актуальным отжиманиям. — У нас же с собой пергамент от Первой Дочери Светлейшего, в котором, как я помню, формулировки достаточно расплывчатые, — проговорил я и замолк, напрягая память и руки.

Всё оставшееся время зарядки мы провели молча, думая каждый о своём. Я вот несколько корил себя за то, что некоторые важные документы стоит внимательно читать сразу по получении, а не просто окидывать взглядом, бегло знакомясь с содержанием.

Первым закончив экзерсисы и первым же освежившись и переодевшись поофициальнее, я достал всю стопку пергаментов, пригодившуюся лишь однажды, и стал внимательно вчитываться в многословное послание Её Высочества, адресованное «Детям Света и Леса».

«Так-так-так, — вникал я в витийствования пера Алурипель, — вот, отлично: “оказывать всякое споспешествование” и “не чинить никаких препятствий”! Не как письмо у миледи Винтер, но тоже неплохо. Так, — продолжал я, — вот ещё отлично: “в посещении имения моего”. Значит, не только весь дом, но и сам лес за ним можем спокойно объехать. В поисках чего, кстати? — с вопросом продолжил я изучать документ. — Ага, тут прям список: “пять томов сказок братьев Баллиэля и Плюмиэля, личные мои дневники за пятисотый и начало пятисот первого года Эпохи Добрых Соседей и малая книга цвета безлунной ночи”».

Прочитав третий и последний пункт списка, я замер, неверяще моргнул с усилием пару раз. Строчка так и осталась. С некой безысходностью я откинулся на спинку стула и заметил неслышно подошедших близнецов, к которым и обратился со вздохом:

— Что ж, дорогие мои: с одной стороны — всё просто чудесно, — потыкал я в сточки со «всяким споспешествованием» и «имением». — А с другой стороны у нас, — тут я указал на строку списка, смутившую меня минутой ранее, — малая книга, мать её типография, цвета, отец его художник, безлунной ночи.

— О как! — поразила Анаис. — Потрясающие библиографические данные! Точные, ёмкие и совершенно однозначные!

— Да вы чего? — успокоительно вступил Костя. — Можно подумать, у светлых эльфов чёрных книг вот прям завалились. Я так не думаю. Мне кажется, что это очень явный намёк от

Цапли. С этой малой книгой и связан весь светлоэльфийский абзац.

— А ты прав, — протянула Настя. — Да ещё и дневники указаны — в них наверняка найдётся ещё больше пояснений.

— Засим ближайшие перспективы лишаются тумана, — возрадовался я, скручивая пергамент, и поднимаясь. — Осталось позавтракать и можно будет уподобиться детективам.

Стоило мне это произнести, как от входа донёсся загадочный светлоэльфийский «трунь», и знакомый голос промолвил:

— О Дети Тьмы из Древнейшего Дома, ваш сопровождающий ожидает вас.

— Благодарю, Хранитель Гуиндиэль, — вежливо откликнулся Энн.

Выходя из наших покоев, мы тут же увидели юного светлого эльфа, что молчаливым поклоном поприветствовал нас и, распрямившись, мягко повёл рукой в сторону коридора, приглашая следовать за ним. Пройдя по галерее третьего этажа около половины круга, мы оказались возле очередного проёма, забранного густолиственными ветвями. После классического поклона юноша лёгким движением руки распахнул занавесь, и мы прошли в залитую солнечным светом комнату.

Чуть прикрыв глаза от света, наискосок бьющего сквозь редковатую листву дома-дуба и сквозь затейливые панорамные окна в стене напротив входа, я заметил Арайгниэля, стоящего рядом с небольшим столом, сервированным на четыре персоны. Всмотревшись внимательнее, я возрадовался: «Слава Тьме, Свету и Гуиндиэлю лично! Наш, тёмный завтрак! И приборы тоже наши, числом три: нож, вилка и ложка!»

И впрямь: вокруг монументального койника, стоящего в центре, расположились четыре каменных подставки, аналогичных подкувшинной, на которых исходили паром четыре небольших сковородки с яичницей-глазуньей. Особую радость доставили целая палитра соусов и простая коврига хлеба, нарезанная обычными ломтями.

Пока же я любовался привычными яствами, затейливо подсвеченными перебегающими солнечными лучами и зайчиками, наш знакомый из Древа Паутин уже всюду вёл приветственные речи, строго соблюдая этикет.

Услышав «... Таор, сын-по-закону...», я дождался завершения фразы и, наклонив голову в положенном поклоне уважения, сказал:

— Рад видеть тебя, Арайгниэль, старший страж из средней ветви Древа Паутин.

— Прошу к столу, о Дети Тьмы из Древнейшего Дома, — промолвил страж, чуть поводя рукой в соответствующем направлении. — Смею надеяться, трапеза придётся вам по вкусу. После же я прошу вас уделить немного вашего драгоценного времени и — для всестороннего содействия с моей стороны — несколько более полно поведать о цели вашего визита.

— Да будет так, — канонично согласился Энн и, согласно протоколу, первым уселся за стол, выбрав место спиной к окну.

Следом уселась Эна по левую руку от него, и я — по правую. Последним занял место светлый.

Прожурчал разливаемый по кружкам ко, тихонько зазвенели приборы, в остальном тишина не нарушалась более ничем около десяти минут, ушедших на сдержанно деловитое насыщение четырёх разумных.

Завершив трапезу чуть быстрее и, пожалуй, аккуратнее всех, Его Высочество Энн, промокнув губы салфеткой, обратился к стражу:

— О Арайгниэль из Древа Паутин, цели нашего визита полностью совпадают с просьбами Её Высочества сиятельной Алуригель, что изложены в сопроводительном

письме.

— Если мне будет позволено... — начал было светлый.

— Всенепременно, — тут же воспользовался крохотной паузой тёмный принц и обратился ко мне: — Таор, будь так добр.

Не говоря ни слова, лишь слегка кивнув, я достал из рукава узкий металлический тубус, вынул эпистола светлой принцессы, предусмотрительно захваченную с собой, и протянул светлому эльфу. Тот её с кивком принял, развернул и углубился в чтение. На этот раз тишина воцарилась почти абсолютная.

Пока Арайгниэль вникал в документ, я украдкой посматривал на него и думал: «Всё же скорее особист, чем транспортник. Вон — лицо вообще не меняется, даже глаза не движутся по тексту. Интересно, как он на самом деле отреагировал на строчку о “малой книге цвета безлунной ночи”? Похоже, мы это узнаем прямо сейчас».

Из-за грани доносится негромкий перестук и спокойное мастерское: «Ну, логично».

— О Дети Тьмы из Древнейшего Дома, — несколько замедленно промолвил сын Леса, дочитав письмо светлой принцессы. — Все пять томов сказок братьев Баллиэля и Плюмиэля, равно как и дневники Её Высочества, сиятельной Алуринель, находятся здесь, на территории Большой Усадьбы, и будут предоставлены вам незамедлительно, — тут страж из Древа Паутин будто намеренно взял паузу, но не дождавшись наших реплик, спросил тройку секунд спустя: — Желаете проследовать в библиотеку?

Коротко переглянувшись с нами, брат ответил, сохраняя абсолютное спокойствие и вежливость тона:

— Желаем видеть все, — сделал Энн мягкое ударение на последнем слове, — книги в наших покоях.

— Увы, о Ваше Высочество Энн, третий своего имени, — произнёс Арайгниэль, сохраняя неизменное выражение лица. — Я не обладаю полной информацией о третьем пункте пожеланий Её Высочества, сиятельной Алуринель. Прошу дать мне около часа для выяснение всех подробностей.

С последними словами он замер, склонившись и наверняка о чём-то (да уж понятно, о чём!) лихорадочно размышляя.

— Да будет так, — согласился Энн, милостиво наклонив голову.

— Благодарю Вас, Ваше Высочество мастер Энн, — с неувловимым облегчением проговорил старший страж, выпрямляясь и вставая. — Я немедленно отдам все необходимые распоряжения, — и с почти явным воодушевлением завёл традиционную шарманку прощания по всем нормам этикета.

Пока звучали каноничные «Рад был...» и «Ваше Высочество», я тихонько взял эпистола Алуринель, вновь аккуратно убрал в футляр, его же поместил в рукав — в специальный кармашек, подумав при этом: «Мало ли что. Такие документы лучше не оставлять без присмотра».

Распрощавшись со мной в последнюю очередь, Арайгниэль, не мешкая, покинул малую восточную трапезную, прямо от входа разразившись тихим монологом, обращённым, очевидно, к Гуиндиэлю.

Не стали рассиживаться и мы: сделав по последнему глотку ко, встали и отправились на выход, где нас встретил уже примелькавшийся светлоэльфийский юноша и сопроводил к временно нашим покоям.

Тенета слов

В этой главе герои настаивают на своём.

Оказавшись в общей зале, мы отметили появление нового койника и нескольких блюд с, вероятно, печеньем, представляющим собой вычурные и пышные цветы из теста глубоко-песочного цвета. В очередной раз за это утро усаживаясь за стол и наливая себе свежего ко, я размышлял: «Вот забегал-то наш знакомый паучок, дай Ть... э-э-э... Свет ему сил и дальше хранить покерфейс его. Небось щас своими методами связывается с начальством, звенит паутинками, так сказать, выясняет, что стоит нам рассказывать, а что — показывать, и о чём надо умалчивать из всех его сил».

В задумчивом молчании наша компания провела едва ли больше десяти минут, как размышления прервали «трунь» от входа и голос Гуиндиэля, возвестивший:

— О Дети Тьмы из Древнейшего Дома, посыльные прибыли. Извольте принять?

— Пусть войдут, — ответил Энн.

Ветви двери разошлись в стороны, и к нам пожаловали трое короткокосых сыновей Леса: первый с выражением глубокой почтительности нёс на руках стопку из полутора дюжин тетрадей, каждая в переплёте зелёного шелка, два же других несли небольшие носилки, на которых покоились пять талмудов внушительного формата и изрядной толщины. Подойдя к столу носитель дневников с глубоким поклоном вручил рукописи вставшему Энну, а после помог оставшейся паре светлоухих перегрузить пятитомник на свободный от яств край стола. Затем, поклонившись ещё раз, троица удалилась.

— О, а вот и читать подано! — возрадовался я, переставая гадать о пауках и паутине, и обратился к близнецам: — Я так думаю, что сказки братьев Шарика и Пёрышка мы оставим на сильное потом.

— Кого? — хором прервали меня брат и сестра.

— Братьев Баллиэля и Плюмиэля, — поправился я и, глянув на обложку верхнего тома, дополнил: — Из старшей ветви Древа Знаний. Так, не сбивайте меня, — попробовал я вернуться к серьёзному тону. — Собственно, я уверен, что самое важное именно в дневнике за последнюю луну прошлого года. Именно тогда, судя по моим прикидкам, и должен был начаться весь этот э-э-э... абзац! Короче, брат мой, поставь ты уже эту стопку зелени на стол, — обратился я к Энну, всё ещё стоящему с дневниками, — и давайте почитаем.

Тёмный принц опустил дневники на стол, Эна, подскочив, ловко выдернула седьмой сверху — и угадала: на обложке кистью по шёлку были изящно выведены даты: «Триста шестьдесят седьмой — четырёхсотый дни пятисотого года Эпохи Добрых Соседей».

Открыв первую страницу, мы дружно и протяжно вздохнули — записи оказались почти не читаемы: мало того, что строчки плясали вальс и качучу разом и были большей частью безжалостно исчерканы, так ещё и весь лист размыло мелкими каплями, оставившими после себя белёсые разводы — то точно были слёзы.

— Ну-у-у, — протянула сестра. — Это будет несколько сложнее, чем представлялось.

— Минуточку, — тут Энн выдернул из стопки предыдущий исследуемому дневник, наскоро его пролистнул и сказал: — Вот, в этом томе похожее безобразие начинается

примерно с середины.

— Ага, — понятно кивнул я. — Значит, я малость промахнулся. Что ж — давайте попробуем разобраться хоть что-то.

Вооружившись на всякий случай парой листов чистого пергамента и стилосом, мы углубились в жизнь сиятельной Алуринель, начиная, для верности, с триста сорокового дня прошлого года. Достаточно быстро наловчившись отделять зёрна смысла от плевел велеречивых оборотов, свойственных Её Высочеству, мы обнаружили первое упоминание о «книга цвета безлунной ночи»: принцесса увидела её во сне, где «неясная фигура, обещающая невиданное благо, убеждала манящим голосом приникнуть к мудрости и силе, скрытой меж страниц сего древнейшего тома». Произошло это в ночь предпоследнего полнолуния прошлого года. И на следующий же день Алуринель, пребывающая в то время в Малой Усадьбе личного имения, обнаруживает столь необычно разрекламированную книгу в одном из дальних углов собственной библиотеки.

Последней же ясно читаемой записью были строчки, полные восхищения и повествующие: «Мне открылась поистине высочайшая, божественная мудрость, заключённая в великолепнейшие стихи!»

Все последующие события пришлось буквально собирать пословно, выуживая редких драгоценных рыб читаемых слов из сетей зачёркнутого и луж размытого. Картина из сего скудного улова складывалась на редкость нечёткая, весьма абсурдная и достаточно пугающая. Получалось, что Её Высочество соблазнилась посулами книги (видимо, безопасная жизнь ненаследной принцессы в спокойной стране сказала на критичности мышления), в ночь новолуния что-то сделала в центральной зале Малой Усадьбы, и начались «мрак», «ужас», «упадок» и «повальное истощение и умирание», «медленно расплзающиеся». Особенно чудесно среди покаянных «я виновна пред Лесом» и «нет мне прощенья» смотрелись встречающиеся рядом друг с другом «невозможность рассказать о» и «страх мучительной смерти».

«Мать моя Тьма! — потрясённо думал я, всматриваясь вместе с братом и сестрой в исчерканные и просоленные строки. — И эту деву я — ну, вернее, Таор — пытался веселить?! Охо-хо-нюшки хо-хо, кто ж тебя так подцепил, сиятельная?»

Поле получаса корпения над невесёлым ребусом, я осознал, что в голове воцарилась какая-то вовсе не аппетитная каша, аккуратно встал, оставив близнецов вникать дальше, и зашагал по комнате, надеясь, что на ходу мысли будут пояснее. Помогало поначалу не очень.

«Так, — начал я первый круг и попытку разложить по полочкам хоть что-то. — Имеет место быть некая сущность, явно не из этого мира — тут, вроде бы, таких не водится».

«Точно не водится, — внезапно включился Таор, тоже, кажется, несколько пришибленный чтивом. — Мне известны лишь три Великих Духа Силы — Сущности, как ты их называешь. Это наша Мать Тьма, Отец Свет и Отец Ветер, — тут он задумался на пару мгновений и дополнил: — Ещё я читал в крайне старых трудах о Духах Гор, Леса и Степи, но об их проявлениях не осталось даже легенд, одни лишь смутные упоминания».

«О, благодарю! — подумал я адресно и продолжил рассуждения: — Сущность явно не рядовая, раз так нетривиально действует: через сон и книгу. Кстати, очень любопытно — а как книга эта вообще попала в библиотеку принцессы? И книга ли это вообще?»

Вновь уткнувшись в вопрос без ответа, я несколько ускорил шаг и обратился к недоумённо посмотревшим на меня брату и сестре:

— Что? Мне так просто думается легче! Ну, должно по идее... — я сделал несколько

молчаливых шагов и продолжил: — Давайте-ка и вы поделитесь своими соображениями — может, вместе что сложим?

— Да тут же всё просто, — чуть удивлённо проговорила Анаис. — Некая богиня смерти ломится в этот мир, используя Алуринель, чтоб та приоткрыла ей калиточку.

— Это да, похоже на правду... — покивал я на ходу, а потом удивился: — Погоди, а почему именно богиня?

— Да вот же, — ткнула пальцем Настя в наш «конспект», — она же писала о божественной мудрости, а чуть дальше, во многих зачёркнутых местах с трудом, но можно разобрать «Она» и «Мо...на». Странно, что ты не обратил внимания.

— Да, — включился в обсуждение Костя, — а я ещё заметил в паре мест «ровно год». Могу предположить, что это относится ко времени, нужному этой Мо-не, чтоб полностью был готов переход.

— Н-да, — протянул я, останавливаясь. — Картина становится яснее, но не проще.

Возобновив круговой променад, я замер буквально через десяток шагов и проговорил, обращаясь больше к самому себе:

— Стоп, пора прекратить попытки сложить пазл из неполного комплекта кусочков. Надеюсь, ещё горсточку деталей нам отжалает Арайгниэль... — повернувшись же к друзьям, я предположил: — Слушайте, а может, в сказках есть ещё чё? Ну не просто же так сиятельная их заказала.

— «Сказка — ложь, да в ней намёк», так, что ли? — скептически усмехнулась Анаис. — Ну, давайте полистаем — вдруг действительно чё.

Костя же просто согласно покивал и потянулся к первому тому, богато изукрашенному растительным орнаментом по тонкому деревянному переплёту. Всегда расторопная сестра успела ухватить второй талмуд, мне достался третий. И мы погрузились в мир светлых и тёплых историй, повествующих о природе, доброте и прекрасной жизни в самых ярких и высокопарных выражениях. На страницах почти полуметровой ширины дружили деревья и птицы, премило общались звери и светлые эльфы, принцы и принцессы переживали удивительные приключения. Гармонично дополняли сказки мастерские иллюстрации неких Корелиэля и Дроуиэля из Древа Искусств.

Из-за грани доносится едва разборчивое мастерское: «Народ, вы серьёзно, что ли?» и наше дружное: «Ага-а-а!»

Несколько бессмысленные, но однозначно успокоительные штудии наши были прерваны ещё примерно получасом позднее уже привычным, мелодичным «трунь», и голос Хранителя Имени произнёс:

— О Дети Тьмы из Древнейшего Дома, прибыл Арайгниэль, старший страж из средней ветви Древа Паутин. Извольте принять?

— Пусть войдёт, — сказал Энн.

Входные ветви едва прошелестели, и мы снова увидели светлоэльфийского особиста всё с тем же абсолютно нейтральным выражением лица. Подойдя к столу, он отвесил поклон и обратился к нам всем разом:

— О Дети Тьмы из Древнейшего Дома. Мною была получена вся доступная информация о «малой книге цвета безлунной ночи», разыскиваемой вами по просьбе Её Высочества, Сиятельной Алуринель, — тут страж сделал паузу, будто решаясь на что-то, и продолжил: — С наибольшей вероятностью эта книга находится на территории Малой Усадьбы Её Высочества. В самом центре имения.

— Так будьте любезны направить туда посыльных, — словно не понимая, к чему ведёт Арайгниэль, сказала Эна с лёгким нетерпением.

— Или же соблаговолите сопроводить туда нас, — не дав стражу ответить сестре, веско проговорил Энн.

— Последний же вариант, о старший страж, — спокойно и рассудительно добавил я, — представляется мне наиболее перспективным, поскольку нас одолевает необоримое стремление к скорейшему исполнению просьб будущей нашей матери-по-закону, сиятельной Алуринель.

— К моему великому сожалению, — едва заметно скорбнув лицом, заговорил светлый эльф, — моих скромных способностей недостаточно для безопасного проезда к цели.

— В таком случае потрудитесь призвать компетентных специалистов, — едва заметно повысила тон тёмная принцесса.

— Или же приготовьте место для прибытия наших, — снова весьма серьёзно сказал брат.

— Или же, — вступил я намеренно мягко, — о Арайгниэль из средней ветви Древа Паутин, просто следуйте посланию Её Высочества, сиятельной Алуринель, и «не чините никаких препятствий». наших способностей вполне достаточно для самостоятельного визита в Малую Усадьбу Первой Дочери Правителя Светлого Леса, Светлейшего Эмпириэля нашего будущего дедушки-по-закону.

От последнего моего пассажира светлый буквально окаменел на пару мгновений, асинхронно моргнул, и начал достаточно медленно, будто попутно решая сложнейшую задачу:

— О Ваше Высочество Энн, — склонил сын Леса голову в сторону тёмного принца, — я не имею никаких полномочий для принятия специалистов из Подземья и Тени Великих Гор. Прошу меня простить, — вновь поклонился он и продолжил: — О Ваше Высочество Эна, — ещё поклон, — все наши компетентные маги на данное время крайне заняты, как вы сами могли видеть, и нет никакой возможности прервать их труд или краткий восстановительный отдых. Прошу понять всю сложность ситуации, — и ещё поклон.

«Слушай, мужик, ты паук, а не клюющая птица!» — едва успел подумать я странное, как светлый эльф обратился ко мне:

— О Таор, сын-по-закону Владыки Эрра, первого своего имени, — уважительно кивнув, продолжил он: — Даже и в мыслях моих не было чинить вам препятствия. Мною движет лишь долг перед приказом Светлейшего Эмпириэля, двенадцатого своего имени, велящий мне сопровождать вас под всей сенью ветвей Древа Власти.

— Так и сопровождайте, о старший страж, — изумилась Эна, а после почти ехидно добавила: — Там, где позволяют ваши способности.

Уловив, что разговор сейчас завернёт по кругу, я несколько хамски влез поперёк сына Леса, уже набравшего воздух для ответа, проговорив достаточно быстро:

— Таким образом, о Арайгниэль из Древа Паутин, долг велит Вам сопровождать нас даже и при угрозе Вашей жизни. Что ж... — сделав крохотную паузу, я тут же продолжил: — Мы чтим принцип «Добрых Соседей» и не станем подвергать Вас опасности.

— И Ваша защита в нашей поездке, — подхватила на лету мою мысль тёмная принцесса, — будет максимальной по нашим возможностям.

— Премного благодарю вас за столь высокую заботу, о Дети Тьмы из Древнейшего Дома, — выдохнул наконец светлый страж действительно облегчённо. — Позвольте отдать

необходимые распоряжения? — явно приободрившись, спросил он.

— Да будет так, — сказал Его Высочество Энн с милостивым наклоном головы, а после добавил, сохраняя серьёзность и царственное спокойствие: — Буде же по какой-либо причине наших сил окажется недостаточно, я уполномочен отцом своим Эрром, Владыкой Подземья и Тени Великих Гор, на призыв самых могущественных представителей Коллегии Магов. Будьте любезны довести до сведения вышестоящих лиц сей факт.

— Всенепременно, о Ваше Высочество Энн, — вновь поклонился сын леса и стал ускоренно, но полностью в рамках этикета, прощаться с нами.

Автоматически прощаясь в ответ, я думал: «Кремень всё-таки светлоухий! Тут на него две монаршие особы давят, а он лишь кланяется да стоит на своём. Одно слово — спецура!»

Покуда светлый особист отсутствовал, мы с близнецами резво переоделись в походную одежду, уже вычищенную расторопными слугами и совершенно незаметно помещённую в шкафы наших спален. Не забыли мы и драгоценные камни-накопители, содержащие немалый запас сил — у каждого своей.

Экипировавшись в явно опасный поход, мы собрались за столом и обговорили возможные варианты динамических защит, что нам придётся поддерживать на всём пути нашей теперь уже четвёрки. Выходило — вроде бы — не очень сложно. Оставалось продумать момент преодоления защитой цепи светлых магов — но то была задача, решаемая уже исключительно на месте.

Накидывая варианты комбинаций плетений, я не мог не посетовать:

— Жаль, магии воды в этом мире не богато — а то, вон, через реку текущую этот некроабзац перебраться не может.

— Ну-у-у, — протянул точно Костя, — если важен сам принцип текучести, то можно попробовать скрестить мой камень и твой огонь и получить магму. Но это надо тестить, и — желательно! — на открытом воздухе.

— Да, а то оставим сиятельную ещё и без Большой Усадьбы. Малая-то явно того, — поддержал я.

— Кстати, о скрещенных струях, братцы мои, — вступила Анаис, чуть хихикнув. — Тьма тоже вполне текуча, и её можно добавить в комплект к вашим силам.

После этого мы окончательно ушли в сплошное теоретизирование и прикидочные чертежи финального плетения для всех троих разом.

Получасом позже в привычной своей манере Хранитель Имениа известил, что все приготовления завершены и нас ожидают. С очередным юнцом в сопровождающих наша троика вышла во двор Большой Усадьбы. Обогнув колоссальный дуб, почти скрывающий своими ветвями высокое светило, мы оказались в юго-западной части поляны, где нас действительно ожидали: и три пантеры под сёдлами, но без поклажи, и Арайгниэль, держащий под уздцы свою серую лошадку.

Подойдя к несколько нетерпеливо переминающейся с лапы на лапу Мрре, я взялся ласково почёсывать её, здороваясь и проверяя сбрую — мало ли! Но нет — всё было идеально. Вскочив в седло вслед за близнецами, подъехал поближе и обратился к светлому стражу, так же оседлавшему свой четвероногий транспорт:

— О Арайгниэль из Древа Паутин, мы с Их Высочествами, — тут светлый чуть ли не зримо вздрогнул от такого попрания этикета, — разработали комплексную защиту. Для обеспечения её работы нам придётся занять походный ордер в форме треугольника. Ваше же место — в его центре.

— Вас понял, о Таор, — перешёл-таки на деловую краткость светлоухий особист.

— Так же имеется вопрос о преодолении защитной цепи Ваших магов нашей защитой, — добавил я.

— Все необходимые указания уже отданы: как только встанет ваша защита, маги по краям тропы поднимут цепь, образуя арку для проезда, — отчеканил он и, поводя рукой на юго-запад, добавил: — Вон там, о Таор.

— Благодарю, о Арайгниэль, — кивнул я, направляя Мрру к месту справа и позади от Энна и Кссы и указывая сыну Леса в центр образующегося треугольника. — Прошу.

После же всмотрелся в указанную светлым сторону. А там всё так же мерцающий кустарник прерывался небольшой аркой, за которой начиналась и впрямь тропа: неширокая дорожка, слегка извиваясь, уходила вглубь мертвого Леса. По бокам от неё также стояли два распростёрших руки мага, и меж ними вились потоки магии, перегораживая путь.

Наша свежесформированная кавалькада проехала шагом несколько метров и остановилась недалеко от прохода в живой изгороди — мы с близнецами переглянулись и начали выплетать защиту.

Из-за грани доносится негромкий, повторяющийся перестук.

Его Высочество Энн знакомо вскинул руки, изящно встряхнул кистями и повёл порхающий танец по невидимой многоуровневой клавиатуре, сопровождая каждый пасс ритмичными щёлканьем и погрохатыванием. Следом вступил я, сразу скользнув на магический уровень восприятия, и стал параллельно нитям сил Камня, формируемым братом в сложный купол из пяти- и шестиугольников, вплетать струи сил Огня, тут же вступающие во взаимодействие с чарами тёмного принца, раскаляя их и задавая направления течения получающейся магмы. Присоединившаяся Эна не только добавила сил Тьмы к нашим потокам, укрывая их и скрадывая сияние, но и в каждый многоугольник поместила по тончайшему Тёмному вихрю, что завершило защитную конструкцию.

Вернувшись к обычному восприятию, я увидел мерцающий всеми оттенками чёрного полупрозрачный купол, окружающий нашу команду и конструкцией своей кажущийся неуловимо знакомым.

«Ба, — удивился я, взглядевшись. — Да это ж три четверти усечённого икосаэдра, который в просторечии — футбольный мяч! Костя — красава! Чего выдумывать-то, когда всё уже посчитано сто раз до нас?»

Защита стабилизировалась, мы тронули скакунов, Арайгниэль выдал неясно, но громко прошелестевшую команду, маги по бокам прохода подняли руки, и стена светлых чар меж ними приподнялась, образуя арку, куда идеально вписался наш купол.

Глава девятнадцатая

Туда и обратно

В этой главе главные герои не ведут себя по-геройски.

Шаг за шагом, не торопясь, пантеры и лошадка стража проследовали в поражённую область. Охраняющая вязь лесных чародеев, проскользив по комплексному куполу нашей защиты, вновь упала позади, перегородив тропу. Мы трое сразу же ощутили лёгкое, но постоянное давление совершенно незнакомой энергии, будто бы несущей отголоски хищного, но ленивого любопытства.

Вокруг расстилался пейзаж всех оттенков чёрного: антрацитовые стволы топорщили обсидиановые ветви, графитовый подлесок скорбно вставал над ониксовым ковром павшей листвы. Единственным контрастом в жутком натюрморте (да уж, именно «морте») были видневшиеся то тут, то там иссушенные до полной мумификации трупки лесных животных — каждый с абсолютно седой шерстью. Стояла мёртвая (ну конечно же!) тишина.

Летнее солнце било со всей своей мощью, но даже сил почти забравшегося в зенит светила не хватало — его лучи будто вязли в готовых осыпаться прахом ветвях.

«Слава Тьме и Эне, — думал я, несколько неприязненно озираясь. — Очень хорошо, что она, Тьма, благодаря её, Эны, чарам несколько скрадывает детализацию окружающего. А что-то даже мне как-то не по себе: тоскливо, уныло, хочется бросить всё и прям тут улечься помирать».

Едва додумав последнюю мысль, я изумился, усомнился и выдал команду, моментально поддержанную близнецами:

— Защита раз!

Прозвенев в три голоса об очевидном, но внезапно позабытом, мы остановились и принялись дополнять нашу комплексную вязь, послонно внедряя три плетения против ментальных энергий, отчего-то не отсекаемых основным защитным куполом.

Из-за грани раздался повторяющийся перестук.

«Н-да, — подумалось мне по завершении своей части. — Мы ещё только в самом начале, а тут уже такие шутки. Казалось бы — просто очень мрачный вид, а пробрало аж до печёнок! Ну, оно и логично — божественные мощи! Эээ... в смысле мощь божества, которая сила, мощи-то вокруг вполне обычные: растительные да животные».

Дождавшись полного завершения усиления, я обратился к стражу, вполне бодро державшемуся в седле:

— О Арайгниэль, долго ль до Малой Усадьбы?

— Четыре часа тихой рысью, о Таор, — откликнулся тот, внимательно окидывая окрестности сосредоточенным взглядом.

— Я считаю, что торопиться не стоит, — веско сказал Энн. — Купол достаточно сложен в поддержании и требует постоянного контроля. Идём шагом.

Согласившись с Его Высочеством дружным тихим «Есть», мы продолжили путь. Минута сменялась минутой, за маревом купола чернел умерший на корню лес, сохранялось деловитое молчание.

«Одно хорошо, — по привычке своей нашёл я позитив, — погоды нонеча стоят

прекрасные. Если б ещё и тучи с дождём были — ваще караул. А так и дорога сухая, и от влаги и ветров ничего на неё не нападало».

Из-за грани доноситься затихающий перестук и удивлённое мастерское: «О как!»

Совершенно внезапно слева и поодаль, над небольшой полянкой очень знакомо сверкнуло, и раздался оглушающий в царящей тишине треск.

— Стоп! — поднял правую руку тёмный принц, притормаживая Кссу.

Мы остановились и обратились в зрение, перед коим разворачивалась совершенно неоднозначная картина: в тройке метров над мёртвой травой всецветно сверкал прорыв Бездны, из него извергались сотни небольших — с кошку — красноватых бесенят, что лишь едва трепыхнув крыльшками в воздухе этого мира, тут же низвергались на землю, с каждым мгновением старея, усыхая и умирая. Мертвенно-розовая куча, растущая на чёрной поляне, сквозь чуть сероватую рябь защиты смотрелась...

«Да я даже не знаю, — в лёгком ступоре попытался я хоть как-то связно помыслить, пристально разглядывая сюрреалистический беспопад. — Как-то снова чересчур. Оно, конечно, хорошо, что вся эта мелочь не нам досталась, но... — тут я неверяще прислушался к себе, — где-то даже жаль бедолаг: экая скорая смерть».

Продолжался сей арт-хаус, к счастью, не столь долго — едва ли минуту. Однако куча иссушенных низших порождения Бездны высотой вплотную приблизилась к уже захлопнувшемуся разлому, основанием же скрыв всю поляну.

Отмерев через пару секунд после окончания шоу, Энн вновь поднял правую руку и слегка махнул кистью, молча призывая нас вновь двинуться в путь. Говорить и вправду никому не хотелось.

Опять потянулись минуты, складываясь в десятки, а те в часы, окружение давило, мы бдели. Иссохших гостей из Бездны мы встречали ещё два раза: неясных очертаний серокожий гигант застыл меж стволов антропоморфной скалой и был встречен нами на исходе второго часа, а уже знакомые гончие домена Вражды седыми мумиями отметили начала часа третьего нашего пути.

И ровно после них я стал осознавать, что растущий дискомфорт связан не столько с недружелюбной обстановкой и пробудившимся голодом, но и со всё возрастающим давлением на защиту, что малозаметно, но непрестанно увеличивало расход сил.

— Ваши Высочества, — начал я, внезапно громко даже для самого себя. — Рекомендую проверить динамику расхода сил, — продолжил я тише и добавил: — Высока вероятность его экспоненциального роста.

Тёмный принц поднял руку. Все остановились. Близнецы и я чуть прикрыли глаза, проверяя чары. Через несколько мгновений мы убедились в полной правдивости моего предположения: кристаллы, к которым стремились нити подпитки были почти пусты, и основной поток энергии шёл от внутренних личных источников. Моментально подключив свежие накопители, мы призадумались.

«Так, — считал я, — в ход пошёл второй из четырёх имеющихся у каждого из нас редчайших артефактов, а мы преодолели едва треть пути. Что-то не оптимистичная задачка-то получается, даже при смене аллюра».

— Стоит ускориться? — слегка скептически прозвенел голос Её Высочества.

— Хорошая идея, о сестра моя, — с совершенно непонятным оптимизмом ответил Энн. — Стоит пустить наших скакунов в размажку и проехать вперёд ещё, пока не закончится энергия во втором накопителе, — заметив наши с сестрой вопросительно

приподнятые брови, он пояснил: — Таким образом мы зафиксируем динамику роста давления, но при этом нам хватит энергии на обратный путь.

Услышав несказанное: «А сведениями мы поделимся с отцом», я и Эна хором ответили: — Да будет так!

Светлоэльфийскому стражу, внимательно слушающему наш разговор с нечитаемым выражением лица, оставалось лишь согласно поклониться, принимая волю Его Высочества.

И наша кавалькада снова двинулась вперед, на этот раз существенно ускорившись. По бокам зачастил чёрный частокол стволов, лапы пантер и копыта лошади глухо ударяли в твёрдую землю, контроль над щитом и окружением занимал всё внимание без остатка. По истечении пятого десятка минут, когда во втором кристалле осталось «на доньшке» энергии, тёмный принц вновь поднял руку и скомандовал:

— Стоп!

Мы все мягко остановили скакунов, и Энн добавил:

— Осмотр три минуты — и назад.

Смотреть на первый взгляд было особо и не на что: чёрный мёртвый лес не особо изменился, всё так же скорбно возвышаясь под лучами летнего солнца. Да ещё и прямо-таки сжимающее защиту явно негативное давление невероятно мешало. Лишь продышавшись сквозь мандраж, против воли воцаряющийся в организме, я смог бросить на всё окружение взгляд второй, несколько более отрешённый и окидывающий всю панораму целиком.

Из-за грани: «Стук-тук-тук... пятнадцать!»

И мне открывается незамеченная ранее деталь: все верхние ветви и лесных великанов, и меньших деревьев, и даже кустарников несколько наклонены вправо от нас, к северо-западу.

«Ветер? — тут же задал я себе вопрос. — Так непохоже, шпиль же. Пока всё это было живое и росло — так логично тянуться к югу и солнцу. Хм-м-м, значит что-то наклонило их уже в посмертии. Пожалуй, мы доехали до края формирующегося вихря. И центр его, готов спорить, в Малой Усадьбе, куда нам никак не светит попасть своими силами. Даже если включить ненужный героизм».

Переглянувшись с близнецами, я поймал их внимание и описал в воздухе широкую левозакрученную спираль, начав от глаз и поведя правой рукой по-над дорогой. Понимающе кивнув, Его Высочество промолвил:

— Да, о брат мой по закону, ты прав. Разворачиваемся и в обратный путь.

Так мы и поступили, вместе с поворотом скакунов меняя накопители. Едва мы снялись с места, пустив зверей иноходью, меня пронзила мысль: «От я ж болван! У меня же по факту три накопителя! Четвёртый-то как истратил после массового изгнания, восстанавливаясь, так и не наполнил его толком. Ну, хорошо, что скачем в бодром темпе, авось и хватит. На крайняк — зачерпну из серьги, хотя что-то стрёмно к ней обращаться».

Опять мелькала матовая чернота слева и справа, контроль пантеры и защитных плетений требовал серьёзной концентрации, и скачка всё больше вводила в транс. Лишь постепенно убывающее давление мощнейшей некроауры позволяло дышать чуть свободнее с каждой лигой, оставленной позади. Минут за десять до выезда из зоны некроза у меня даже вернулась возможность мыслить на отвлечённые темы: «Хорошо, что разумность в нас преобладает, — радовался я, — и мы не стали, преодолевая, соваться в самую пердь. Сейчас вернёмся, отцу нашему отпишемся и, скорее всего, напряжём ещё разок паука-особиста — будем призывать профессионалов. И придётся светлоухому стражу согласиться и посуетиться: ведь, по сути, просьбу сиятельной принцессы мы так и не выполнили. Хех,

могу представить, что у него сейчас творится в голове!»

Из-за грани доноситься повторяющийся перестук.

Вдруг на тропе перед нами, в десятке метров до границы купола, пространство громоподобно треснуло, и в ярко сверкнувшем разломе показалась голова, причудливо сочетающая в своём фантазмагоричном облике черты зверя, насекомого и гуманоида. Мы резко осадили скакунов. Едва вдохнув мертвящий воздух и начав стареть буквально на глазах, существо возопило с невиданной мощью и как-то неуловимо знакомо:

— Ай, тля!!! Да ну на хрен такое веселье!!! Грёбаные ушастики!

Вопль стих, монструозная башка исчезла, разлом захлопнулся — как и не бывало, я и близнецы понимающе переглянулись и опять пустились в путь. Внутренне я буквально гоготал: «Гы-гы-ы-ы! Старый знакомый, всё ищет веселья. И опять, бедолаженька, промахнулся. Так, стоп, неужели он снова именно на меня наводился? Или чисто на удачу сиганул? Второе больше похоже на правду — иначе бы он так не вляпался».

Наконец перед нами предстала заклинательная цепь светлых, Арайгниэль вновь прошелестел команду, и мы покинули столь негостеприимную зону. Оказавшись на безопасной территории, наша тёмноухая тройца споро, но аккуратно сняла все многослойные защиты.

Спешившись и отдав уздцы пантеры подбежавшему юнцу, Его Высочество обратился к так же уже стоящему на земле старшему стражу:

— О Арайгниэль из средней ветви Древа Паутин, будьте любезны навестить нас через три часа — мы согласуем прибытие ранее упомянутых магов Коллегии.

— Всенепременно, о Ваше Высочество мастер Энн, — с глубоким поклоном согласился уже всё понявший светлый.

На входе нас традиционно встретил Хранитель Имени и в высокопарных выражениях поинтересовался, в котором часу предпочтительней подать ужин. Мы, не видевшие даже обеда, едва не рывкнув: «Прям ща!», всё же нашли в себе силы вежливо ответить, что идеально будет в течение получаса. Зайдя в уже ставшие родными покои светлого дерева, залитые мирным, мягким, желтоватым светом, наша компания дружно и хором выдохнула, скидывая напряжение совсем не увеселительной поездки. Минуту спустя каждый из нас отправился в душ — стоило привести себя в порядок и сменить одежду.

Стоя под струями чистой воды идеальной температуры (за градус до обжигающей) и смывая едва заметную, но всё же имеющуюся пыль, я задумался: «Интересно, на сколько мы тут застрянем? Маги придут, скорее всего, завтра к обеду. Но вот сколько они будут наблюдать, анализировать, совещаться и трясти сведения из светлоухих — тут уж непредсказуемо. Разве что Их Высочества своим авторитетом ускорят международный диалог. Вообще, конечно, ситуация из ряда вон, если смотреть на неё в разрезе дипломатических отношений. Счастье, что здесь всего три государства, а то б такая неразбериха поднялась!»

Завершив банные процедуры и благоухая лавандой, я переоделся и вышел в общую залу, на ходу очень (очень-очень!) аккуратно высушивая волосы. Опять оказавшись первым по скорости омовений, я первым же и обзрел вселяющий массу позитива ужин: рыба, мясо, овощи, хлеб, высокие кувшины и массивные кубки — всё это снова было в традициях тёмных эльфов. Голодное моё терпение не подверглось долгому испытанию — близнецы вышли из своих комнат минутой позже. Причём с подозрительно сухими волосами.

Одномоментно усевшись за стол, мы буквально скальными котами на долгожданную

добычу пали на обильные блюда. На долгие два десятка минут воцарилось сосредоточенное молчание. Как у нас всех получалось в это время почти полностью соблюдать этикет — до сих пор остаётся для меня большой загадкой.

По завершении ужина нам пришлось презреть наваливающуюся сонливость и, сосредоточившись, приступить к отчёту Владыке, что быстро перешёл в живую переписку, в течение которой мы невероятно подробно описали весь сегодняшний весьма длинный день, выдавая отцу нашему и крупницы добытой из дневников информации, и более обширные сведения о зоне омертвения. По итогам нашей троице достались и сдержанные похвалы разумности поведения, и обещания лично направить два десятка лучших магов для «разрешения столь интересной просьбы невесты моей, Её Высочества Сиятельной Алуринель». Завершил свой внушительный пассаж Эрр Первый рекомендацией и впредь следовать принципам Разума и Закона, одновременно поддерживая репутацию добрых соседей.

Распрощавшись с отцом, мы несколько расслабились, спокойно смакуя самые «живописные» моменты поездки: особенно досталось незадачливому демону Иллюзий, столь опрометчиво сунувшемуся в некроз.

Трём наш был прерван почти получасом позднее привычным «трунь» от входа и голосом Гуиндиэля, возвестившего о прибытии Арайгниэля, который и вошёл сразу же, как отзвучали позволения Энна.

Отвесив глубокий поклон, старший страж сказал:

— О Дети Тьмы из Древнейшего Дома, счастлив вам сообщить, что процедура согласования прибытия ваших специалистов уже начата и будет завершена в рекордные сроки. Для обеспечения соответствия нормам протокола завтра к полудню придут представители старших ветвей Древа Знаний и Древа Возращения. Кроме того, — ту светлый чуть заметно улыбнулся (надо же — умеет!) и продолжил: — Волею Светлейшего Эмпириэля мои полномочия были расширены для полного соответствия сложившейся ситуации, и мне было заочно присвоено звание главного стража.

Завершив свою речь, сын леса вновь поклонился, а тёмный принц, милостиво кивнув, промолвил:

— Примите наши поздравления, о Арайгниэль. Вы этого, без сомнений, достойны.

— Благодарю Вас, Ваше Высочество, мастер Энн, третий своего имени, — главный теперь уже страж склонил голову, а выпрямившись, спросил брата: — Позвольте уточнить время прибытия и количество ваших специалистов.

— Завтра после полудня придут два десятка магов из Домов Знаний и Камня, — спокойно ответил принц, будто не замечая почти явного удивления на лице Арайгниэля. — Я лично установлю и активирую маяк порталного перехода, когда все необходимые приготовления будут завершены.

На этих словах сын леса понимающе прикрыл глаза, возвращая себе невозмутимость лица, а Его Высочество продолжал:

— Я уверен, что во дворе Большой Усадьбы отыщется подходящее место.

— Истинно так, Ваше Высочество, — согласно склонился главный страж. — Позвольте отдать необходимые указания?

— Да будет так, — позволительно провозгласил Энн.

После положенной порции поклонов и словес на прощание, Арайгниэль убыл. Мы же, потрепавшись о том о сём ещё с полчаса, разошлись по спальням. Последней моей

связной мыслью перед сном стало напоминание самому себе о зарядке кристаллов — запас-то карман не тянет.

Наставшее утро было обычным, тихим и невероятно спокойным в своих рутинах, хоть и протекавших в интерьерах светлых эльфов, но ведь под еду тёмных.

«Нет ничего важнее завтрака, — думал я банальность, закусывая яичницу свежайшим хлебом. — Кто его знает, как там сложится сегодняшней день? Вдруг сегодня без обеда снова? Нет уж, если снова поедим — а мы ж поедим! — в зону, так я с собой пеммикана возьму, благо в сумках его в количестве».

Завершив завтрак и попивая ко, мы с близнецами уставились друг на друга в лёгком недоумении. Первым нарушил молчание я:

— Так. А чё теперь делать-то? До полудня ещё полвагона времени...

— Н-да, — вступила Анаис. — И то правда — не носиться же по усадьбе, участвуя в организации всякого. Не про нас то занятие.

— Может, тогда сказки дочитаем? — несколько лениво предложил Костя.

— Уж лучше шахматы, — тут же ответила Настя.

— О, это без меня, — сразу отказался я и, прислушавшись на пару мгновений к Таору, сказал: — Меня тут уверяют, что стопроцентно сегодня придут старые мастера Орр и Олл из Дома Знаний, отличающиеся редкостной въедливостью, посему стоит надлежащим образом оформить все наши изыскания относительно зоны некроза.

— Ой да, — протянул Костя. — Я тоже помню этих двух: сколько мозга они мне поели в процессе разработки связь-камня! Ужас вообще.

— О мать моя Тьма, — скорбно пробормотала Анаис. — И это фэнтезийное приключение? Стоило сменить мир и расу, а научруки и стандарты оформлений и тут достали.

— Да ладно тебе, — проговорил я, доставая чистые листы пергамента и стилосы. — Всё не так страшно. Вот попали бы мы к светлым — вот там да, там была бы жесь, с их-то велеречивостью! Представь себе научные обороты светлоухих!

— А можно я не буду? Мне и наших тёмных за глаза... — сказала Настя и подтянула к себе пяток листов со словами: — Чур не я делаю общую схему плетений защитного купола!

— И не я, — тут же включился Константин. — У меня с черчением всегда жуткие нелады и напруги были.

— Хорошо-хорошо, — покорно согласился я. — Возьму это на себя... Так, где тут были вчерашние черновики наши? Ага, вот они. Эх, разобраться бы!

Хвала аккуратности и хорошей памяти — с послонным чертежом чар защиты (не забывая о ментале!) я справился не то чтоб быстро, но и без особого напряжения: понятные схемы и лаконичные пояснения буквально сами ложились на лист, а мозг легко выдавал нужные конструкции из научно-магического словаря. Так же и друзья мои справлялись с работой вполне спокойно, изредка, впрочем, едва слышно ворча.

Так мы и коротали время, иногда перебрасываясь уточняющими вопросами по личным стихиям да раз в полчаса гоняя посыльных за свежим койником. Чуть больше трёх с половиной часов спустя нам удалось уместить стихийное наше творчество в строгость научных формулировок, способных усладить самый взыскательный взор любого профессионала от магии. По завершении же, разминая чуть уставшую руку, я сказал:

— Что ж, братья и сестры, мы славно потрудились! Теперь можно будет ограничиться простой демонстрацией без двух часов пояснений и прений.

— Ох, хотелось бы, — вздохнул устало промаргивающийся Костя.

— Не-не-не, — замахала руками Анаис. — Ещё раз воспроизводить подобное, — тут она ткнула в исписанные убористым почерком листы, — я совсем не согласная. Со студенческих времён столько не писала. Пусть читают!

— Конечно же прочитают! — согласно воскликнул я. — А потом и копии наснимают, и к Хуух-Дууд Салхинам отправят, чтоб восхищать разумных юношей!

— А чё отправлять-то? — изумился Константин. — Мы ж сами туда поедем.

— А, ну да, нас же оборотни ждуг — сестру нашу обручать с их принцами, обоими оптом, — тут я хихикнул и продолжил: — Сюда-то мы завернули чисто так, просьбишку мачехи исполнить, ага.

— Именно! — воскликнула Настя. — А вляпались в некроз, дипломатию и научную бюрократию разом.

— Кстати, о дипломатии и прочем этикете — нам бы соответствовать, — с этими словами я приподнял рукав обычной тунки, накинутой к завтраку. — Стоит приодеться.

С тем мы и разошлись по спальням. Влезая в условно парадный камзол, так и провисевший в шкафу после вчерашнего завтрака, я морально готовился к предстоящему: «Вот скоро начнётся: приветствия, поклоны, и прочая разная радость традиций. Одно хорошо — я всего лишь сын-по-закону Владыки Эрра Первого, и в текущих раскладах на мою долю выпадет не так уж и много протокольных моментов. Ура».

В общую залу мы с близнецами вышли одновременно. А тут и Гуиндиэль подоспел возвестить после «труня», что нас де ожидают.

«Науки юношей питают»

В этой главе косы светлых и тёмных учёных остаются нетронутыми.

Спустившись во двор вслед за сопровождающим, мы обнаружили у самого центрального входа Хранителя Имения лично, что тут же принялся с нами церемонно здороваться. Следом подошёл Арайгниэль, стоявший до этого поодаль и общавшийся с двумя светлыми в роскошно расшитых мантиях: у одного жёлтого было заметно больше, у второго превалировала зелень. Лица представительных магов несли печать многих знаний, а глаза изучали спокойную мудрость — всё это стало заметно, когда они подошли к нам неторопливой походкой для многословного знакомства. Выяснилось, что оба они — главные маги: в преимущественно жёлтом был Савоирэль из Древа Знаний, в зелёном — Элеверэли из Древа Возвращения. Длиннокосые причёски обоих имели изрядную долю седины, а холёные пальцы несли массивные перстни с топазами и изумрудами соответственно.

«Ого! — думал я, машинально раскланиваясь и озвучивая положенное. — Седеющие светлые эльфы! Не, ну среди тёмных они тоже есть, только на и так белых волосах ни в жизнь не угадаешь. Интересно, а борода хоть в каком-то возрасте отрастает в этом мире у эльфов? Кстати, а у оборотней? Блин, в упор не помню, было ли на лицах Детей Ветра что-то такое... Надо будет у сестры спросить».

Меж тем всё необходимое было сказано, все поклоны отвешены, и главный страж Арайгниэль повёл рукой в сторону северной части поляны, где в густой тени дуба-исполина, на зелёной траве чуть поодаль от кустарника изгороди, немного странно возвышались четыре небольших кустика буйно цветущей лаванды, что стояли в вершинах квадрата со стороной в добрый десяток метров.

Гуиндиэль остался у входа в усадьбу, а все остальные двинулись в сторону отмеченной площадки. Эна на ходу что-то писала на захваченном связь-камне, вызвав заинтересованные взгляды светлых, бросаемые исподтишка. Энн же достал из специального кармана узкий тубус, весьма отличавшийся от моего: множественные грани призмы светлого металла были испещрены стройными рядами магической вязи, чеканной тьмой защищающих ценнейшее содержимое.

Когда на воздух явился тонкий, иглоподобный кристалл, источающий темнейший мрак всей своей матово-ониксовой поверхностью, взоры сынов Леса уже не таясь обратились на него, причём маги явно пытались считать структуру артефакта.

Тем временем Его Высочество уже дошёл до середины квадрата, оставив нас у южной его стороны, внимательно осмотрел площадку, слегка размахнулся и всадил иглу маяка телепорта точно в центр, а после прошёлкал и прогрохотал не меньше десяти строчек с очень странным ритмом.

По завершении речитатива тёмный принц спокойно отошёл к нам с принцессой, а за его спиной в небо ударил тончайший луч первородной Тьмы. Мгновением позже нижняя часть его стала расширяться, формируя плоскость перехода, за которой ещё мгновение спустя стал различим сумрак пещеры и четыре группы по пять всадников на пантерах. Через секунду почти не различимая плёнка, разгораживающая пространства, с едва слышным хлопком

пропала, и вся кавалькада чётко и быстро оказалась на зелени поляны, выстроившись в продуманную формацию: первую пятёрку с двумя явными лидерами оставшиеся три взяли в полумесяц, рассредоточившись за их спинами. Портал тут же схлопнулся. Луч исчез.

Вперёд выехала головная пара тёмных, и — конечно же — это были мастера Олл и Орт из Дома Знаний, заместители главы Коллегии магов Подземья и Тени великих Гор. Ещё больше похожие друг на друга чем Их Высочества. Различить их можно было разве что по перстням: Орт щеголял шестью с аметистами, Олл — таким же количеством с ониксами.

Спешившись, тёмные маги сделали пару шагов к Их Высочествам (ну и ко мне заодно), и начались традиционные приветствия одних тёмных другими, поддерживаемые хором так же покинувших сёдла остальных детей Тьмы и после плавно перетёкшие в более чопорные от вступивших позже светлых. Пока звучали бесконечные «рад видеть», я всматривался в лица могущественных представителей двух сколь разных, столь и похожих рас и размышлял: «Что-то мне подсказывает, что не первый раз Савоирэль и Элеверэль встречаются с братьями-магами из Подземья: вон, раскланиваются друг с другом словно бы с элегантно небрежностью — как со старыми знакомыми».

По завершении церемонии встречи делегация тёмных эльфов разделилась: большая часть отправилась вместе с подскочившими юнцами устраивать пантер, а Орт и Олл, примкнув к нашему трио и паре светлых магов, последовали за Арайгниэлем, взявшим на себя роль эдакого церемониймейстера. На пороге нас всех ожидал Хранитель Имени, который, чопорно и лаконично поприветствовав новоприбывших, возвестил о подготовленных на третьем этаже покоях, предоставляемых тёмным в их полное распоряжение, а также об обеде, что будет подан через час в Большой Южной Трапезной. Завершив свои речи, Гуиндиэль лично сопровождал дорогих гостей до дверей комнат, расположенных — что вполне логично — по соседству с занятыми Их Высочествами и мной.

Зайдя в «нашу» общую залу, я буквально рухнул на стул и издал протяжный стон:

— О-о-о-о-о!.. А ведь это только встреча, — буквально причитал я. — А впереди обеденная трапеза, ох... Может, я не пойду? — жалобно посмотрев на близнецов, задал я совершенно детский вопрос.

— В смысле «не пойду»? — изумилась Эна. — Ты наш старший брат, и ты не покинешь нас в минуты опасности и часы трудностей, как ты сам неоднократно говорил в детстве. А впереди всего лишь официальный обед в обществе почтенных магов.

— Тем более, о брат мой, — вступил Энн, — основные тяготы протокола всё равно ложатся на наши с сестрой плечи. У тебя-то много более лёгкая роль.

— Ну да, ну да... — понуро согласился я. — Но стоит мне вспомнить, как я среди этих светлоухих шутействовал... Эх... Да что там...

— Таор, — увещавательно начала тёмный принц, — ты выполнял ответственную миссию по воле отца нашего Эрра. И завершил её наилучшим образом. И сейчас мы здесь на не менее ответственном задании, которое, я уверен, намного более серьёзное, чем кажется.

— А ведь да, брат мой Энн, ты совершенно прав! — несколько воодушевился я. — Сдаётся мне, в конечном итоге окажется, что мы будем спасать весь мир. Причём каким-нибудь совершенно непредсказуемым образом!

— Лично я предпочла бы что-то предсказуемое, но однозначно великое: битву или сложное грандиозное колдовство на грани способностей, — мечтательно протянула принцесса, а после продолжила тоном ровнее: — Но я уверена, что мощи двух десятков

наших магов под предводительством мастеров Олла и Орра, да ещё и с поддержкой светлых будет более чем достаточно для успешного закрытия прорыва.

— Ну, может, и так, — как бы соглашаясь, покивал я. — Главное, когда маги — наши и соседские — будут всё обсуждать, не дать им вцепится в косы друг дружке, — тут я чуть не хихикнул от сюрреалистичности представленной картины.

— В смысле? — хором спросили брат и сестра.

— В прямом: научные обсуждения такая штука — забывается всё, кроме стремления убедить оппонента в своей правоте любым способом.

— Таор, ты в порядке? — несколько показательно тревожно спросила Эна. — Это же почтенные мужи, многосотлетние маги. Они не могут поступить подобным образом!

— Хм... — протянул Энн. — В косы, конечно, не вцепляются, но я тут вспомнил мастеров Олла и Орра и их диалог о влиянии фаз луны на магическую проницаемость определённых зелий — это когда искали протраву для связь-камня. Так вот — столь изысканных и утончённых заявлений о болезнях разума, которыми они обменивались, я не слышал ни разу за всю свою жизнь. Но при этом они оба оставались в рамках этикета и, что поразительно, очень быстро договорились.

— Вот-вот! — поддержал я брата. — А тут их будет несколько больше — наверняка оставшаяся делегация подключится, ну и светлые, конечно же, тоже.

— Я уверена, что наше присутствие их остановит! — заявила в ответ принцесса и вскинула голову, явно намекая на своё высочайшее происхождение.

Правда, спустя пару секунд, чуть понурилась и пробормотала:

— Хотя мастер Орр как-то в начале моей практики в Коллегии Магов принудил меня переписать один отчёт дюжину раз и так виртуозно ворчал над каждой ошибкой, через слово поминая ушедший в прошлое обычай телесных наказаний.

— Короче, братья и сестры, — взял я слово. — Благодарю вас обоих! Не дали скиснуть! Теперь мне даже интересно будет и на обеде, и на совете после.

— А тебе просто некуда деваться, брат, — едва улыбаясь сказал Его Высочество. — Как говорили древние: «Долг неизменен, но изменяемо наше отношение к нему».

— И снова ты прав, о брат мой Энн, — согласно покивал я. — Тем и спасаюсь.

— И нас иногда спасаешь... — тихо проговорила Эна. — Это же надо придумать — маги друг друга за косы таскают...

После же мы втроём пустились в воспоминания детства: кто, кого, сколько раз и от чего «спасал», и как мы семейно не давали друг другу погрязнуть в многочисленных обязанностях, наваливающих на монарших (и близких к ним) особ буквально с самого рождения. От лёгкого и весёлого разговора нас отвлек Хранитель Гуиндиэль, в обычной своей манере известивший о готовности обеда и ожидающем провожатом. На выходе нас встретил не только светлый юноша, но и тёмные маги Олл и Орр, сменившие дорожные костюмы, сильно смахивавшие на воинскую амуницию, на невероятно роскошные мантии морионового цвета с отделкой, соответствующей камням в их перстнях.

Недолгий путь привёл нас на второй этаж, причём, судя по внутренним ощущениям, на южную его сторону. Под распахнувшимися ветвями входной арки мы проследовали в строгом порядке: сначала Их Высочества, после — я, а уж за мной мастера-маги, сохранявшие удивительно безмятежное выражение лица, одного на двоих.

Как и предполагалось из названия трапезной, вся немалая её площадь была залита мелькающим светом, пробивающимся через ветви и листву не только живые, но и ажурно

вычерченные тонким металлом по панорамному витражу в стене напротив входа. Все оттенки зелёного света и цвета господствовали вокруг монументального круглого стола, окружённого почти тремя десятками изысканных стульев, чьи различия в высоте спинок и затейливости их оформления ясно говорили о местах, положенных каждому. Вполне логично головное место было ровно напротив входа и предназначалось Его Высочеству Энну, по левую руку от него — Эне, по правую — мне. Справа же от меня было место однозначно для главного стража Арайгниэля, что проходило почти по грани дозволенного церемониалом, ведь после (!) него были места для светлых магов. Слева же от почти-трона Эны рассадка не принесла никаких сюрпризов: сначала места для мастеров-магов Орра и Олла, после — для остальных представителей коллегии.

Их — сюрпризы — преподнесла сама сервировка обеда: по обширной глади стола были расставлены в затейливой комбинации блюда тёмной и светлой кухни, а у каждого места был двойной набор приборов.

Меж тем нас уже вовсю приветствовал привычно вынырнувший из бликов и зайчиков света главный страж из Древа Паутин, плетя словесную вязь, дополняемую поклонами и изящными жестами. Сдав бразды осознанности Таору, с неохотой их принявшему, я задумался: «С одной стороны несколько странно: светлые решили позвать за стол сразу всех. Младшие чины из коллегии наверняка будут несколько удивлены, не сказать — шокированы, обедом с принцем и принцессой. С другой стороны — вполне логично: ведь нам всем в — страшно подумать — двадцатишестером предстоит решить ну очень нетривиальную задачу, рождённую весьма простым поводом, но имеющую чересчур непростую причину».

И мысли мои оказались весьма правдивы: заходящие после нас и светлых магов тёмные эльфы вели себя несколько скованно, но держали при этом марку и соблюдали достоинство.

Спокойно усаживаясь за стол третьим — после Их Высочеств — я обозревал представленные яства и дивился сколь необычную гармонию порождают соседствующие простота и ясность кухни Подземья и вычурность со сложностью кухни Светлого Леса. Особое удовольствие лично мне несли приборы из набора тёмных.

«Интересно, — думал я, начиная обед с привычных бодренцов и люблоков, — сегодня блюда светлоухих с какими эффектами? И будет ли кто-то из наших их пробовать? Хотя что-то мне подсказывает, что всё пройдёт тихо, мирно и скучно — в лучшем смысле этого слова».

Из-за грани доносится негромкий, затихающий перестук.

Вновь предположения мои оправдались: тишина нарушалась лишь легким позвякиванием да спокойными просьбами передать то или иное блюдо или соус. Даже некий неописуемо прекрасный изыск от светлых, попавший, вероятно, как дань уважения принимающей стороне, на тарелки сначала Их Высочеств, а позже и к другим тёмным, не оказал никакого видимого влияния. Рискнул и я — невероятно пахнущий брусочек в кружевах пронзительно-жёлтого соуса оказался прекрасным компромиссом между рататуюем и лазаньей, где запечённые вместе слои слегка прижаренных овощей чередовались с невероятно нежным сыром, который по вкусу отчего-то напоминал грибы.

«И как у них это получается, у лесных поваров-то? — думал я с некоторой опаской наслаждаясь превосходным блюдом. — Какие-то китайские традиции пополам с французскими, да ещё и с магией. Что же сегодня-то сюда намешали?» Но как я ни прислушивался ко всем уголкам самого себя — так и не обнаружил никаких изменений, что меня, пожалуй, даже несколько разочаровало.

По завершении трапезы, когда уже практически все наслаждались исключительно напитками, Арайгниэль обратился к моему брату-по-закону:

— О Ваше Высочество мастер Энн, третий своего имени, позвольте порекомендовать Вам Большой читальный Зал — он как нельзя лучше подойдёт для предстоящего ознакомления с интересующими Вас сведениями и последующей выработки стратегии дальнейших действий.

— Да будет так, — согласился тёмный принц, одновременно милостиво наклонив голову.

После чего он спокойно поднялся, и тут же совершенно беззвучно встали все тёмные и — едва уловимо позже — все светлые. Следом же главный страж вновь взял слово:

— Прошу следовать за мной, — глубоко поклонился он и грациозно повёл рукой в сторону выхода.

Как это и водится среди высокопоставленных разумных, никакой суетолики или прочей неразберихи при выходе из-за стола не случилось — всяк спокойно покидал своё место сообразно старшинству, разве что Арайгниэль, будучи эдаким распорядителем, был вторым после Их Высочеств, умудрившись при этом ещё и первым оказаться у дверей и элегантно жестом распахнуть ветви.

Вслед за главным стражем мы поднялись на четвёртый этаж и прошли в очередную арку. Нашим глазам открылось помещение, почти идентичное размерами с недавно покинутой трапезной, с таким же столом и аналогичным количеством стульев, с так же оформленными спинками. Отличия же заключались в окнах — слегка дугообразную стену напротив занимали шесть стрельчатых витражей растительной тематики, и в «сервировке» стола — напротив каждого места покоилась стопочка пергамента и стилосы.

Повторная рассадка не заняла много времени, и, спустя пару минут, Его Высочество обратился к светлым магам:

— О высокоумудрые Дети Света из древнейших Дерев, поведайте же всё возможное о столь необычной препоне, мешающей исполнить волю Её Высочества, Сиятельной Алуринель, невесты отца моего Эрра, Первого своего имени, Владыки Подземья и Тени Великих гор, — выдал Тёмный принц спокойно и ровно, с дипломатической тонкостью упомянув исключительно формальный повод собрания, не касаясь при этом истинных причин.

Ещё при первых словах Энна маги светлых коротко переглянулись друг с другом, а по завершении поднялся Савоирэль и, с достоинством поклонившись, заговорил:

— О Ваше Высочество, мастер Энн, третий своего имени, принц Подземья и Тени Высоких Гор. Прежде всего позвольте поблагодарить Вас за столь ревностное стремление исполнить волю принцессы Светлого Леса, Её Высочества Сиятельной Алуринель.

«О, молоток, дедуган! — тут же подумалось мне. — Вполне дипломатично получилось, эдакое “спасибо, что вписались в наш кикоз и при этом не проехали по нашей гордости”».

— На данный момент, — продолжал меж тем главный маг из старшей ветви Древа Знаний, переходя на абсолютно деловой стиль изложения, — о рекомой «препоне» нам известно следующее: первое её появление произошло в последнее новолуние прошлого года; за считанные минуты был полностью поглощён и омертвлён дуб, являющийся Малой Усадьбой Её Высочества; прибывшие по тревоге маги обнаружили лишь находящуюся без сознания Сиятельную Алуринель...

Факты сыпались из мудрейшего светлого как из рога изобилия, и стройно занимали

места предположений, окончательно проясняя картину событий. Но при этом ключевых данных так и не прибавилось — светлые знали на крохи больше нас о причинах: некая божественная сущность, вероятно, женского пола, стремится прорваться в этот мир, используя неведомые силы, вытягивающие саму энергию жизни, и направляя их в эпицентр зоны омертвения. Разве что к имени предположительно богини добавилась ещё одна буква: Мор...на.

Завершив краткий и ёмкий экскурс в историю, Савоирэль передал слово Элеверэлю, который, поднявшись и поклонившись, не менее точно и чётко изложил картину происходящего на день сегодняшний, очень быстро уйдя в научно-магическую терминологию и окончательно представ в образе учёного мужа, вещающего перед крайне заинтересованной аудиторией. Мы все внимали, многие младшие чины Коллегии Магов конспектировали, Эна же сверяла озвучиваемое с нашими изысканиями, разложив перед собой исписанные этим утром пергаменты.

«Ага, — думал тем временем я, — значит, всё правильно мы решили: именно в принципе текучести и есть основной способ противостояния некрозу. Светлые вон реализовали его, что логично, через направленный свет».

— Ко всему вышесказанному, — завершал свою речь главный маг из старшей ветви Древа Возвращения, — могу добавить, что на сегодняшний день нами проверены все библиотеки и хранилища знаний Светлого Леса, и лишь в единственном месте древнейшего Послания Первых мы обнаружили слова: «Сей Мир от богов храним», что хоть как-то относится к сложившейся ситуации, — тут он замолчал на мгновение, будто проверяя себя, и продолжил: — Всё сказанное мной и мудрейшим Савоирэлем будет сей же час предоставлено всем вам в виде конспектов. Прошу, — слегка взмахнул рукой над плечом сидящей светлый.

Повинуясь его жесту от стен, уставленных книжными полками, к столу подошли несколько стоявших до того навтыяжку юных детей Леса, разнёсших по тёмной части учёного совета массивные папки глубоко зелёного цвета с ярко-жёлтым многострочием, описывающим содержимое на двух языках.

Приняв предназначенную мне папку, большую похожую на тонкую шкатулку, третьим после брата и сестры, я не замедлил раскрыть её и убедился, что документы не только составлены на наречии Подземья, но и вся манера изложения будто скопирована из лучших трудов мастеров Тени Великих Гор.

«Эх, — подумал я с лёгким и мимолётным укором. — А ведь и мы могли наше описание защиты спокойно перевести... Хотя, конечно, проку от этого решительно никакого, разве что для пущей вежливости, буде светлые заинтересуются».

Тем временем Его Высочество, наскоро заглянул в свой экземпляр, сказал:

— Благодарю вас, о высокоумные Дети Света из древнейших Дерев, — милостиво наклонив голову, он продолжил: — Для полноты дальнейшего обсуждения считаю необходимым озвучить результаты наблюдений из вчерашнего рейда, предпринятого мною, сестрою моею Эной и братом моим по закону Таором, при участии главного стража Арайгниэля. Ваше Высочество, — обратился тёмный принц к сестре, чуть повернувшись, — прошу Вас, — завершил он, заметно для монаршей особы поклонившись.

«Да, — тут же подумал я, уловив этот момент. — Уникальный случай: принц кого-то просит. Ну так на то она и сестра, чтоб к ней обращаться исключительно на равных».

Эна же, услышав просьбу брата, посуровела и без того не сильно приветливым лицом и

ответила:

— С радостью, о Ваше Высочество, брат мой мастер Энн, — тон принцессы правда был весьма далёк от радости и с холодом горных вершин обещал всё припомнить любимому брату. — О многомудрые дети Света и дети Тьмы, — продолжила венценосная тёмная, чуть смягчившись. — Вчера нами, детьми Владыки Эрра Первого, была разработана комплексная защита для поездки сквозь зону омертвения. В целях наиболее полного обеспечения безопасности был реализован принцип многослойного плетения, подробно изложенный в письменном виде, — она указала на записи перед собой. — Кратко же суть состоит в...

И тут я совершенно бессовестно перестал вникать в речи сестры, тезисно доводящей до собравшихся основные принципы комплексных чар, накрученных нами, как я сейчас уже начинал понимать где с избытком, а где и с недостатком.

«Да-да, — думал я, краем внимания следя за монологом Эны, — надеюсь, никто и никогда не узнает, что мы антиментальное плетение доплетали уже после, а не до, совершенно самонадеянно о нём позабыв. Да и, в целом, уверен, сейчас начнётся обсуждение, и всяких косяков навсплывает... Эх...»

В завершении своей речи Её Высочество вскользь упомянула всё возрастающее давление мертвящих сил по мере продвижения к эпицентру, а также встреченные нами свидетельства прорывов Бездны. После она передала наше утреннее совместное творчество мастеру Оллу и сказала:

— По всем возникающим вопросам относительно слоёв плетений сил Огня рекомендую обращаться к брату моему по закону Таору.

— Благодарю Вас, о Ваше Высочество Эна, — с поклоном принял пергаменты тёмный маг, вставая, и обратился к тёмному принцу: — О Ваше Высочество мастер Энн, прошу Вас позволить мне и коллегам уделить некоторое время на детальное изучение письменных материалов, — тут он бросил беглый взгляд на листы и добавил, пожалуй, несколько удивлённо и удовлетворённо: — Столь умело и тщательно составленных.

— Да будет так, — канонично позволил Энн, в который раз за этот бесконечный день милостиво склоняя венценосную голову.

С поклоном вернувшись на своё место, зам главы Коллегии Магов Подземья расположил стопочку между собой и братом своим Орром, и они пустились в молчаливое изучение, практически полностью замерев, выдавая напряжённую работу мысли лишь бегающими по строчкам взглядами да редкими лёгкими кивками. Прочие же члены Коллегии были заняты штудированием материалов от светлых, которые тоже не скучали: судя по виду, заняты они были анализом всего изложенного Эной, даже Арайгниэль, напрямую участвовавший.

Единственными особо не занятыми особами оказались мы трое: по сути — подростки, по факту — первые лица на происходящем научном совете. Даже я, хоть и будучи «всего лишь» сыном-по-закону Владыки Эрра, являлся носителем уникальной магии Огня, которая могла существенно облегчить предстоящий повторный поход в область некроза.

«Прям аж уже зудеть начинает, — думал я в установившейся тишине. — Как оно всё дальше будет? Хорош б прям завтра уже отправиться снова и своими глазами посмотреть на этот центр мёртвой зоны! Жуть как любопытно! — тут я себя мысленно утихомирил, чтоб не начать ёрзать: — Только сначала надо пережить предстоящую говорильню-решальню, дай Тьма пройти ей побыстрее!»

Из-за грани доносится негромкий, затихающий перестук и мастерское тихое:

«Похоже, что таскания за косы сегодня всё-таки не будет».

Словно услышав мою мысль, с места поднялся мастер Орр и с поклоном обратился к Энну:

— О Ваше Высочество мастер Энн, третий своего имени! Созданная Вами, Вашим Высочеством Эной, — тут он поклонился сестре, — и уважаемым Таором, — тут и мне достался небольшой поклон, — разработка поистине удивительна и достойна только превосходных эпитетов!

Мы трое удивились, но старательно не подали вида и продолжили внимать похвалам универсальности, экономичности и выверенности нашего защитного купола, а я обрадованно думал: «О как! Я наконец-то стал уважаемым, да ещё и в устах зануды Орра. Всё, моё эго удовлетворено. Буду почивать на лаврах, а если их тут нет, так попрошу светлых вырастить».

Завершая свой панегирик, тёмный мастер добавил:

— Благодаря Вашему, о мастер Энн, — явно намеренно опустил титулы Орр, — инновационному подходу к построению плетений, мы с коллегами сможем в рекордные сроки доработать купол для безопасного проникновения к самому центру зоны омертвления!

На этих словах на лицах светлых магов едва заметно, но всё же отразилось лёгкое неверие, заметив которое мастер Олл, вновь поднявшись с лёгким поклоном, проговорил:

— При содействии же наших добрых соседей, — тут он уважительно кивнул Савоирэлю и Элеверэлю, — крепость щита достигнет максимума и сможет блокировать и сам источник излучения!

Главные маги из древнейших дерев тут же поднялись и, отвесив ритуальные поклоны, сказали хором:

— Можете полностью на нас полагаться!

— Позвольте же ознакомиться с Вашим подходом, о Ваше Высочество мастер Энн, — ещё раз поклонившись, промолвил Элеверэль.

— Да будет так, — ответил тёмный принц. — Мастер Олл, будьте добры.

Тёмный маг передал наше творчество светлым, те тут же вникли, даже не присев. Выражения их лиц стремительно менялось, брови ползли вверх и даже губы слегка шевелились. В целом всем своим обликом они являли вопрос: «А что, так можно было?» Буквально выхватывая друг у друга листы, светлоухие чародеи невидяще присели и окончательно ушли в анализ принципиально нового для них подхода.

«Да! — думал я с всё возрастающей гордостью. — Это вам не то! Это вам принципы объектно ориентированного программирования, положенные на местную магию! Хоть я в них разбираюсь чуть лучше, чем никак, но уже успел убедиться в их удобстве, простоте и продуманности. Могу себе представить, как сейчас Костя радуется, — тут я взглянул на Энна. — Да, лицо каменное, а вот в глазах прям посверкивает!»

Дочитав и начав осознавать открывающиеся перспективы, мудрейшие маги Светлого Леса переглянулись, явственно улыбнулись, вновь поднялись, глубоко, медленно и очень уважительно поклонились Его Высочеству и на пару разразились искренней хвалебной одой в честь гения принца, подарившего зримую надежду на благополучный исход из сложившейся ситуации, и в честь вообще всех Детей Тьмы, неизменно следующих принципам «добрых соседей».

Выслушав все похвалы с приличествующим моменту выражением лица, Энн ответил:

— Благодарю вас, о главные маги из древнейших Дерев. Впереди нас всех, — тут он спокойно обвёл взглядом собравшихся, — ждёт интереснейшая и сложная работа. Посему я

призываю вас на время обсуждений отложить официальный протокол и ограничиться лишь обычной вежливостью.

— Да будет так, мастер Энн! — в едином порыве ответил хор разумных обеих дихотомически разных расцветок.

Последовавшая далее научная дискуссия проходила в исключительно мирных и на редкость дружелюбных тонах, что лично у меня вызывало чувство нереальности происходящего. Особенно оно усилилось, когда не только Таор, всюю участвовавший в расчётах и моделировании слияний сил Огня и Света, но и сам я, по большей части просто следивший за восхитительными иллюзиями, внёс пару важных замечаний и идей.

«А что, — думал я, — если отвлечься от научно-магических терминов, то получается крутейший трёхмерный слоёный пазл. Всего-то надо правильно его собрать из простых, в общем-то, элементов по несложным законам, чем-то сильно напоминающим почти позабытую электродинамику. Короче — сложно, но очень интересно. И, да, — всмотрелся я очередной обсуждаемый участок, — тут стоит пустить энергию по часовой стрелке, а не против — гармоничнее будет. Так, осталось перевести это интуитивное озарение на понятный остальным язык... Но с этим, уверен, отлично справится мой сосед по палате разума, весёлый полудемон, переставший, наконец, изнывать от огромных порций официоза».

Так и вышло: замечание прошло на «ура» — выяснилось, что данное вращение сил в конкретном элементе подпадает под некое исключение из общих законов. Кроме того, предложение руководствоваться общей гармонией картины прежде строгих правил нашло одобрительную поддержку в стане светлых магов — Элеверэль процитировал древнейшего лесного мудреца: «Главный закон природы есть целесообразная гармония!»

Завершилось всё это пиршество разумов глубоким вечером, когда были полностью просчитаны и расширенный защитный купол на большую команду разумных, долженствующий потреблять на пятнадцать процентов меньше энергии, и купол блокирующий, способный целиком закрыть источник некротического излучения. Причём в построении обоих мне (точнее, Таору) отводилась существенная роль, тогда как Их Высочеств мастера Олл и Опп, владеющие силами Тьмы и Камня на аналогичном, если даже не превосходящем уровне, мягко, но решительно убедили не участвовать в предстоящем действии. Брат и сестра — особенно сестра — не сразу, но всё же согласились с разумными доводами тёмных мастеров-магов.

В наши покои мы зашли ментально и интеллектуально уставшие, но морально невероятно довольные. Имеющийся на столе классический тёмный ужин был буквально уничтожен подчистую в рекордные сроки, а ежевечерний отчёт отцу нашему Эрру прошёл и того быстрее: предусмотрительная Эна захватила связь-камень на учёный совет и успела полноценно описать весь сегодняшний на редкость длинный день, так что мне и Энну оставалось лишь слегка дополнить. Завершился мой тридцать второй день в этом чудесном мире, когда голова, совершенно свободная даже от тени мысли, коснулась мягчайшей подушки.

Глава двадцать первая

Нечаянное удвоение

В этой главе нарушаются чёткие планы.

Утро дня тридцать третьего преподнесло сюрприз: я проснулся позже близнецов, которым, по идее, полагалось лениво нежиться в кроватях в виду абсолютного отсутствия запланированной занятости. Но нет — когда я вышел после душа в общий зал, то обнаружил Их Высочеств уже завершающими зарядку и бодро поглядывающими в сторону стола, заставленного обильным завтраком. Ускорившись в выполнении необходимого минимума упражнений, за стол я уселся не особо позднее брата и сестры, терпеливо меня ожидающих. Аккуратно насыщаясь превосходной яичницей под невероятно пышный хлеб и бодрящий кофе, я прикидывал, что стоит с собой взять в сегодняшнюю поездку, как вдруг меня пронзила мысль: «Накопители!», и я так и замер, не донеся вилку до рта. Спустя пару секунд, проведённых под поражёнными взглядами брата и сестры, я отмер, опустил вилку и опрометью кинулся к своим вещам. Как мной с волнением и предполагалось, из всех четырёх кристаллов лишь израсходованный на восстановление после изгнания псоглавых демонов накопил самостоятельно едва треть от объёма. Остальные же были вовсе почти пусты.

«Вот это я молодец, — сокрушённо подумал я. — И что теперь делать?»

Понуро вернувшись за стол с камнями и разложив их перед собой, я пояснил подозрительно смотрящим на меня Энну и Эне:

— Ваши Высочества, ваш брат-по-закону оказался крайне забывчивым! Через час выезд, а у меня накопители разряжены!

— И? — непонимающе приподняла бровь сестра.

— То есть? — не понял я вопроса. — Мне без них не вариант — сама помнишь расчёты расхода энергии! Он, расход этот, хоть и стал поменьше, но всё равно колоссальный!

— Да, брат мой Таор, это так, — спокойно проговорил Энн.

— Вот! А где мне энергию брать? Зарядить-то накопители я не удосужился! Остаётся только к серье обращаться, а очень не хочется!

— Подожди, не паникуй, — умиротворяюще сказала Эна. — Ты же можешь взять наши — и у меня, и у Энна осталось ещё по одному полному. Да и у магов Коллегии наверняка с собой нешуточный запас.

— Но ведь окрас сил... — начал было я.

— Не имеет решительно никакого значения применительно к камням-накопителям, — менторским тоном перебил меня брат. — Как ты мог забыть, что сила в кристаллах хранится в «неокрашенном» виде? И окрас ей придаёт исключительно маг в процессе плетения.

— А, да, точно... Два мне по теормагии, или вообще кол.

«Два вам, коллега, — неожиданно ясно сказал из глубин сознания Таор, — за умение слушать голос разума в “экстренных” ситуациях. Которые и не были бы экстренными, если не поддаваться панике. Вот что стоило меня послушать? Не пришлось бы краснеть перед братом и сестрой».

— Прощу простить меня, — обратился я вслух ко всем сразу. — Видимо, я несколько

больше нервничаю перед столь значительным событием, чем это мне кажется.

— Понимаю тебя, брат мой, — кивнул мне Энн. — И настоятельно рекомендую оставшееся время провести в стабилизирующей медитации. Мы же с Эной пока подзарядим твой кристалл с третью объёма сил, а после отдадим два своих.

— Благодарю тебя, брат мой, и тебя, сестра моя, — уважительно покивал я обоим.

После же быстро закидал в себя оставшуюся еду и удалился в спальню, где, усевшись на пол в привычный полулотос, погрузился в глубокую медитацию, последовательно отсекая все волнения и мысли и оставляя лишь чистое сознание, пребывающее в истинной стабильности.

Вынырнул я из транса совершенно самостоятельно, полностью очистив разум до кристальной ясности. Выйдя в общий зал, я обнаружил на столе около своего места три полных всклень накопителя и близнецов, на пару зажавших ещё один меж правых ладоней. По мягкому свечению, пробивающемуся сквозь неплотно сомкнутые пальцы брата и сестры, становилось понятно, что до наполнения и этого кристалла остались считанные минуты. Так и произошло: пока я тихонько экипировался в поход, Их Высочества закончили и, достаточно громко переведя дыхание, отложили полностью готовый к использованию камень.

И тут же, будто ожидая этого момента, раздался уже давно не загадочный «трунь» от входа, и голос Хранителя Имени возвестил:

— О Дети Тьмы из Древнейшего Дома, вас ожидают.

Спустившись во двор, мы обнаружили уже полностью собранную кавалькаду в составе двадцати тёмных эльфов верхом на пантерах и трёх светлых, оседлавших лошадей, причём главные маги Дерев Знаний и Возвращения высились на невероятно редких белорождённых конях, косящих голубыми глазами на обилие кошек вокруг. Традиционные приветствия были сокращены до минимума. Вскочив в седло Мрры и пристёгиваясь, я не мог не подивиться на общую колористику: «Красота какая, а! Сейчас ещё окончательно построимся, и вообще получится нечто».

Так и вышло: в авангарде встала пара братьев-мастеров — Орр и Олл, за ними я, после — двойка Савоирэля и Элеверэля, затем — Арайгниэль, завершали колонну девять пар тёмных магов-воинов.

«Вот, — думал я, заняв своё место, — если смотреть сверху, то получается эдакая змея: чёрная, с белым узором, красным носом, — тут я чуть не хихикнул вслух, — и жёлто-зелёными глазами числом три. Самое то существо для путешествия в мёртвую пердь!»

Строй разумных замер в чётком порядке, тёмные мастера-маги во главе синхронно подняли правые руки и дали старт плетению, пожалуй, самых сложных в истории магии защитных чар: силы Камня, Огня, Тьмы, Растений и Света слой за слоем ложились в потоки, призванные блокировать и мертвящую ауру, и ментальные волны. Речитативы и шипения, напевы и погрохатывания сливались в звучащую над поляной ритмичную симфонию, которая такт за тактом проявляла в мир ажурную конструкцию, полностью закрывающую наш отряд.

Через две долгие минуты всё было завершено, и разумные пустили скакунов поначалу шагом. Главный страж уже привычно прошелестел команду, и ровно перед головным полукуполом защитная цепь-стена светлых приподнялась аркой над тропой, пропуская нашу кавалькаду и вновь падая на место за полукуполом арьергарда. И тут же Олл и Орр снова подняли правые руки и хором скомандовали:

— Стоп. Проверки. После — час вразмашку.

— Есть, — дружно грянули все остальные, даже светлые.

Совместно с Таором проверяя нашу зону ответственности в общем массиве магии, я размышлял: «Хорошо, что вокруг сплошь высокопоставленные разумные — нет языковых препон. А то б ещё и на переводы со светлого языка на тёмный и обратно время тратить. Ужас же был бы!»

После же проверок вся колонна тронулась единым порывом и споро набрала ход. Стало не до отвлечённых мыслей: скачка, контроль и концентрация полностью забирали всё внимание и у Таора, и у меня.

По бокам мелькали чёрные деревья, что сквозь пелену защиты теряли чёткость очертаний, росло давление некротической ауры, стояла почти полная тишина, нарушаемая лишь ударами копыт и лап в сухую землю тропы. Спустя полчаса напряжённой скачки опустел первый накопитель, получасом позднее — ещё один, чья замена пришлась на краткую остановку по команде главенствующих тёмных магов:

— Стоп. Проверки. Усилить бдительность. Дальше — тихим галопом.

— Есть! — вновь дружно отозвались все.

Стволы омертвевших деревьев замелькали чаще, и даже краешка внимания хватило, чтобы заметить всё усиливающийся с каждой лигой наклон и ветвей, и, позже, крупных сучьев к югу и западу, что отчетливо показывало вихревую природу ауры, явно заточенной на поглощение энергии в центре, так сказать, циклона.

Напряжение поля смерти всё возрастало, третий кристалл закончился меньше чем за четверть часа. И с этого же момента стало заметно, что общая высота деревьев стала неуклонно снижаться: будто невероятная, полого наклонённая коса наискосок прошла по непредставимо огромному кругу, срезая и полностью, без следов, уничтожая за собой всё живое. В голове моей мелькнуло: «Пологий параболоид вращения», но связно додумать я так и не смог — наша кавалькада промчалась по остаткам леса, быстро сошедшим на нет и вылетела на колоссальную, не меньше лиги в диаметре, поляну.

На гигантском круге абсолютно чёрной земли, лишённой даже и намёка на саму возможность жизни, в самом центре с величавой неспешностью вращалась воронка жуткого вихря, вздымающегося на высоту до двух десятков метров, основанием же своим занимающего не менее трёх. Соткан он был из гигантских прядей непроглядного тумана всех оттенков серого, что в своём перетекании рождали образы заходящихся криком лиц, сменяемых жуткими видениями умирающих в муках чудовищ.

Из-за грани доносится негромкий, затихающий перестук.

Давление на защиту выросло настолько, что и я, и Таор, не раздумывая, потянулись к линиям сил серьги, которая совершенно спокойно стала нас подпитывать невероятно мощным потоком.

Не успел я удивиться, как тут же Орт и Олл вскинули руки, колонна замедлилась и остановилась за сотню метров от вихря, а мастера-маги разразились краткими командами, выдаваемыми хором:

— Формация «С». Таор — центр. Свет, растения — внешка. К дубль-плетению готовсь!

— Есть! — откликнулись все разом.

После этого тёмные братья чуть разъехали в стороны, одновременно доставая из седельных сумок не виданные мной ранее накопители значительных размеров. Занимая место меж Оллом и Орром, я следил за трансформацией защитных плетений, происходящей

вслед за перестройкой арьергарда, разъезжающегося за нашими спинами влево и вправо и формирующего своеобразные крылья, направленные к воронке. Построение замерло, ко мне протянулись руки мастеров магов, зажавшие удлинённые кристаллы, больше похожие на полноценные жезлы. Обхватывая свободные концы камней, я услышал ясный послы Таора: «Теперь — как договаривались вчера: ты просто держишь действующую защиту, по факту страхуя меня. Ну я возьмусь за второе, блокирующее плетение».

«Да будет так, коллега!» — согласился я и предельно сконцентрировался на удержании линий сил огня, обеспечивая равномерную подачу энергии по своим слоям чар.

Из-за грани: «Стук-тук-тук... шесть!»

Потоки струились, буквально завораживая моё внутреннее зрение, на внешней стороне отзвучали команды, зазвучала уже слышанная всего два часа назад симфония, рождающая ещё одно грандиозное плетение, Таор выплелал свою магию. Но всё это проходило мимо — моё сознание неотрывно бдело за вихрями и течениями, начинающимися в многомерно вращающемся лабиринте узора серьги, проходящими через искрящиеся каналы подпитки к внутреннему средоточию личных сил и уже оттуда веером расходящимися по линиям, насыщающим огненные элементы защиты нашего отряда.

А на неё меж тем оказывалось всё более и более существенное давление, требуя каждый миг расширять каналы и перекачивать всё большие и большие объёмы. И это настолько поглотило меня, что само моё я уподобилось потоку, одновременно зарождаясь, истекая и противостоя враждебной мощи, стремящейся подчинить, иссушить, умертвить и лишит вообще всей возможной энергии и даже тени шанса на посмертие.

Миг за мигом стали таять исподволь воспринимаемые ощущения тела, да и сама возможность его иметь стала совершенно незначительной — борющейся силе нет нужды во вместительности!

Это было последним, что можно считать мыслью: после я-сила устремился всем собой навстречу противнику и со всего маха налетел на непробиваемый барьер, утрачивая себя окончательно.

В это же самое время, в этом же самом месте две дюжины разумных чётко, точно и невероятно слажено завершили построение грандиозного плетения-купола, полностью заключив ужасающий вихрь в непроницаемую броню. Долгие две с половиной минуты непрерывного колдовства на пределе возможностей не прошли даром ни для одного из участников действия: все младшие чины Коллегии Магов Подземья держались в сёдлах лишь благодаря гранитной воле и удерживающим ремням, старшие же маги — и тёмные, и светлые — излишне глубоко дышали и до хруста сжимали израсходованные на три четверти великие накопители.

Стоило затихнуть последней ноте чародейства, как буквально одновременно пропала терзающая защиту отряда мертвящая аура, и тут же юного полудемона Таора, который до того с невероятными мастерством и умением оперировал колоссальными объёмами сил, внезапно будто подбросило в седле. Серьга-капелька в левом ухе красноволосого полуэльфа нестерпимо ярко сверкнула в стремительном полёте и с различимо яростным шипением впечаталась в только что вставший блокирующий купол. При этом своевольное украшение, будто покрывало, сдёрнуло за собой не только огненный слой купола кавалькады, но и все остальные, закутывая и без того уже отрезанную от мира воронку смерти в ещё одно плетение.

Из-за грани доносится негромкий, затихающий перестук и мастерское потрясённое: «Ого!»

Все ошеломлённо замерли. Капля Пламени Бездны на недосягаемой высоте густо-багрово сверкнула будто бы направленно в сторону Таора. Тот покачнулся, отпустил сжимаемые до того кристаллы и рухнул на загривок недоумённо взрыкнувшей Мрры.

Склонившиеся на юношей мастера Олл и Орт всмотрелись, переглянулись и потрясённо констатировали:

— Обморок от перенапряжения...

После братья вновь переглянулись, кивнули друг другу, и Орт скомандовал:

— Привал. Наблюдение. Изучение.

И спешил первым, а затем помог Оллу отстегнуть и снять с седла так удивившего всех юношу, которого уложили на заботливо расстеленную одним из тёмных походную циновку.

В себя приходилось совершенно неясное количество времени, причём поначалу было не очень понятно, кто и куда приходит. Процесс больше напоминал конденсацию разлетевшегося в неразлично мелкие капельки сознания сначала до хоть сколько-то плотного тумана, а потом и до густого облака, пролившегося без остатка куда-то на дно разума Таора, где оно, сознание, целую вечность (или всего две секунды?) обретало подобие формы и границ, заново осознавая самоё себя.

На исходе четвёртой секунды (или второй вечности?) уже вполне «Я» смог родить мысль, состоящую исключительно из совершенно нецензурных междометий. Завершив пространный монолог в никуда, помогший мне ещё сильнее сконцентрироваться, я смог различить ментальный голос полудемона, радостно вещавший: «Ого, коллега! Вот это возвращение! Вот это экспрессия! Я пару оборотов даже запишу, пригодятся».

«Всегда пожалуйста, коллега, — не менее обрадованно ответил я, полностью осознаваясь. — Пользуйтесь на здоровье!»

«Да уж, — хохотнул Таор, — от такого матового покрытия не только здоровье улучшится и сознание прояснится! Так, коллега, — посуровел немного тоном полуэльф, — признавайтесь, что вы учудили? И, главный вопрос, зачем?»

«Это не я, честное слово! Оно само! — банальностями стал отнекиваться я. — Реально само! Я просто следил за защитой и контролировал потоки, а истекающая из серьги сила меня заморозила, буквально поглотила, растворила в себе и обо что-то шваркнула со всей своей бездонной мощи!»

«Н-да... — задумчиво протянул Таор. — А потом своенравная бирюлька чуть не оторвала мне мочку уха, улетающая и унося с собой весь покров защиты отряда на купол-блокиратор...»

«В смысле? — не понял я. — Это что, мы теперь без серьги, а незрелый прорыв в двойном саркофаге?»

«В чём, в чём? — в свою очередь не понял полудемон. — А, в крутом гробу! Да, коллега, именно в нём. Я так подозреваю, что старшие маги сейчас пребывают в о-о-очень сильной задумчивости, пытаюсь проанализировать произошедшее и его последствия».

«И нас наверняка спросят, отчего это на совете о такой возможности даже не обмолвились».

«Это вряд ли, — засомневался полуэльф. — Мастера наверняка в курсе, что некоторые события невозможно спрогнозировать или предвидеть. Я же на половину демон, считай,

дителя Хаоса, непредсказуемого по самой своей сути. А уж серьга и вовсе из самой Бездны целиком».

«Хм, похоже на правду, — согласился я. — Что ж, коллега, вроде с телом у нас более-менее порядок, так что давайте вернёмся к активной жизни».

«А и давайте!» — согласился Таор.

И мы открыли глаза.

Оказалось, что нас (даже, пожалуй, меня) ссадили с пантеры и заботливо уложили на что-то не очень мягкое, но вполне удобное. Над головой пронзительно синело полуденное небо, а от ярких лучей прикрывала Мрра, замершая на расстоянии вытянутой руки. Несколько опасливо потянувшись, я с восторгом обнаружил всего лишь мягкую усталость организма, громогласным урчанием желудка требовавшего еды, да побольше!

Усевшись на, как оказалось, циновке, я потянулся к Мрре, тут же боднувшей меня легонько лобастой своей головой. Пришлось даже встать, чтобы, продолжая одной рукой чесать лигроподобную чёрную животину за ухом, второй дотянуться до седельной сумки с запасом пеммикана и малым бурдюком с водой.

С голодным урчанием, которому, кажется, позавидовала даже неясно мякнувшая пантера, вгрызаясь в ароматный, мясистый брусок, покрытый специями и ягодами, я осмотрелся вокруг.

Картина открывалась прелюбопытнейшая: вместо жуткого серого вихря возвышались две аналогичные по размерам вложенные друг в друга слоёные полусферы, составленные из пяти- и шестиугольников; на внешнем слое напротив меня — ровно на середине высоты — замерла густо сверкающая всеми оттенками пламени точка, зримо изливающая силу по плетению; ровно под ней покоился в небольшой подставке на земле великий накопитель, а вокруг бродили и разговаривали маги тёмные и светлые, порой переходя на повышенные тона. Причём в речах их слышались неприкрытая радость и восторг — у светлых, и прикрываемые самодовольство пополам с лёгким недоумением — у братьев Орра и Олла.

«Так, присесть, — подумал я, плюхаясь обратно на циновку, — пока не заметили, что я не только пришёл в себя, но еще и жру вместо ответов на многочисленные вопросы, имеющиеся у многомудрых магов обоих цветов. Я ж и сам ещё не до конца понял, что именно произошло. Одна внятная версия: у Бездны какие-то тёрки со Смертью вообще, или лично с этой Мор-ной. Вторая, меняя внятная — что эта серьга с характером и сама всё провернула».

«Мне думается, — донеслась до меня явная мысль Таора, — что первая и вторая причины вполне могут быть связаны. Да и уж поверь — никто тебя особо терзать вопросами не будет, я сам кратко и ёмко изложу интересующимся факты. И вообще! Мы тут только что совершили, считай, чудо для всех Детей Леса! Так что нам не о вопросах стоит беспокоиться, а о грядущих благодарностях, которыми нас завалят».

«Не успеют, — спокойно возразил я. — Во-первых — нам как бы пора к Хуух-Дууд Салхинам, а во-вторых — дело-то не доделано, чего хвалить?»

Но наш увлекательный внутренний диалог был прерван заметившими моё «пробуждение» и поспешающими ко всё ещё жующему и прихлёбывающему мне магами светлыми и тёмными, числом четыре — остальные понимающе подотстали. Пришлось спешно подниматься и принимать вид приличествующий и сообразный. «Хорошо хоть не лихой и придурковатый!» — мимоходом подумалось мне.

Первым из подошедшей четвёрки мудрецов ко мне обратился мастер Олл,

поклонившись с изрядной долей уважения:

— Рад видеть Вас, о уважаемый Таор, в бодром здравии!

— Рад и я, о уважаемый Таор, — следом промолвил поклонившийся Орт и добавил: — Признаться, Вы весьма удивили нас столь эффективным поступком!

— Как я понимаю, — продолжил Олл, — сие действие носило вдохновенный или же хаотический характер, и посему не могло быть включено в тактический план установки блокиратора, подробно разработанный вчера вечером.

— Истинно так, о мастер Олл, — ответил я. — Действие сие было именно хаотическим и произошло помимо моей воли. Фактически, во время финальных штрихов плетения блокирующей вихрь полусферы, моя серьга, служившая элементом питания огненных слоёв защиты отряда, непрогнозируемым образом обрела подобие воли и совершенно самостоятельно совершила упомянутое «действие».

Выдав всю эту тираду на одном дыхании, я сдал бразды разговора полудемону, намного более подкованному в разговорах такого толка и уж точно более готовому к славословиям, которыми разразились Элеверэль и Савоирэль, на диво красиво и совершенно по светлому сплетая слова тёмного языка.

«Так, подождите, — подумалось мне меж тем. — А где Арайгниэль? Что-то не видать ни его, ни мышастой его лошадки. Небось поскакал паутинками звенеть, докладывать вышестоящим лицам актуальную обстановку. Ох и забегают же сейчас Дети Леса!»

Когда с вопросами и благодарностями было покончено, меня вновь оставили в одиночестве. Лениво дожёвывая сверхпитательный брикетик, я вновь уселся и предался размышлениям: «Так, полдела сделали — остались две трети. Зреющий прорыв упихали в двухконтурный саркофаг, молодцы. Да ещё и подпитка внешнего слоя, похоже, что полуавтономной получилась — украшение вон ведёт себя, как бездонная бочка! А уж великие накопители светлоухие пополнят на раз — это вам не защитной цепью по шесть часов стоять. Теперь же надо окончательно разобраться, как нам одолеть мощь целой богини силами хоть и могущественных, но всё же смертных. При том что все местные не сильно осведомлены о самом понятие “Бог” и не наделяют сущности этого мира личностными качествами, и уж тем более им не поклоняются».

«Да, — подтвердил Таор, вклинившись в мои мысли. — Рассмотренная в твоей, сосед, памяти концепция этого понятия, как и “поклонение” кажутся мне на редкость странными».

«Это ты ещё не всё посмотрел, — ответил я полудемону. — Богов только в одном мире могут быть сотни, а уж миров тех и вовсе бесчисленное количество... Так, ладно, не о том мысли. Где информацию-то брать? Светлые вон вчера признались, что обшарили у себя всё до последней полки, а нашли лишь туманную строчку».

«У нас, кстати, — вновь вступил полуэльф, — также имеются аналогичные “Послания Первых”, причём с таким же названием. И, да, глава об устройстве мира как раз заканчивается строчкой “Сей мир от богов храним”. Раньше я как-то не придавал ей особого значения».

«А ещё что-нибудь в этом послании о богах говорится? — нетерпеливо спросил я. — Или о том, каким образом хранение происходит?»

«Увы, — ответил Таор. — Я такого не могу вспомнить. Но и читал я это всё ещё в детстве — текст-то простой и понятный, раскрывающий самые простые истины и описывающий, кто таковы тёмные и как им стоит жить в этом мире».

«А, заветы предков, — понимающе откликнулся я. — Да, представляю. Вряд ли там

будет написано, что делать, если в мир ломится божество. Это надо пророчество какое поискать».

«Что поискать? — не понял Таор, а потом, вникнув, продолжил: — А, предсказание далёкого будущего, предупреждающее или дающее надежду. Нет, эдакого у нас, тёмных, не встречается. У нас только аналитика и строгое теоретизирование».

«Видать, не зря нам в Вольную Степь, не зря!» — резюмировал я.

Тем временем эльфы светлые и тёмные закончили обход вокруг купола (наверняка не первый!) и направились к своим скакунам, смиренно стоявшим или лежавшим небольшими группами поодаль. Я вновь поднялся, скатал невесть чью циновку, приторочил её на свободное место на спине Мрры, всё также не отходившей от меня. После легко вскочил в седло и привычно пристегнулся ровно к моменту, когда ко мне опять приблизились маги, на сей раз конные и кошные. Первым ко мне обратился мастер Орт:

— О уважаемый Таор, желаете ли Вы остаться с почтенными Элеверэлем и Савоирэлем и продолжить изучение?

— Или же Вы, о уважаемый Таор, — вступил почти без паузы Олл, — желаете проследовать в Большую Усадьбу прямо сейчас?

— Братский долг зовёт меня немедля поведать о всём произошедшем Его Высочеству Энну и Её Высочеству Эне, — ответил я тёмным братьям, соглашаясь с мастером Оллом.

После же, дипломатично перейдя на язык светлых, обратился к магам Леса и Света:

— О достопочтенные Савоирэль и Элеверэль, благодарю вас за столь уникальный опыт совместного чародейства.

— Благодарим Вас, о уважаемый Таор, за существенный вклад в несомненно великое дело! — хором ответили главные маги Дерев Знаний и Возвращения, отвешивая глубокие поклоны.

Тёмные эльфы меж тем уже не только оседлали своих пантер, но и успели построиться. Братья-замы заняли главенствующие позиции, я привычно пристроил Мрру за их спинами, тут же Олл и Орт скомандовали: «В галоп!», и вся кавалькада слитно и молниеносно сорвалась в скачку.

Лига проносилась за лигой, местность с усечённым лесом промелькнула за считанные минуты, опять замелькали по бокам тропы стволы всех оттенков чёрного. Но при сохранившейся расцветке окружающий пейзаж напрочь утратил всю свою тягостность и трагичность. Мнилось, что вот-вот — и под лучами жаркого летнего солнца, едва покинувшего зенит, появится зелень — если не листовенная, то травяная — обязательно.

Однако совсем не это преддверие будущего оживания занимало мои мысли. До меня и соседа моего по палатам разума стало, наконец, очевидным, что мы остались без уникального артефакта.

«Не переживайте, коллега, — успокаивал я несколько взгрустнувшего полудемона. — Не навсегда же серьга там останется. Найдём способ окончательно расправиться с этим прорывом-нарывом и вернём бесценное имущество».

«Так-то, конечно, да, — протянул Таор. — Но я ж с ней столько десятков лет, а теперь будто без сапога гулять пошёл. Неуютно и непривычно. Да и силы в серьге заключены немалые. Отличное было подспорье».

«Понимаю, — согласился я. — И даже сочувствую. Но не могу не заметить, что та самая сила обладает ещё и собственной волей: она чё учудила. А мы с Вами, коллега, и поделаться ничего не могли ввиду полного отсутствия инструкций».

«Это да, — вновь протянул полуэльф. — Много-пра не очень понятно поступила, оставив столь необычное наследство, но не оставив пояснений. А ещё более непонятно, почему же я сам так и не удосужился разобраться...»

«Ничего, коллега, — подумал я утешительно. — Разберёмся! И с непрошенной богиней, и со своевольной бижутерией!»

«Дай Тьма...» — откликнулся Таор и окончательно затих.

Немногим более часа ушло на обратную дорогу. Приближаясь к Большой Усадьбе, мы все сначала слышали непередаваемо прекрасное многоголосье светлых эльфов, слаженным хором выводящих мелодичнейшие чары, а после и увидели, что лесные заклинатели уже не стоят защитной цепью. Постепенно замедляясь, наша кавалькада въехала на медленно восстанавливаемую территорию, где тут и там замерли тройки детей Леса, стоящие спинами друг к другу и выпевающие явно целебные чары: от мягких синхронных пассов рук разумных во все стороны струился легчайший зеленоватый туман, от коего зримо свежело и оживало всё вокруг. Повсюду Лес терял черноту — робко зеленели едва проклюнувшиеся травы, кора деревьев обретала здоровый окрас, на ветках наливались соком почки.

Подъезжая к арке в стене кустарника, окружающей двор усадьбы, пришлось ещё сильнее замедлиться: из неё непрерывно выходили и выезжали на лошадях всё новые и новые маги светлых, причём среди них всё чаще встречались женщины. Замечая нас, проходящие мимо кратко и уважительно кланялись и продолжали движение, расходясь по лесу.

Во дворе же было и того многоэльфней: многие прибывавшие дети Леса оставляли скакунов на попечение снующих тут и там юнцов и стремились далее. Особыми центрами упорядоченного движения разумных стала пара выращенных по разные стороны от дома-дуба тонкоствольных кустарников, поддерживающих подробнейшие карты имения Её Высочества Алуринель с нанесенными тончайшими штрихами сетками, составленными из треугольников.

Стоило нашей процессии окончательно втянуться на просторы основательно занятой поляны, как все светлые эльфы прекратили разговоры, повернулись к нам, глубоко поклонились и хором провозгласили на языке Подземья:

— Благодарим вас, о Дети Тьмы из Древнейших и Древних Домов!

Мы все в ответ молча склонили головы. Тут же, как и всегда — будто из ниоткуда — перед нами появился Арайгниэль, буквально сияющий если не улыбкой, то глазами — точно. В самых высоких выражениях он высказал восторг и благодарность от имени и всего народа Светлого Леса, и Светлейшего Эмпириэля, приглашающего мудрейших Детей Тьмы посетить дворец правителя.

Краем сознания следя за вязью великосветской беседы, я радовался, размышляя: «Как хорошо, что я не очень уж и “мудрейший” и уж точно смогу отвертеться от поездки в столицу и во дворец Светлейшего! Хватит уж, нагостился!»

Тем временем главный страж закончил хвалебные речи, сообщив в окончании, что вечером ждёт всех нас на торжественном ужине в честь превосходного завершения блокировочной кампании. Наконец мы смогли спешиться и сдать пантер подбежавшим юным сынам Леса. На входе в усадьбу нас традиционно встретил Гуиндиэль, коий, озвучив после поклона очередную благодарность, возвестил:

— Обед будет подан в течении четверти часа, о почтенные Дети Тьмы из Древнейших и Древних Домов.

Оказавшись в центральном зале «своих» покоев и, к счастью, никого там не обнаружив,

я поспешил в душ: невероятно хотелось освежиться после скачек и приключений под полуденным солнцем. Стоя под прохладно-бодрящими струями, разложил окончательно по полочкам всё случившееся и даже стал готов к повествованию.

«Наверняка, — думал я, предельно осторожно подсушивая волосы, — Энн и Эна появятся к обеду. Сейчас небось в библиотеке — коротают досуг за каким-нибудь чтением».

Так и вышло: через два десятка минут я вернулся в общий зал, заходя одновременно с близнецами, явственно мне обрадовавшимися. Брат с порога обратился ко мне:

— Поздравляю, о Таор, брат мой! Ты и прочие маги совершили великое дело!

— Благодарю тебя, Энн, — тут же откликнулся я. — Но основная заслуга во всём произошедшем именно твоя: если бы не твой инновационный подход, то ничего бы не удалось.

— И я тебя поздравляю, братик, — вступила нетерпеливо Эна. — И жажду подробностей! Арайгниэль лишь парой слов успел обозначить, что, дескать, всё удалось в наилучшем и даже избыточном варианте, а после исчез, сославшись на массу дел. Да, кстати, — присмотрелась она ко мне, — а где твоя серьга?

— О сестра моя Эна, — улыбаясь, ответил я, — дай же мне сказать хоть слово, и я всё полно поведаю и отвечу на все вопросы. Но поначалу позволь мне слегка утолить голод: ни один пеммикан не заменит полноценный обед!

С последними словами я указал на стол, обильно сервированный на три персоны.

Пришлось Их Высочествам смирить любопытство и дать мне время на насыщение, занявшее, правда, едва десять минут — мне и самому не терпелось всё рассказать. Дожевав последний кусочек и запив его легчайшим светлым вином, я пустился в повествование, не утаивая ничего из произошедшего. Особенно много вопросов после рассказа вызвал, конечно же, эпизод, когда я-Сандр чуть не растворился в своевольной силе серьги. По завершении тёмный принц сказал мне:

— Знаешь, брат мой, всё к лучшему: и блокиратор удался — аж дважды, и душа-помощник осталась с нами, и ты избавился от опаснейшего артефакта, который хоть и силы великой, но и такой же непредсказуемости.

— Полностью поддерживаю, — сказала Эна, а после с лёгким ехидством спросила: — Что, поедешь во дворец Светлейшего Эмпириэля?

— Да, конечно, — саркастически улыбнулся я в ответ. — Я ж ещё не все шутки пошутил при дворе Правителя Светлого Леса! И не везде назвенел бубенцами!

От последней фразы мы трое неудержимо расхохотались. Продышавшись, я попробовал взять хоть сколько-то серьёзный тон:

— Уф... Нет, конечно, пусть вон мастера Олл и Опп отдуваются. Я с вами поеду, куда ж вы без меня?

— И то верно, — протянула сестра с отчётливыми интонациями Насти. — Заплутаем в Вольной Степи и будем скитаться сорок лет. Боюсь, такой задержки на помолвку мне не простят...

— Да и в целом, — сказал я уже достаточно спокойно, — у нас не так много времени. Одно дело отыскать информацию — хоть какую-то. Другое же дело — пустить её в ход и окончательно разобраться с божественной инвазией.

— А ты прав, — согласился точно Костя. — Полгода не такой великий срок. Кстати, стоит напрямь Арайгниэля — ну и имя! — пусть он нас с этой «Милостью Леса» до границ и проводит.

— Хорошая мысль! — поддержал я. — Вот после грядущего торжественного ужина в нашу с вами честь ты и ангажируй паутинного стража на работу извозчиком-проводником. Может, тут его каменное самообладание окончательно треснет...

— А что такого? — непонимающе удивился Константин и продолжил слегка лукаво: — Вряд ли Светлейший отменял свою волю о сопровождении нас.

— Может, и так... — покивал я в задумчивом согласии.

— Ой, да какая разница, — сказала Анаис, — будет это знакомый паучок или какой-то другой. Нам ехать, а не шашечки.

— Так, драгоценные мои, — произнёс я, отставляя уже совершенно пустой кубок. — На ваши вопросы я поотвечал, теперь надо отцу нашему Эрру всё подробно описать. Будьте добры дать мне связь-камень.

— Да, держи, — проговорил Его Высочество, вручая мне уникальное для этого мира средство связи.

Удалившись в свою спальню и пару минут посовещавшись с Таором о том, как же нам всё-таки описать происшедшее, не упоминая меня, мы пришли к выводу, что ограничимся полуправдой и подадим случившееся, как применение древнейшей методики расслоения сознания на несколько потоков, обладающих квази-самостоятельностью. Пока же полудемон укладывал события насыщенного утра в строки отчёта, я думал: «Может, оно и не очень правильно — скрываться от столь могущественного разумного? Владыка производит впечатление на редкость адекватного существа и уж точно не стал бы сходу совершать местный аналог экзорцизма. Хотя... Он наверняка не послал бы нас всех разбираться с катастрофой у светлых, но с большей вероятностью “выпотрошил” бы все наши знания — мягко при согласии, и жёстко — без. Одно хорошо: мы безразрывно, кажется, связаны — каждый со своим носителем».

Замечтавшись о несбывшихся путях, по которым могла пойти наша история и вообще жизнь Подземья, обогащённая идеями технологической цивилизации, я и не заметил, что полуэльф уже завершил упражнения в эпистолярно-бюрократическом жанре и также погрузился в глубокие размышления.

Выйдя в общий зал, я снова не застал монарших близнецов: видимо, убыли к магам из Коллегии. Несколько неожиданно оказавшись в одиночестве, я уселся за уже девственно пустой и чистый стол, выложил перед собой камень связи и впал в некую прострацию.

«Как, оказывается, непривычно бывает от таких вот внезапных пауз, — лениво размышлял я, развалившись не удивительно удобном стуле с моховым покрытием. — Всего три часа назад рисковал всем собой, а теперь сижу в сытости, безопасности и совершенно ничем не обременённый. И что теперь делать ещё часов пять, оставшихся до торжественного ужина, я решительно не представляю...»

Но бездеятельность моя продлилась весьма недолго — буквально четверть часа спустя связь-камень подал сигнал: то Владыка Эрр прочёл отчёт и задал мне десяток уточняющих вопросов. А ещё получасом позже вернулись брат и сестра, и о скуке можно было забыть окончательно: сначала у меня реквизировали планшет, в смысле — камень связи, так же желая пообщаться с отцом, а по завершении переписки утянули в сложносочинённую настольную игру, весьма сильно напоминающую шахматы на троих на шестиугольном поле. Сражение умов требовало изрядной концентрации не только из-за сложности правил, но и благодаря необходимости поддерживать объёмные иллюзии доски и фигур. Так и пролетело оставшееся до ужина свободное время.

В семь часов пополудни Их Высочества и я, одевшись по возможности максимально парадно, проследовали в уже знакомую Большую Трапезную. Которая сегодня, впрочем, предстала буквально в новом свете: и за панорамным витражом сгущались вечерние тени от косых лучей солнца, и весь сводчатый потолок слегка мерцал волшебными огоньками всех оттенков фиолетового и лавандового. Кроме того, изменился и стол: из круга его дорастили до ещё большего овала на пять десятков персон и сервировали на этот раз исключительно блюдами тёмной кухни и соответствующими приборами.

Всё это смогло нивелировать все те тонны тяжеловесных славословий, звучавших и в начале ужина (занявших чуть ли не половину часа!), и в его завершении, где каждого тёмного велеречиво поблагодарил ещё раз каждый из присутствующих светлых магов и сановников. Утомлённый церемониалом и необходимостью участвовать в нём на равных с близнецами Таор так феерично и виртуозно разбрюзжался под конец, что даже мне стоило большого труда не выпустить на наше общее с ним лицо совершенно неуместную ухмылку.

С последовавшей после ужина чередой условно неформальных бесед с высшими представителями Детей Леса удалось справиться на удивление быстро, и в покои я вернулся всего каких-то три часа спустя, наговорившись на ближайшее время по самые кончики ушей. Даже в голове было звонко и пусто от многократных повторений однотипных монологов. Посочувствовав Энну и Эне, увязшим в разговорах много серьёзней, я наскоро принял душ и с усталым выдохом повалился на кровать. Засыпая, едва успел подумать: «Интересно, нас всё-таки Арайгниэль сопровождать до границы будет или кто-то другой?»

Глава двадцать вторая

Медитация-галоп

В этой главе у главного героя обнаруживается неожиданный талант.

Новое утро началось на диво хорошо: привычная зарядка в простейшей одежде, причисленной мною к лику спортивных, быстрый душ, и начало полноценного завтрака — всё это прошло в одиночестве. Их Высочества появились, когда моя порция излюбленных утренних яств уже подошла к концу. По их юному и прекрасному даже в столь ранний час виду нельзя было судить о нарушенном режиме, но вот едва замедленные движения в начале зарядки, выполняемой ими совершенно синхронно, давали знать о пережитом ввечеру утомлении. Повторно, после душа, выйдя в общий зал, близнецы уже безо всяких сомнений являли собой полностью бодрых и деловитых разумных. Свои порции брат и сестра уничтожили аккуратно и молниеносно, и лишь по завершении трапезы тёмный принц обратился ко мне:

— Таор, как вчера выяснилось, Арайгниэль «почтёт за честь сопровождать нас по всему Светлому Лесу».

— Это если опустить все эпитеты и политесы, — вступила в разговор Эна, — которые, о брат наш, ты имел бы несказанное удовольствие выслушать, не покинь ты нас столь рано и столь вероломно.

— Прости меня, о сестра моя, — почти по-настоящему понурился и повинился я. — И ты, о брат мой, прости меня, что оставил вас в столь трудный час великого испытания неиссякаемой благодарностью народа Светлого Леса, восторженного деяниями нашими. Но буде я пробыл бы там ещё хоть четверть час, то, боюсь, не смог бы совладать с характером своим и непременно отчудил бы нечто.

— Ох, не дай Тьма, — одновременно воскликнули венценосные тёмные.

— Так, по существу, — продолжил Энн. — После завтрака главный страж уже будет ждать нас.

— Отлично! — тут же воскликнул я. — Сил моих уже никаких нет быть среди Светлого Леса, будь он вовеки зелен!

После чего вскочил и буквально вприпрыжку побежал собирать немудрящие свои пожитки и облачаться в походные одежды.

Всё это не заняло много времени ни у меня, ни у брата и сестры. Когда со сборами было покончено, вездесущие услужливые юнцы светлых подхватили нашу поклажу и проводили нас во двор.

Снаружи, у самого входа, нас традиционно встретил Хранитель Имения Гуиндиэль и долго, церемонно и умеренно пафосно прощался. Подошедший чуть позже Арайгниэль был по-деловому краток в своих речах, по завершении которых указал на уже полностью готовых пантер, недоверчиво косящихся на вновь появившиеся тюки и сумки, и смиренно стоящую поодаль мышастую свою лошадку. Молниеносно вскочив в сёдла и не менее быстро пристегнувшись, мы направили своих когтистых скакунов вслед за скакуньей копытной. Шагом выехав со двора поляны и подивившись благодатным изменениям, всюю проступающим по поражённому ранее Светлому Лесу, наша малая кавалькада, всё ускоряясь,

понеслась на северо-запад. На дороге теперь не было магов защитной цепи, и даже их мелодичные заклинания едва доносились издали, из глубин территорий имения Её Высочества Алуринель, что миг за миг становились всё более живыми: на скаку глаз успевал ухватывать и обильно зеленеющие травы, и ожившие кустарники в молодой листве, и наливающуюся живыми соками кору лесных гигантов, что понемногу стали восстанавливать свои пышнейшие кроны.

Двумя же десятками минут позже, когда пантеры и лошадь уверенно взяли в галоп, вокруг процессии будто сам собой соткался текуче-стеклистый тоннель, смазавший окружающий пейзаж в неразличимые полосы. Причём сегодня создавалось отчётливое ощущение, что движемся мы даже быстрее предыдущего раза — будто «Милость Леса» зависла не только (и не столько) от проводника, но и от самого Леса, однозначно имеющего свою волю и являющего нам благосклонность.

Час сменялся часом, дорога стелилась под лапы и копыта, в голове моей витали совершенно умиротворённые мысли. На исходе пятого часа пути Арайгниэль стал постепенно замедляться, стенки волшебного тоннеля истончились до полной прозрачности, и на восстановленный ивовый мост наша процессия вступила шагом и при полной видимости. Контраст с виденным нами всего четыре дня назад поражал: все четыре дерева были полны сил и здоровья, и будто каждым движением обильной листвы радовались занять привычное положение, склонясь идеальной аркой над водой и неразлучно переплетаясь ветвями.

Из-за грани доносится негромкий, затихающий перестук и мастерское: «Ну нет — так нет».

Миновав оживлённое чудо светлоэльфийского мостостроения и древоводства, мы вскоре добрались до комфортабельного места привала, располагающегося уже «под сенью ветвей Древа Возращения». Проведя там едва ли три четверти часа, коих с лихвой хватило и на основательный перекус, и на отдых скакунам, волшебным образом почти не уставшим. Да и я сам почти не чувствовал утомления — а ведь провёл в седле пять часов!

«Да, такова светлая магия, — думал я, снова забираясь в седло бодро переминающейся с лапы на лапу Мрры. — Действует тихо, мягко, эдак исподволь. Что еда их зачарованная, что дорожная волшба. Да даже защитные чары чем-то похожи, — припомнился мне научный совет. — Больше отводы в стороны, чем прямой и жёсткий блок. Прямо аж даже любопытство одолевает — а какова собой боевая магия светлоухих?»

«О, коллега, — оживился Таор. — Могу сказать так: всякая. Столь же разнообразна, как и вся природа. Я, конечно, с ними не сражался, но читал множество древних книг, описывающих битвы, некогда случавшиеся между Подземьем и Светлым Лесом. И “тихими и мягкими” их боевые чары не назовёшь. Это в бытовых плетениях у детей Леса проявлен растительный характер, а в бранных же — так и вполне животный, я бы даже сказал — звериный. И я бы воздержался от личного знакомства с таким колдовством».

«Как и я, коллега, как и я, — подумал я согласительно. — Лично — однозначно нет, а вот издадека!..»

«Ну разве что издадека!» — мысленно хохотнул полудемон и замолк.

Сосредоточился на вновь нарастающем темпе скачки и я, погасив досужие домыслы и постепенно вливаясь в благотворно влияющую на всё моё сознание динамическую медитацию. Опять час утекал за часом под мерный топот ездовых зверей, и лишь медленно-медленно убывающий свет говорил о неудержимом беге времени.

К вечерней заре, отмахав ещё пять с малостью часов, наша компания остановилась у привального места, не сильно отличающегося от виденных ранее. Привычные корни-стены и корни-лавки приютили нас, а чистейший родник манил журчащим обещанием свежести. Рассёдлывая скакунов, мы все — даже Арайгниэль — перешли на просто уважительное обращение друг к другу, оставив вершины этикета для дворцов и имений. Весь вечер прошёл очень спокойно и достаточно банально: кулеш на ужин готовил я, еле удержав Таора от добавления йяай в общий котёл, посуду после еды совершенно молча собрал и перемыл главный страж, он же испросил себе последнее дежурство, которое Эна с тихой радостью отдала. Быстро минул ежевечерний отчёт Владыке Эрру, занявший по тройке строчек от меня и Их Высочеств, которые затем быстро отбыли ко сну. Я же традиционно остался на первое дежурство.

Из-за грани доносится негромкий, затихающий перестук.

Поддерживая едва тлеющий и нужный уже больше для уюта костерок, я бдительно оглядывал окрестности, исподволь любуясь танцем светлячков, и вспоминал: «А лихо у светлых с дровами получается. Вон Арайгниэль сегодня руку к коре исполина приложил, пошептал чего-то, наверху кракнуло, прошелестело и рядом упали прям сразу кучкой сухие сучья и ветки. Красота! Сколько же ещё интересных умений хранит сей славный страж из Древа Паутин? Да и все остальные светлоухие... Как же хорошо, что нас занесло в мирную эпоху добрососедства!»

В таких размышлениях и прошли два с половиной часа моего бдения, не принёсшие ровным счётом никаких событий. Сдав пост легко проснувшемуся брату, я резво нырнул в спальник и моментально забылся глубоким сном.

Весь следующий день, начавшийся с банального походного утра, сдобренного комфортом обустроенной Детьми Леса стоянки, продолжился совершенно незамысловатым образом, повторяя день предыдущий: пять часов транс-скачки, короткий обеденный привал, снова пять часов в седле и в специфической медитации. Замедляясь к наступлению сумерек, мы подъехали к перекрёстку и свернули на юго-запад, направив свой путь по дороге, разделяющей сень ветвей Древа Возращения и Древа Сбора.

Вечер, обиход скакунов, ужин, отчёт — всё это было скопировано со дня вчерашнего. Вновь высиживая первую стражу и ощутимо наслаждаясь тишайшими звуками Светлого Леса и многоцветными танцами светящихся насекомых, я размышлял: «И вот опять она, лесная сказка и практически идиллия! Видимо, у нас всех эдакая заслуженная передышка. Ну, я очень на это надеюсь».

Из-за грани доносится негромкий, затихающий перестук и мастерское: «Да что ж такое? Дайс, что ли, сменить?..»

По надеждам и вышло — весь тридцать шестой день мой в этом мире не происходило решительно ничего примечательного, кроме вечернего пересечения моста через Вторечку, после которого дорога стала всё заметнее уходить к югу.

Ужин на сей раз готовил Арайгниэль, поразив нашу тёмную троицу совершенно неопишуемым вкусом банального, казалось бы, густого супа. Благодарности Их Высочеств и мои так и не смогли изменить вечное выражение вежливого спокойствия на лице главного стража, но глаза выдавали его с головой — особисту точно было приятно. Последующая ночь, к нашему общему счастью, не баловала никакими сюрпризами и происшествиями.

Выехав на следующее утро чуть раньше обычного, за день мы отмахали непредставимое количество лиг и почти доскакали до Большой Дороги, пересекающей магистралью Светлый

Лес с востока на запад. После особенно сытного ужина, спроворенного собственноручно, я, отправив кратчайший отчёт Владыке, наслаждался покоем. Развалившись у костра, глубоко вздохнул и пробормотал:

— Тихо-то как...

Из-за грани доносится негромкий, затихающий перестук.

И тут же ровно над нашими головами, в ветвях что-то солидно и басовито угукнуло.

— Тихо, я сказал, — тут же выдал я.

— Угу-у-у! — протяжно подтвердило сверху ещё басовее.

— Или я тихо сказал? — добавил я в голос суровости изо всех сил стараясь на заржать.

— Угу-гу-у! — гуднуло нечто, явно удаляясь.

Повисла немая пауза. Лишь долгие полминуты спустя, мы — все четверо! — переглянулись, странно хихикнули, а после дали себе волю и в голос похохотали над всей абсурдностью ситуации. Решив, видимо, что одного вида смеющегося захлѐб главного стража нам недостаточно, Арайгниэль, слегка косо нацепив выражение своей обычной невозмутимости, сказал мне:

— Уважаемый Таор, а Вы полны скрытых талантов! Рекомендую взрастить сей дар общения с птицами — ведь далеко не всякий светлый маг может переговорить эховую сову.

«Мать моя Тьма! — поразился я. — Да он шутит».

— Всенепременно, почтенный Арайгниэль, — ответил я в тон. — Уверен, глубокоуважаемый Савоирэль не преминет поделиться мудростью. Обязательно его посету при наличии пары-тройки свободных лет.

«Н-да, птицы, — подумалось мне чуть позже, на дежурстве. — Жаль, конечно, что Цапля всё ещё занята выше крыши. Уж она бы развернулась, даже не смотря на фатально плохие броски в самом начале. Ладно, уверен, что Света ещё успеет — хотя бы к финалу».

Ранним утром следующего дня наша кавалькада выехала на местный хайвей и так же погрузилась в транспортные чары, продолжив скоростное и абсолютно несобытийное путешествие на запад. День сменялся днём, пейзажи почти не распознавались из-за магии «Милости Леса», по той же причине не случалось никаких контактов с местными. Да даже на стоянках мы непременно оставались вчетвером, не заставая других разумных.

На исходе сорок первого дня моего пребывания в этом мире компания наша остановилась на последней для нас, тёмных, ночёвке в Светлом Лесу — мы были в десятке лиг от границы. Прошла ночь наравне с предыдущими — спокойно и рутинно.

Утром следующего дня ускоряющее колдовство уже и не потребовалось — оставалась суцая малость. Но и так, покрывая Большую Дорогу ходкой иноходью бодрых скакунов, мы почти не встретили ни Детей Леса, ни других разумных. Лишь изредка смутные тени проносились по тракту в ту или иную сторону.

«Так вот как со стороны смотрится эта весьма полезная магия, — враз догадался я, заметив первую такую тень. — Хм, а в нашем родном Подземье подобное же можно сотворить? Вот чему, блин, стоило поучиться! Хотя, — засомневался я, — вряд ли я один такой умный. Небось тёмные маги не одну тыщу лет в курсе. Просто такое нереализуемо, видать, без Леса... Эх...»

«Ничего, коллега, — вдруг донеслось утешительно от Таора, — не переживайте. На наш век секретов уж точно хватит. Вот, например, прямо сейчас мы едем разыскивать хоть что-то по гораздо более важному поводу, чем проблема скоростного перемещения».

«Так-то оно, конечно, да, — протянул я в ответ. — Но вот я как представлю, сколько

нам придётся тащиться в составе официальной делегации тёмных до столицы Хуух-Дууд Салхинов, так мне чего-то дурно становится».

«Что поделать? — риторически и философски спросил полудемон. — Положение обязывает. Мы и так в Светлом Лесу прошли по граням дозволенного протоколом. Да и времени-то у нас хватает: зима и её первое новолуние ещё не скоро».

«Что ж... — мысленно развёл я руками. — Будем ехать подобающе и приличествующе. Ну хоть готовить не надо и о целой куче мелочей можно не заботиться».

Спустя полчаса ненапрягающей, но весьма бодрой скачки, наша процессия приблизилась к огромной, высотой и шириной под дюжину метров, арке. Образована она была двумя колоссальными дубами, чьи мощные стволы на вершине проёма срастались в один, возвышавшийся ещё пару десятков метров. И вот тут уже стало весьма многоэльфно: буквально каждые пару минут на правой стороне Большой Дороги замечаемые ранее тени замедлялись, обретали очертания и являли утреннему солнцу разнообразных светлых. На левой же стороне всё повторялось в обратном порядке. Замечавшие нас Дети Леса кратко, но крайне уважительно кланялись. Приходилось соответствовать образу, держаться в седле с достоинством и раздавать милостивые наклоны головы в ответ.

Стражи, дюжина которых растянулась под аркой для проверки прибывающих и убывающих, синхронно взяли на караул по-светлоэльфийски и хором провозгласили на тёмноэльфийском что-то умеренно пафосное о радости и благодарности — вслушиваться в их хор не было никакого желания. Поочередно церемонно, но весьма тепло распрощавшись с Арайгниэлем, наша (снова!) тройца покинула пределы Светлого Леса.

Глава двадцать третья

Тентакли очень длинные

В этой главе герои встречают нечто новое.

Проскакав ещё около лиги на запад, мы подъехали к масштабной развилке — здесь Большая Дорога упиралась в Караванный Тракт, идущий с севера на юг сначала точно по границе между вотчинами тёмных и светлых эльфов, а после — по Вольной Степи прямо до самой столицы Детей Ветра. Вполне логично, что столь важное во всех смыслах место не могло остаться без постоянного наблюдения: на стороне Тени Великих Гор возвышался привычного вида форт, больше похожий на группу небольших скал, окружённых естественно выглядящей стеной из колоссальных валунов. В столь хорошее место, овеянное духом родного Подземья заезжать мы, конечно же, не стали — нас уже ожидали намного южнее, на границе с владениями Хуух-Дууд Салхинов. Посему Их Высочества и я решительно развернули пантер налево, на юг, и пустились во весь опор. Явно обрадованные сменой окружающей обстановки когтистые скакуны без понуканий перешли в размашистую рысь — плиты тракта так и замелькали под их лапами.

По правую руку вдалеке вздымались горы, по левую — Светлый Лес, солнце взбиралось всё выше, и приходилось щурить глаза от его ярких лучей. Чуть больше четырёх часов спустя ездовые звери стали всё чаще переходить на шаг, молчаливо взывая к отдыху. Ещё двумя десятками минут позднее справа от дороги, на невысоком холме, обнаружилась уже и нами, всадниками, взыскуемая стоянка, оборудованная по обычаям тёмных эльфов: три длинных мегалита были уложены буквой «П», свободной своей стороной смотрящей на восток, на северной же стороне пробивался небольшой родничок. Разгружая и рассёдывая глухо порывающую Мрру, я думал: «Понимаю тебя, зверюга, теперь посложнее будет — нету больше лесного колдовства, своими силами справляться станем».

Обиходив кошек и оставив их лениво нежиться в теньке, мы и сами предались отдыху, неторопливо насыщаясь. Его, отдыха, и нам, и пантерам сегодня потребовалось больше, да и стоило переждать самое пекло — как-никак третья луна лета началась не так уж и давно, и погоды стояли весьма жаркие, что особенно ощущалось на открытой местности, где даже ветер, ровно и мерно дующий с юга, был не очень-то и освежающий. Лишь через полтора часа ленивого и бездумного бездействия я и близнецы несколько воспряли, умылись бодряще прохладной водой, растолкали всю дрыхнувших животин, резво оседлали и навьючили на них наши пожитки и потихоньку тронулись.

Снова час потёк за часом, рысь сменялась с тихой на размашистую, на тракте было достаточно пустынно: редко когда мы обгоняли одинокие повозки или всадников, ещё реже нам кто-то попадался навстречу.

«Ну, оно и понятно, — думалось мне по пути, — не тот сезон для поездок: всё же этот мир хоть и магический, но больше аграрный и животноводческий, чем индустриальный. Так что и занятость разумных в большей степени вокруг природных процессов и строится. Ну, мне так кажется, по крайней мере. Опять же, в памяти Таора большие торговые караваны прибывали в столицу именно осенью».

В таких вот немудрёных размышлениях я и проводил время, мерно покачиваясь в седле.

С последними лучами заходящего за Великие Горы светила мы достигли очередного форта тёмных — малого на этот раз, стоящего справа и чуть в отдалении от дороги, — к нему вело кроткое ответвление от тракта. Слева же была обустроена стоянка, рассчитанная как бы не на сотню разумных разом: над огромной площадью распростёр мощнейшие ветви клён-великан, накрывая ими с дюжину мегалитических «П», чуть дальше виднелся немалых размеров пруд, обросший по берегам буйно зеленеющим кустарником, оставляющим однако много удобных подходов к воде.

Сначала Энн, а за ним и мы с сестрой затормозили. Подъехав к тёмному принцу и озадаченно глянув на его несколько задумчивое лицо, Её Высочество спросила с отчетливыми интонациями Анаис:

— Чего стоим? Кого ждём? — и не дав и секунды на ответ, она тут же продолжила: — Однозначно ночуем сегодня в форте! Там душ, кровать и не походная еда!

— А ещё там рамки этикета и стражи с политесами, — неожиданно даже для себя встрял я, скорее из чувства противоречия — в душ-то тоже хотелось.

— Да хоть с реверансами! — улыбнулась Настя, явно представив что-то странное. — Я, на минуточку, принцесса. И я желаю комфорта. Вы же, братцы мои остроухие, можете и дальше наслаждаться походным отдыхом и уютом спальника.

— О сестра наша остроухая, — неожиданно отмер Костя, — конечно же мы тоже жаждем комфорта и уюта. Это я просто что-то задумался и замечтался о реализации государственных трактиров. Очень, знаете ли, странно, что тут даже и частного нет, — договорив, он первым пустил пантеру в сторону форта мягким шагом.

Последовали за ним и мы, задумавшись о незамеченной ранее нами странности: как-то ни одного заведения дорожного общепита нам не повстречалось — ни у тёмных, ни у светлых.

«Подождите, — думал я, отдав Таору на откуп все приветствия с местными стражами из, наверняка, Дома Западных Границ, — как так-то? Как это — нет трактиров? То есть до оборудования стоянок на определённых расстояниях у местных мысль дошла, а до того, что можно сделать чуть больше и брать за постой деньги — нет? Непонятное».

Так и не придя ни к каким выводам, я обнаружил, что полудемон уже сдал Мрру подоспевшему юному котюху и следует за младшим стражем в отведённую комнату. Которая с точностью копировала комнату в Малой Заставе, приютившей нас двадцать два дня назад. За нехитрыми банными процедурами в привычной каменной душевой мы с полуэльфом испытали двойственные эмоции: с одной стороны — мыло и шампунь с ароматами мха и горячего камня были чудо как хороши и навевали ощущение дома и родины, а с другой — многообразие запахов в косметике светлых оставляло широкие возможности для выбора и позволяло модулировать настроение, совмещая омовение и ароматерапию.

Ужинали Их Высочества и я в небольшой столовой, где нам подали обильную и простому вкусную еду. Молчаливую компанию с нашего соизволения составлял нам Есс, комендант местного форта. Отличался он не просто невозмутимостью, а даже и некой долей пофигизма ко всему, не относящемуся напрямую к вверенному ему подразделению: нам не было задано ни одного, даже окольно-наводящего вопроса о нашем путешествии. Лишь по завершении трапезы тёмный страж обратился к Энну:

— О Ваше Высочество мастер Энн, прикажете организовать кортеж поутру?

— Благодарю тебя, Есс, — ответил тёмный принц, — но нет. Мы на своей земле, а всего в дневном переходе нас уже ожидают.

— Да будет так, Ваше Высочество, — с видимой благодарностью поклонился комендант, после чего церемонно распрощался и удалился.

Не стала задерживаться и наша троица, по невесть откуда взявшейся традиции собравшись у меня в комнате для совместного написания отцу нашему Владыке Эрру вновь неимоверно краткого отчёта, который сегодня был во многом лишён формальностей и больше напоминал разговор детей и отца, пусть и находящихся на вершине одного из трёх народов мира, но всё же успевающих найти время и силы на проявление любви и заботы друг о друге. Лично мне в этот момент оставалось лишь тихо радоваться и умиляться семейной идиллии. Спать разошлись мы далеко не сразу, болтая о всяких пустяках и вспоминая весёлые моменты в Светлом Лесу.

Банальное утро и последующая скачка отлично отдохнувших нас на не менее отдохнувших пантерах не запомнились решительно ничем. Равно как и обеденная днёвка, проведённая среди очередных мегалитов.

Вновь раскачиваясь в седле мерно рысящей Мрры и чуть щурясь от медленно клонящегося к западу солнца, я лениво обзирал достаточно однообразные окрестности.

Из-за грани доносится негромкий, затихающий перестук.

И тут, совершенно внезапно, ровно перед скачущим впереди Энном крайне знакомо сверкнуло всеми цветами сразу и раздался резкий треск.

Из-за грани слышится повторяющийся перестук двадцатигранников. Время будто замедляет бег.

Одним моментом мы осаживаем недовольно взрыкнувших зверей, одновременно поднимая тройной щит вокруг нашей компании, и видим, как из всецветно сияющего пролома начинает протискиваться нечто неопишное, состоящее, кажется, из одних только покрытых багровой слизью синюшных многометровых щупалец толщиной с ногу и множества десятков глаз, растущих на белёсых стебельках из центра мешанины непрерывно шевелящихся тентаклей. Отвращение и омерзение обрушились на нас, и даже ментальный щит, повешенный вдогонку к прочим, лишь слегка пригасил вал гадливости.

Выпростав в наш мир не меньше дюжины отростков, тварь сфокусировала большую часть глаз на защите и обрушила на неё молниеносную атаку, перетянув мерзкими конечностями ощутимо дрогнувший купол.

В следующий миг в нежданное никем существо полетели три весьма мощных подарка: мой огненный шар, сжатый до раскалённой точки, пяток кинжалов Тьмы от Эны и столько же острейших каменных пик от тёмного принца.

Тьма и камень навсегда лишили демона (кажется) десяти глаз, а мой шарик, попав в одно из щупалец у самого его основания, сдетонировал внутри нездорово выглядящей плоти, взрывом оторвав отросток, расплескавший по округе и щиту совершенно невероятное количество иссиня-чёрной крови.

Всё это совпало с моментом полного проникновения твари в этот мир. Стоило разлому захлопнуться, а чудовищу потерять часть глаз и одну конечность, как в самой сердцевине клубка бугрящейся плоти открылась невообразимо широкая пасть, полная многорядьем треугольных зубов, и на нас рухнули парализующий вопль и ошеломляющее зловоние, проникшее даже сквозь защиту. Оставалось лишь возблагодарить крепкий тёмноэльфийский желудок и гранитную психику — никто из нашей троицы даже не поморщился!

Самым неприятным открытием стал следующий манёвр монстра: пока мы выплетали чары для второй атаки, пришелец одним из щупалец подхватил оторванное и закинул его

себе в пасть, остальными же снова ударил по щиту, который дрогнул уже много ошутимей — тентаклей на него пало в два раз больше.

«Ну хоть молчит, пока жуёт, — мимоходом подумал я, доплетая огненный луч. — Что? Оно ещё и регенерирует?!»

И впрямь — на месте споро зарубцевавшейся жуткой раны отрастал новый тентакль, увеличиваясь с невероятной скоростью, а на непрестанно шевелящихся стебельках словно гнусные почки за единую секунду набухли и раскрылись новые глаза, которые тут же были срезаны наравне с остальными раскалённой тончайшей струной пламени, вылетевшей из моей правой руки.

Миг спустя, в только начавший раскрываться для нового ора жуткий рот твари влетела многолучевая звезда, сотканная из всех оттенков мрака, и тут же взорвалась, прошив насквозь мерзкие тела в сотне мест. Следом из каменных плит тракта выстрелили вверх десятки гарпунов с зазубренными наконечниками, что вознеслись к небесам в туче брызг крови, вновь оросившей всю округу, и моментально рухнули вниз, дробя центр кубла щупалец буквально в кашу.

Тентакли, терзавшие купол, опали и резко сократились, стягиваясь к поражённому основанию, кое стало тошнотворно бурлить, усиленно восстанавливаясь.

— В яму и сжечь! — кратко и ёмко выдала отличную идею Её Высочество.

Так мы с Энном и поступили: повинувшись жесту и речитативу тёмного принца, дорога под монстром ухнула вниз, становясь широким колодцем, куда пала туша, уже отрацивающая себе новые гляделки; секундой позже я завершил новые чары, явившие миру полыхающую печать Огня, поршнем вдавившуюся в яму и долгие пять ударов сердца пережигавшую истово сопротивляющееся нечто.

Едчайший дым и пресквернейшее зловоние, несомые на нас жарким южным ветром, вкупе с колоссальным расходом сил едва не отправили меня в бессознательное состояние — лишь на одной воле и недюжинном любопытстве я устоял на пороге обморока.

— Мать моя Тьма... — просипел я потрясённо, продышавшись. — Что это было?

— Если кто и знает — то это не я, — отозвался тихо Костя, внимательно всматривающийся в уже почти не чающую яму с высоты седла, и добавил: — И Энн тоже.

— И мы... — несколько замедленно сказала Настя.

«Так же и я, коллега, — услышал я мысленный голос Таора, звучащий весьма опарашенно. — Нахожусь, знаете ли, в изрядном недоумении: ни разу даже намёка на подобное не встречал. А уж расход сил на печать Огня и вовсе за гранью!»

— Сдаётся мне, друзья мои, — пробормотал я вслух, — из всех здесь присутствующих никто ни разу не глубокий специалист по порождениям Бездны. Посему оставим теорию учёным мужам...

— А сами займёмся вновь практикой, — внезапно перебил меня Его Высочество, после своих слов занявшийся восстановлением дороги и поднятием на поверхность неаппетитно выглядящей кучи горелого.

Развеивая защиту, я и Эна направили пантер мимо смердящих останков. Внезапно подруга-и-сестра спросила:

— Слушай, а чего оно всё не сгорело до мелкого пепла?

— А чёрт его знает, — ответил я. — Может, из-за невероятной регенерации монстра, а может, из-за закла — сейчас была печать Огня, а не всеожжение. Оно ж касания требует! А трогать такое как-то не с руки — ни с правой, ни с левой.

— И то верно... — согласно протянула Анаис.

После мы вместе оглянулись на нашего брата-и-друга и обнаружили того что-то сосредоточенно записывающим и не обращающим внимания на Кссу, медленно-медленно пятящуюся подальше от чёрной горки. Присмотревшись, обнаружили, что Энн достаточно быстро покрывает ровными строчками связь-камень. Заметив наше внимание, он пояснил:

— Пока воспоминания свежие... — а после ещё трёх строчек добавил: — И, да, Эна, будь добра зарисовать увиденное — у тебя художественный дар развит лучше.

— Да?! — изумилась та.

— Да, — покивал тёмный принц. — Я вот до сих пор помню, как Таор восхищался твоими детскими художествами в своих учебниках. А уж в каких словах он это всё доносил!

— Не было ничего такого! — тут же возмутилась Её Высочество и, протянув требовательно руку, сказала: — Ладно уж, только ради возможной славы первооткрывателей нового вида демонов!

А я молча наблюдал за этой милой сценой и радовался, что опасность миновала без потерь вовсе, не считая почти полностью опустошённого мной резерва.

Попередавав друг другу камень связи, наша троица быстро и точно описала (и обрисовала) происшедшее. А затем перед нами встал вопрос: что же делать с останками? Путём недолгих споров было решено всё же сохранить их для последующего изучения любопытствующими, заключив в каменный ящик с сопроводительной надписью на крышке. Тем и занялся Энн.

По завершении несколько странной, не сказать — дурацкой, процедуры мы снова двинулись в путь, почти не понукая пантер, всюю стремившихся покинуть источник горелой вони. Через час приятной скачки, подвыветрившей из мозга не самые приятные воспоминания, вдалеке стал заметен полный десяток тёмноэльфийских стражей, несущихся навстречу во весь опор. Увидев друг друга, кавалькады замедлились, остановились, и тут же начались стандартные приветствия, поклоны, милостивые наклоны монарших голов в ответ и прочий этикет тёмных, всё больше похожий в данный момент на воинский устав.

Встречал нас лично комендант Большого Пограничного форта, мастер-воин Урр из Дома Западных Границ. Кратко сообщив о происшествии на вверенной коменданту территории, Его Высочество дополнил, что останки неведомого демона ждут интересующихся в часе иноходью. Скупыми жестами капитан отрядил двух бдящих поблизости стражей за научным материалом, нам же досталось устное и вежливое предложение сопровождения. От которого, конечно же, никто и не подумал отказаться.

Вновь покачиваясь в седле постепенно разгоняющейся Мрры, я оглядывал несколько однообразную округу, радовался спокойствию и размышлял: «Интересно, из той горелой демонятины вообще хоть что-то можно будет понять? На кой близнецы её сохранили?»

«Как это “на кой”, коллега? — мысленно возмутился Таор. — Вы бы внимательней смотрели мою память, так увидели б всю мощь и красоту аналитических работ тёмных магов-учёных, способных по мельчайшим частям воссоздать точные и верные картины! А тут вон сколько материала осталось!»

«Ну если только так, — согласился я, — тогда да... — помолчав, я продолжил: — Видимо, череда столь невероятно спокойных дней, прерванная так внезапно, не могла не сказаться на врождённом моём любопытстве. Так что, коллега, это всё стресс, а вовсе не сомнения в способностях учёных Подземья».

«Ну если только так» — рефреном хохотнул полудемон и замолк.

Скакуны мчались, время текло, солнце постепенно клонилось к закату, стояла почти полная тишина, даже мысли в голове постепенно растворились.

К середине восьмого часа пополудни вдалеке показался и стал постепенно увеличиваться по мере приближения Большой Пограничный форт, традиционно представший в образе впечатляющего нагромождения вертикальных скал, будто волей природы выросших справа от тракта и окружённых тройным кольцом массивных валунов. При приближении стало возможным различить следы рук разумных, идеально вписавших в натуральную гармонию необходимую архитектуру.

Добравшись до внутреннего двора вся наша разросшаяся кавалькада остановилась, спешила, сдала кошек подоспевшим котюхам, а после комендант Урр, возвестил:

— О Ваши Высочества и уважаемый Таор, ваши комнаты готовы. Так же от имени официальной делегации, ожидающей вас, прошу присутствовать на общем ужине, что будет подан в парадной столовой через час.

— Благодарю тебя, мастер Урр, — ответил принц и согласился за всех нас: — Да будет так.

Нам с Эной осталось лишь молча кивнуть в подтверждение.

Направляясь вслед за сопровождающим, я думал: «Надо же — парадная столовая! Экать... Но, с другой стороны, и форт-то не зря Большой, тут народа сильно за сотню. Плюс всякие проезжающие. Так что место, где можно не просто поесть, но ещё и торжественно в особом случае, на который нехило тянет наше прибытие, точно необходимо».

Выделенная мне комната мало чем отличалась от других, занимаемых мной в фортах и заставах ранее, разве что была она малость побольше. С удовольствием приведя себя в порядок и потратив на это почти три четверти часа, я вышел из санузла и направился к принесённым расторопными слугами тюкам: следовало переодеться к ужину.

В столовой я оказался несколько раньше близнецов и убедился в её несомненной парадности и торжественности: размерами она была с половину теннисного корта, а над главенствующим местом монументального прямоугольного стола из чёрного камня, обильно уставленного блюдами и приборами на пять десятков персон, был вывешен личный штандарт Его Высочества Энна, третьего своего имени. Ожидая прибытия монарших особ, по свободному пространству по-тёмному помпезной трапезной рассредоточились группами по пять-семь разумных члены посольства. Первым (пока что) среди равных выделялся мастер-купец Ушш — глава Дома Купцов, ведущий тихую беседу ещё с двумя тёмными, отдалённо знакомыми Таору.

Собственно, мысленно вздохнувший полудемон и взял на себя всю непростую ношу официальных приветствий и вежливо-туманных ответов на осторожные вопросы. Правда, продлилось это весьма недолго — всего десяток минут спустя вошедшие в столовую Их Высочества вызвали моментом павшую тишину, нарушенную лично Энном лишь после того, как он воздвигся во главе стола и промолвил:

— Рад видеть вас, Дети Тьмы.

— Рады видеть Вас, о Ваше Высочество мастер Энн! — грянул хор тёмных в ответ.

Пока звучали аналогичные слова Её Высочества, я успел вскользь подумать: «Н-да, не умеет пока ещё брат являться, как Владыка Эрр: будто из ниоткуда и враз. Ну да наверняка ещё научится».

Тем временем вслед за принцем и принцессой присутствующие стали занимать за столом положенные места, мне же, как и всегда, досталось место справа от Энна. Сам ужин

тихо прошёл своим чередом, равно как и своеобразное краткое совещание, проведённое Его Высочеством и мастером Ушшем и вылившееся в официальное ознакомление с составом делегации и координацию общих планов. По завершении же было принято решение выдвигаться сразу же после раннего завтрака.

Остаток вечера прошёл единообразно с прочими, а последовавший глубочайший сон принёс отличное отдохновение. Равно как и рутинное утро уже привычных сборов в дальнюю дорогу не напрягло меня совершенно.

Таким образом во двор Большого Форта я вышел в совершенно благодушном состоянии и мысленно возблагодарил свой статус: «Слава Тьме, что я не прямой потомок Владыки и не глава Дома, а то пришлось бы ехать в карете. А так — скачи на пантере, любуйся просторами, что нам вскоре откроются, наслаждайся свежим ветром в лицо! Красота, да и только».

Вскоре построение кавалькады было завершено, и пять десятков всадников, сопровождающих две кареты, тронулись в путь. Моё место было почти в самой голове кортежа, сразу за хорошо знакомыми Таору мастером-воином Ёддом, являющимся начальником охраны каравана, и мастером-магом Ёттом, ставшим его заместителем на время пути. Оба они, к слову, занимали начальствующие позиции во Внутренней Страже Дома Владыки.

Меньше двадцати минут неторопливой скачки набирающего скорость каравана занял путь до границы с владениями Хуух-Дууд Салхинов, которая была, в сущности, вообще никак не обозначена — лишь Светлый Лес на востоке несколько внезапно закончился, и по левую руку от тракта взору открылась бескрайняя Вольная Степь. По правую же руку вдалеке ярко бликовала под утренним солнцем река Заката, образующая своим руслом в этой местности пологую дугу, которую по касательной встречал Караванный Тракт примерно в дне пути от границы.

Из-за грани доносится негромкий, затихающий перестук.

Собственно говоря, в том самом месте примыкания, где было обустроено место стоянки, имеющее удобный уступчатый спуск к воде, мы и устроились на ночлег. Укладываясь спать после сытного ужина, я подумал: «Интересно, Дети Ветра так показательно наплевательски относятся к своим границам из-за всепронизывающего их культуру духа свободы, или же тройки хищных птиц, периодически планировавших над нами, и есть дозорные?»

Следующее утро дало начало череде совершенно однообразных дней числом шестнадцать, за которые не происходило решительным образом ничего особенного, лишь ежевечерне показывалась всё увеличивающаяся местная луна, говорящая о завершении лета. Хотя по погоде это абсолютно не ощущалось: весь путь нас сопровождали ясное небо, устойчивый южный ветер и весьма ощутимая жара, лично мною воспринимаемая с непременным удовольствием, остальным же участникам посольства приходилось мужественно дожидаться привалов, заботливо обустроенных Хуух-Дууд Салхинами то возле небольших озёр, то неподалёку от бодрящих ручьёв.

Последним утром уже почти ушедшего лета мы покинули последний же привал: незадолго до обеда наша кавалькада должна была достичь столицы Вольной Степи — Тов-Хота, раскинувшегося по восточному берегу озера Тов-Нуур. Несколькими часами позже оно стало проявляться: чуть правее уходящего на юго-восток Караванного Тракта пологие холмы, заросшие желтеющими травами, стали понижаться и открывать взору нестерпимо

бликующий в лучах поднимающегося в зенит солнца немалых размеров овальной формы водоём.

Ещё часа полтора спустя на тракте стали всё чаще встречаться салхины: то всадники на несколько странно выглядящих лошадях, то гружёные или пустые повозки, и даже несколько групп пеших оборотней. Тому было вполне простое объяснение: и влево и вправо от тракта начали ответвляться дороги, ведущие вдоль обильно желтеющих полей, вольготно раскинувшихся вокруг предместий столицы. Естественно, посольство вызывало повышенное, но сдержанное внимание: со всё больше замедляющимися нами уважительно раскланивались, но вслух не приветствовали.

Чем медленнее шли пантеры, тем больше подробностей открывалось: разноцветье халатов-дэгэлов поражало воображение и явно многое говорило о статусах владельцев; ярлыки принадлежности к различным кланам украшали и одежды, и сбруи лошадей, и борта повозок, а среди встречаемых разумных стали заметны пары похожих-и-разных мужчин-близнецов и женщины, отличающиеся спокойной властностью в манере держать себя. Кроме того, на подступающих к тракту полях возможно было различить не только совершенно не знакомые мне злаки, но и вполне привычные дыни продолговатой формы и наливающиеся оранжевым янтарём тыквы, поражающие воображение своими размерами.

Когда мы уже проезжали через широчайший луг, охватывающий столицу и плотно заставленный самыми разнообразными юртами, осозналась самая приятная особенность: дувший всю поездку ровный и сильный южный ветер сменился лёгкими и свежими дуновениями, игривыми порывами набегавшими с запада и нёсшими упоительную прохладу с великого озера.

«О, похоже здесь не только природа постаралась, — думал я, всю разглядывая передвижные жилища оборотней, собравшихся в Тов-Хот к грядущему празднику, — но и маги Ветра наверняка: не могут такие лёгкие дуновения так значительно охлаждать немалую территорию, да ещё и все запахи пусть и невероятно аккуратного, но огромного же стойбища куда-то девать».

Хуух-Дууд Салхинов под приближающимися стенами столицы собралось и впрямь немало: всё пространство шириной с добрую лигу было занято, и всюду кипела жизнь — в иных местах в прямом смысле этого слова: то тут то там виднелись прямо-таки исполинских размеров котлы и казаны, исходящие паром. Но при этом до пространства тракта доносилась лишь озёрная свежесть и ничего более.

Спустя пару минут кавалькада наша достигла наконец врат Тов-Хота.

Глава двадцать четвертая

Женские разговоры

В этой главе повсюду соблюдается правило Бекдел.

Вполне ожидаемо массивные деревянные створки были настежь распахнуты, и через широкий проём сразу в двух направлениях спокойно шествовали и проезжали разумные. За всем этим только кажущимся хаотичным движением зорко наблюдали стражи в явно форменных дэгэлах с короткими полами, выглядывающими из-под ламеллярных доспехов, причём начальник их возвышался на массивном коне удивительно рыжей масти. Заметив наше приближение ещё издали, статный салхин в богато украшенном куйке что-то зычно скомандовал и медленно тронулся навстречу. Встреча произошла весьма символично — когда пантерам Ётта и Ёдда оставалось полшага до тени от высокой полукруглой арки ворот, указывающей в тот момент точно на север. Хуух-Дууд Салхины вокруг разошлись и остановились, сформировав широкий коридор, а выехавший вперёд богатырского телосложения страж провозгласил мощнейшим басом на языке Подземья:

— О Дети Тьмы из Древнейших и Древних Домов, я, Тарвага-боготур из Клана Золотой Кошмы, неизмеримо счастлив приветствовать вас!

— О Тарвага-боготур из Клана Золотой Кошмы, повелевающего Вольной Степью от моря до моря, — в тон салхину откликнулся мастер Ёдд на языке Вольной Степи, — рад и я, мастер-воин Ёдд из Дома Владыки, приветствовать тебя. Равно как и соратники мои счастливы безмерно.

Тут мне стоило приложить недюжинные старания, чтобы не дать самой что ни на есть идиотской ухмылке появиться на лице. Голова при этом родила ехидную мысль: «Прям вот щас пар из ушей пойдёт от счастья и радости! И это я светлоухих считал разговорчивыми. Не, похоже, что перевёртыши ничуть не молчаливей, и Ёдду приходится соответствовать».

— О уважаемые и почтенные Дети Тьмы, — продолжал меж тем мелодично басить раскосоглазый рыжеволосый здоровяк, — Вожди Клана Золотой Кошмы — Зараа и Шищуухей, да продлятся их дни в бесконечность, ожидают вас. Волею их, да не поколеблется она, я назначен вашим сопровождающим в пределах Великого Города Тов-Хот. Желаете ли проследовать напрямую к Дворцу Вождей?

— Да будет так, — ответил мастер Ёдд, уважительно кивнув оборотню.

Тарвага-боготур, не менее уважительно кивнув в ответ, развернул своего дюжего скакуна и пустил его вперёд шагом, став, так сказать, проводником для всей кавалькады тёмных.

Миновав ворота, мы оказались на широком, мощёном серым камнем проспекте, прямой линией пронзающим столицу Хуух-Дууд Салхинов с севера на юг. С ним в самом центре города встречалась пологая дуга набережной, образуя внушительную площадь, от которой отходила белокаменная дорога, ведущая строго на восток и плавно поднимающаяся на единственный в округе холм. На вершине же его в лучах высокого полуденного солнца сиял белоснежными стенами и золотым куполом крыши дворец Вождей, выстроенный в форме юрты совершенно циклопических размеров.

Да и в целом вся архитектура оборотней тяготела к круглым формам и невысокой

этажности, что в сочетании со строгой сеткой проспектов и улиц оставляло на всём пространстве столицы ощущение свободы. Неизменно свежие ветра в отсутствии заборов резво сновали по всему Тов-Хоту, рождали тысячу мелодичных посвистываний и скрадывали тысячеголосый гомон разумных, наводнивших Великий Город в преддверии праздника. Однако, не смотря на толпы оборотней, нашему провожающему не приходилось прилагать усилия для проезда или даже повышать голос — народ Вольной Степи сам загодя расступался, почтительно кланяясь процессии.

«Ого, как же многолю... э-э-э... много-салхинно, — думал я, следуя за мастерами Ёттом и Ёддом и оглядываясь. — И при этом всё вокруг тихо, мирно и удивительно чисто. Неужто здесь имеется канализация? Или я зря сомневаюсь в разумных, всего-то полтысячи лет назад ставших вести оседлый образ жизни? Что-то я совсем...»

Чем ближе мы подъезжали к центру столицы, тем шире и богаче становились дома-юрты, и тем больше вокруг них было пространства: некоторые круглые махины, несущие на своих стенах великолепные орнаменты — каждая в цветах одного клана, занимали по целому кварталу в одиночку.

Достигнув главной площади, западным своим краем спускающейся широкими ступенями к самой воде, наша кавалькада повернула на восток и стала подниматься к дворцу, в царственном уединении занимающему всю вершину солидного возвышения. С каждым шагом открывались всё новые и новые подробности Юрты Вождей: тонкий орнамент белого золота, покрывающий всю кипенно-белую штукатурку; потрясающие витражи с батальными сценами слева от входа и с мирно-романтическими — справа, искусно выполненные в круглых окнах, пятью рядами опоясывающих монументальное строение; шедевральная резьба, покрывающая балки будто бы сияющей светлой древесины, обрамляющие внушительных размеров двери, обе створки которых так же несли мастерские узоры, весьма напоминающие защитную вязь.

За десяток метров до гостеприимно распахнутых врат подъездная дорога стала расширяться, формируя небольшую треугольную площадь, на которой сразу перед порогом дворца выстроились встречающие во главе с близнецами Бургасом и Яст-Мелхием, сияющими не только парадными дэгэлами и драгоценными обручами-коронами, но и широкими улыбками, и лучащимися радостью глазами.

Посольский кортеж замедлился, раздался в две стороны, в середину выехала карета близнецов, умело разворачиваемая возницей. Всадники — ну и я, конечно же — спешились одномоментно, дверца распахнулась, и на белоснежный мрамор двора величаво выступил Его Высочество Энн, следом — не менее грациозно — Её Высочество Эна. Неведомым образом глаза принцев-оборотней засияли ещё сильнее, а по площади пронёсся очень похожий на тихий восхищённый выдох порыв свежего и игривого ветерка. Сыновья Вождей из Клана Золотой Кошмы шагнули вперёд и возвестили на языке Подземья неизменно превосходным дуэтом тенора и баса:

— О достойнейшие Дети Тьмы из Древнейшего Дома Владык, мы счастливы приветствовать вас! О почтенные Дети Тьмы из Древних Домов, мы рады встретить вас! Будьте гостями нашими!

С последними словами возле Яст-Мелхия возник достаточно скромно одетый на фоне остальных роскошеств юный оборотень, несущий поднос со сверкающим чайником солидных размеров, а возле Бургаса — юноша, держащий поднос с немалой пирамидкой пиал. Не прекращая славословий, монаршие перевёртыши лично наполнили две

белофарфоровые чаши неимоверно душистым молочным чаем. Следуя традициям, первому вручили угощение Энну — с полным достоинства полупоклоном Бургас протянул ему обеими руками пиалу с парящим напитком, после же Эну одарил Яст-Мелхий, склонившись при этом едва ли не ниже брата. Венценосные тёмные, приняв предложенное с симметричными поклонами и совершив по ритуальному глотку, ответили братьям-принцам не менее прекрасным дуэтом голосов, разразившись длиннющей речью.

Мало вслушиваясь в обороты пока ещё не очень привычного звучащего языка Вольной Степи, я тихонько перемещался за спины брата и сестры и думал: «Так, следующим меня будут поить, вроде бы, а потом уж Ушша и прочих Ёддов и Ёттов. Эх, лишь бы в этом белом чае было не так много жира и муки, а то помню я чтиво об обычаях Хуух-Дууд Салхинов: всюду масло да сало нутряное!»

Так и вышло: после тёмных близнецов пиалу мне — хотя в тот момент больше Таору — вручил Бургас, вместе со своим братом лично выразивший счастье от встречи. Ритуальный глоток наполнил рот мой странно-бодрящим, непривычным и густым напитком, вкусом своим напоминающим больше молочный суп с травами, подобранными в полнейшей гармонии. Сияясь различить состав чая, я окончательно отдал весь контроль за происходящим Таору.

После озвученного полудемоном ответа, церемония встречи пошла дальше, причём мастера Ушш, Ёдд и Ётт стали последними, кому венценосные салхины наливали чай вручную — дальше в ход пошла магия, а уж трём десяткам тёмных из охранения пиалы были направлены по воздуху одновременно, сопровождаемые единой на всех и не такой уж и длинной речью.

По завершении церемонии меньшая часть посольства, включающая Энна, Эну, меня и тёмных мастеров, направилась к дверям дворца-юрты. Широкий коридор, открывающийся за порогом, был устлан великолепнейшими коврами всех оттенков белого и золотого, важно переливающимися в свете огней магических лампад. Пройдя по нему, мы все оказались в сравнительно небольшом круглом зале, разделённом на две части не столько архитектурно, сколь интерьерно: правая от нас сторона на стенах несла драпировки кремово-пастельных тонов, а на полу — пару изящных узкогорлых ваз, расписанных растительными мотивами; слева же возвышались стойки с великолепными копьями, и поблёскивали хищного вида сабли, по одиночке занимавшие несколько настенных ковров со строгими геометрическими узорами.

Остановившись чуть дальше центра зала, братья Бургас и Яст-Мелхий повернулись к нам и сказали:

— О многославные Дети Тьмы из Древнейших и Древних Домов, для вас подготовлены покои. Хранители очагов мужской и женской половин дворца проводят вас и исполнят любое ваше указание. Чувствуйте себя как дома!

«Но не забывайте, что вы в гостях...» — подумалось мне, пока я, пропуская мимо ушей известие о торжественном обеде в честь нашего прибытия, исподтишка рассматривал двух Хранителей очага: то были статные и высокие салхин и салхини с абсолютно седыми волосами, ясными глазами цвета павшей листвы и с выражением лиц, уважительной бесстрастностью удивительно напомнившим Гуиндиэля.

«Видимо, дворецкие всех рас, — мелькнула у меня мысль, — да и всех миров, пожалуй, одинаковы в своей мимике. Если они, конечно, профессионалы».

Меж тем с уважительным поясным поклоном Хранители представились, и тёмных

мужчин за собой повёл Жербоа-сахиул, а единственную девушку — Хонь-сахиули.

Ступая вслед за Хранительницей очага женской половины дворца, Её Высочество Эна — да и Анаис тоже — отдыхала взглядом после стольких-то дней однообразного пути. Многочисленные картины и вазы на фоне полотнищ шёлка мягких оттенков радовали взор и вселяли лиричное настроение, хотя и казались тёмной принцессе несколько избыточными в своём изобилии.

Миновав тройку коридоров и пару поворотов, Хонь-сахиули остановилась около небольшой двери — светлого дерева, как и прочие во дворце, но с вывешенным на ней пергаментным ярлыком, несущим личный знак принцессы: цветок лаванды на чёрной горной вершине с белоснежным пиком. Седая салхини с поклоном открыла дверь и, грациозно поведя рукой, проговорила на языке Подземья глубоким и бархатно-мягким голосом:

— Прошу Вас, о Ваше Высочество принцесса Эна. Эти покои в Вашем полном распоряжении. Я лично и мои помощницы готовы в любой момент исполнить любое Ваше пожелание.

— Благодарю тебя, Хранительница Хонь, — уважительно ответила Эна, уже без раздумий перейдя на язык Вольной Степи.

Милостивым наклоном головы отпустив навверняка предельно занятую оборотницу, венценосная тёмная зашла в первую из анфилады округлых комнат и замерла на секунду в удивлении — вся обстановка будто копировала её личные покои: портьеры глубоких тонов фиолетового цвета скрывали стены и потолок, минимум мебели создавал ощущение знакомого уюта, а отсутствие столь любимых Хуух-Дууд Салхинами ковров, ваз и картин будило воспоминания о доме.

В лёгкой задумчивости от внезапно нахлынувшей ностальгии Эна прошла все четыре комнаты вплоть до последней, являющейся спальней, мимоходом отметила и её соответствие собственным вкусам, зашла в ванную комнату и вновь удивилась: санузел поражал белым полированным мрамором и обилием золота. Жёлтый металл бликовал в свете лампад — тоже золотых — буквально отовсюду: краны и их ручки, рамы многочисленных зеркал и бортик круглой ванной, даже унитаз не остался без позолоты и узоров.

Приводя себя в порядок, Её Высочество вела мысленный диалог с Настей, с которой за пять десятков дней, проведённых ближе, чем бок о бок, она успела крепко сдружиться.

— Да, Насть, — соглашалась Эна, — ты совершенно права: варварская роскошь. И термин замечательный — очень неплохо подходит к Хуух-Дууд Салхинам до начала их осёдлости.

— Пользуйся на здоровье, — отвечала Анаис. — Одно мне непонятно: вот оборотни, переделав комнаты по твоему вкусу, оставили нетронутой ванну, чтобы что? Поразить тебя?

— Вот уж не думаю... Яся и Буся, судя по покоям, меня успели неплохо узнать. А, как ты говоришь, «вот это вот всё» оставлено с целью моей постепенной адаптации. Я же сюда не просто в гости приехала!

— Это да, — протянула Анастасия. — Нам бы ещё до местных библиотек добраться. Если они, конечно, здесь есть.

— Конечно есть! — изумилась принцесса. — Яся же рассказывал, что мои труды занимают почётное место в библиотеке столицы. Забыла?

— Похоже на то, — согласилась Настя. — Ну, оно и не мудрено: не каждый день попадаешь в эдакое цыганское рококо.

— Куда? — удивлённо спросила Эна, и Анаис пришлось, в который уже раз, вдаваться в объяснения иномирских слов и понятий для сверхлюбопытной девушки.

Тремя четвертями часа позже, завершив омовение, Её Высочество, стоя в пушистейшем халате цвета лавандовой ночи, койи и аромат имел соответствующий, у небольшого шкафа выбирала наряд из предоставленных принимающей стороной — традиционным одеждам Подземья по вполне понятным причинам была дана отставка.

Из-за грани раздаётся затихающий перестук и мастерское: «Да ладно?.. То есть прям вот так? Ну-ка, проверим!» Перестук повторяется, затихает, мастер удивлённо хекает.

— Дождалась... — совершенно неожиданно проскрипел старческий хриплый голос из-за спины принцессы.

Та молниеносно обернулась, одновременно набрасывая на себя полог защитных чар. Её широко распахнутым глазам предстал смутный образ, сам собой ткущийся из сгущающегося воздуха в сизо-туманную фигуру согнутой старостью салхини, вещающей всё набирающим силу голосом:

— Сбылось по слову Салхи-Сонсоод! Предрекла мне последняя Слышащая Ветер, что праправнуки мои приведут в юрту тёмную невесту и братьев её! И будут те тёмные с двумя душами каждый алкать древних знаний о Хранительнице Мира! Знай же, дочь Тьмы, знай же, душа-странница, что гора Хойд-Оргил ждёт вас! Не медли — время на исходе...

С последними словами призрак согбенной оборотницы стал истаивать, а Эна поспешила сказать:

— Подождите! Кто Вы?

— Халиун-эмээ... — донесся до несказанно удивлённой венценосной тёмной затихающий голос от исчезающего силуэта, который мгновением позже вовсе померк — как и не было.

Машинально развеяв защиту, принцесса задумалась. Но не успела Эна — да и Настя тоже — хоть сколько-то проанализировать столь внезапно поданную информацию, как во входную дверь покоев деликатно постучали. Приняв вид, приличествующий монаршей особе, что легко удалось Её Высочеству даже в халате и пушистых тапочках, дочь Владыки ясно сказала: «Да!» и, грациозно ступая, направилась в первую комнату.

Словно дожидаясь принцессы, входная дверь покоев открылась, лишь когда Эна замерла в центре своеобразной прихожей, и в покои с непередаваемым изяществом вплыла дама, пребывающая в самом расцвете зрелой красоты. Едва обозначив наклон царственно сидящей головы с ниспадающим водопадом тёмно-русых прямых волос, украшенных золотым обручем, монаршая салхини на миг прикрыла светло-ореховые глаза, лучащиеся заботливой мудростью, и промолвила:

— Рада видеть тебя, принцесса Эна, прекрасная дочь великого Эрра. Я — Халиун, мать твоих женихов.

— Рада видеть Вас, почтеннейшая Халиун, — ответила тёмная принцесса, явственно и уважительно наклонив голову.

— Ох, дорогая моя, — неожиданно добавила лёгкости в глубокий свой голос оборотница, — можно и на «ты», ведь мы уже почти родня.

— Благодарю тебя, — спокойно приняла смягчение церемониала Эна, всё ещё пребывающая в лёгкой задумчивости и краем сознания уловившая мысль Анастасии: «Имена

дам совпадают не просто так!»

Заметив раздумья будущей невестки, проницательная жена Вождей сказала:

— Решила я навестить тебя, дабы помочь с выбором незнакомых нарядов, но слышится мне эхо растревоженных сил. Поведай же скорее, что здесь произошло?

— О мать женихов моих, тому назад минуту соткался призрак предо мной, — ответила Эна, решившая — на пару с Настей — не скрывать случившегося, но опустить некоторые «несущественные» детали. — Приняв салхини старой образ, поведал морок о предсказанном явлении меня и братьев, а после указал к Хранительнице Мира путь, направив нас к горе Хойд-Оргил. Не скрою — то было очень кстати.

— О Ветер Всевольный, как быстро... — очень тихо пробормотала Халиун, прикрыв глаза и продолжив после секундной паузы уже громче: — То был не морок, но действительно душа, не ушедшая отсюда: моя прабабка — Халиун-эмээ. Волею своею презрев смерть, она решила дожидаться непременно исполнения пророчества последней Салхи-Сонсоод, подруги своей — так рассказала мне мать моя. Но я не думала, что будет призрак столь поспешен!

— Однако я могу её понять, — проговорила принцесса и, поведя рукой в сторону единственной в помещении пары кушеток, предложила: — Прошу, свекровь, присядем — нам есть, что обсудить.

— О, это так, — с кивком согласилась царственная салхини и, элегантно усевшись, заговорила вновь: — Семнадцать сотен лет тому назад мудрейшая Тэмээ, последняя из Слышащих Ветер, перед уходом своим в прощальный раз явила миру дар редчайший, произнеся пророчество о тёмной деве, супругой станет что для принцев Золотой Кошмы, и о братьях девы той, что будут вместе с ней искать тропу к Хранительнице Мира. Ввиду великой странности предсказания сего в те времена, сохранила его лишь моя прабабка, явившаяся тебе в исполнении решимости передать слова прорицания лично. До меня же дошли лишь общие сведения и намёк на некую неизъяснимую тайну, связывающую тебя и братьев твоих.

— Да, это так, — ничтоже сумняшеся сказала Эна. — Но то не тайна, а общее дело на благо всего мира! Не так давно началась цепочка страннейших событий, приведшая меня и братьев в Светлый Лес, — пустилась она в недлинный, но ёмкий рассказ, открывающий удивлённой всё более и более явно Халиун подоплёку стремления детей Владыки Подземья узнать как можно больше о Хранительнице Мира.

— Так и получилось, — завершила повествование тёмная принцесса, — что мы искали знаний, но они сами нашли нас, пусть и столь замысловатым образом.

— Ветер Всевольный, — потрясённо проговорила царственная оборотница. — Воистину небывалое творится: коварная богиня с мертвящей аурой, несчастные светлые и вы, благородные тёмные, спасающие соседей... — замолчав на секунду, она продолжила вновь уверенным тоном: — Не останемся в стороне и мы, Хуух-Дууд Салхины — сегодня же я и мужья мои направим в Светлый Лес делегацию поддержки, а тебе, Эна, и братьям твоим — Энну и Таору — будет оказана всемерная поддержка в достижении пути к горе Хойд-Оргил.

— Благодарю тебя, — почтительно кивнула венценосная тёмная.

— Но всё это чуть позже, — с лукавой полуулыбкой сказала Халиун и, заметив лёгкое недоумение принцессы, добавила: — А прямо сейчас, если позволишь, я всё же помогу тебе с выбором дэгэла к торжественному обеду.

— Всенепременно позволю, — ответила Её Высочество, успевшая проникнуться доверием к мудрой салхини, столь по родному принявшей её.

Легко поднявшись с кушеток, оборотница и тёмная эльфийка подошли к не так давно покинутому Эной шкафу и погрузились в процесс примерок и подборов сочетаний цветов и оттенков: ведь к дэгэлу полагался и широкий кушак, и длинная юбка, и ещё полсотни украшений и аксессуаров.

Глава двадцать пятая

Вниз чтобы вверх

В этой главе водопад «роялей» отправляет героев на самое дно.

Предоставленные для мужской части посольства покои показались мне — да и Таору тоже — несколько странно оформленными: во всех комнатах господствовали интерьеры оборотней — то есть в изобилии имелись ковры, оружие и батальные полотна, но в цветах и «как бы» манере тёмных — все предметы интерьера — даже картины! — были в тёмно- или густо-фиолетовых тонах, почти лишённые украшений и вроде бы тяготеющие к минимализму.

Добравшись же до примыкающей к отведённой мне спальне ванной комнаты, я натурально обомлел и застыл, воскликнув про себя: «Мамма миа! Писсуаро аурале! В смысле — охренеть не встать — золотой унитаз!» Оглянувшись вокруг, убедился, что драгоценного металла на оформление пошло прямо варварски много — сквозь него едва проглядывал белый полированный мрамор.

«Н-да, — думал я, забираясь в иззолоченную ванную. — Даже как-то неловко во всём этом пафосе просто мыться. И это только гостевые покои, а что же у принцев и самих Вождей? Вообще всё из золота? Или это такой приём, показывающий достаток хозяев? Ну разве что...»

Так и не придя ни к какому выводу, я споро привёл себя в порядок, подивившись ароматам местных мыла и шампуня: будто всё духовитое разнотравье весенней степи разом раскрылось в ванной. Завершив омовение и подсушив волосы, я вышел в спальню, автоматически заплетая косу. После в принесённых слугами тюках и сундуках отыскал парадный камзол, в который и облачился поверх свежей туники, завершив образ парой чёрных штанов и парой чёрных же сапог на низком каблуке.

Выйдя в один из анфилады общих залов посольских покоев, я огляделся и понял, что оказался самым быстрым из всей делегации: вокруг не было ни души. Присев на небольшой мягкий пуф из чёрного дерева с тёмным бархатным сидением, задумался: «Интересно, сколько у нас займут поиски хоть какой-то информации о том, кто и как “мир сей хранит от богов”. И есть ли вообще она, информация эта, у оборотней? А то как-то очень не хочется уезжать отсюда в полную неизвестность...»

Погоняв по своему сознанию «сомневательные» мысли, я всё же не решился вновь обратиться к Таору: полудемон наверняка устал от моих попыток основательно перепроверить его память на предмет хоть каких-то зацепок — на привалах мы и так домедитировались до самых первых книг, прочитанных полуэльфом.

Из-за грани раздаётся затихающий перестук, после чего мастер что-то шепчет персонально Константину.

Не прошло и пяти минут моего одиночества, как дверь, соседствующая с «моей», распахнулась будто от сильного толчка, и в общий зал вышел явно взволнованный Энн: был он лишь в тунике и штанах, а в левой руке держал камень связи. Резко подойдя ко мне, брат сказал достаточно тихо:

— Отец только что написал, воспользовавшись экстренным сигналом. Вкратце —

блокировочный купол стал едва справляться, а Алуригель впала в бессознательное состояние. По прогнозам у нас около трёх дней.

— О-о-ой... — протянул я, изо всех сил подавляя желание вскочить и начать что-то делать.

Усмирив свою природу парой глубоких вдохов, обратился к тёмному принцу:

— Что ж, Энн, будь добр, передай мне связь-камень, а сам, покуда я вникаю, оденься подобающе.

— А? Ой! Ну да, точно, — пробормотал венценосный тёмный с отчётливыми интонациями Кости и ретировался.

Я же углубился в сухую и деловитую депешу Владыки, лишившую и принца, и меня спокойствия. И было отчего: вместо трёх с половиной полных лун у нас осталось всего три дня. Да и то — по прогнозам! А уж как оно на самом деле повернётся — никто и предположить не может.

Дочитав послание и обогатившись скуными, но тревожащими подробностями, я задал себе парочку вопросов: «Неужели богиня та набралась энергией нужных, что так усилила натиск? И кого бы нам прямо сейчас начать трясти на информацию?»

Встав и сделав несколько шагов по комнате, я пресёк риторический поток в своём сознании и сформулировал первое разумное руководство к действию: «Так, прежде всего стоит найти Эну и сообщить о внезапном переносе дедлайна. То-то она “обрадуется” отсрочке помолвки! А может, и нет — спасение мира поважнее же будет!»

Ободренный, я решительно пересёк общие комнаты посольских покоев, по памяти добрался до «половинчатого» зала и обратился к юной салхини, что скромно стояла подле входа на женскую половину дворца:

— О Дитя Ветра, будь любезна передать Её Высочеству Эне, что возникло безотлагательное дело, требующее личного её участия.

— Всенепременно, о уважаемый Таор, — с поклоном промолвила оборотница и, не мешкая, исчезла за дверью.

«Охо-хо, — сетовал я, ошиваясь в одиночестве, — чего ж я сам сюда попёрся? Знал же, что на женскую половину мне хода нет — традиции такие у оборотней, понимаешь ли! Так чего мальчишку какого не послал, а? С принцем бы пока пообщался... Так нет же! Стой теперь, Сандр, тут, жди».

Ожидание моё, правда, не продлилось особо долго: меньше чем через пять минут служанка вернулась и с неременным поклоном сказала:

— О уважаемый Таор, Её Высочество Эна и мудрейшая Халиун-эрхэм-ээж сообщают, что навестят Вас буквально через треть часа.

— Благодарю тебя, о Дитя Ветра, — автоматически ответил я на языке Вольной степи, милостиво наклонив голову.

«А кто такая Халиун-эрхэм-прости-Тьма-ээж?! — думал я, возвращаясь. — Что за знатная дама взяла в оборот принцессу? Вариантов ровно два: или сестра Бургаса и Яст-Мелхия, или их мать. Третьего не дано — не мог больше никто так запросто к Эне вломиться, да ещё и потом вместе с ней передавать послания. А уж если она и впрямь “мудрейшая”, то наверняка нам поможет!»

Зайдя в первый общий зал гостевых комнат, я обнаружил брата и мастера Ётта, склонившихся над небольшим столиком. Подойдя поближе, увидел знакомый иглоподобный кристалл маяка для телепорта, кой два тёмных мастера заряжали, опустошая один из

личных накопителей принца.

«Молоток брат! — обрадовался я. — Вот уж действительно отличное решение: мало ли куда нас занесёт и что там может произойти, а мы — хоба! — и с козырем в рукаве! Главное, чтоб судьба не решила сыграть с нами в кости вместо карт... — поумерил я свои восторги. — Ну да ладно, как там было? Поживём — увидим, доживём — узнаем, выживем — учтём».

«Выживем, коллега, — оптимистично откликнулся вдруг Таор с отчётливой интонацией предвкушения. — Обязательно выживем. Мне странно это констатировать, но у меня имеется ничем не подтверждённое ощущение, что всё закончится наилучшим образом!»

«О, коллега, так у Вас пробудилась интуиция?» — спросил я полудемона.

«Похоже на то...» — ответил он.

«Так верьте ей, — поддержал я полуэльфа. — Вы же не просто тёмный эльф, живущий логикой и расчётом, но и демон огня, чья суть совсем иная. Быть может, дар пророчеств дремлет в Вас?»

«Ох, вряд ли, — с лёгким сомнением протянул Таор. — Прозревать будущее — то женская стезя. Читал я о Салхи-Сонсоод, Ветер Слышащих, оборотницах, что оставляли предсказания. Но редкий дар сей среди Хуух-Дууд Салхинов не встречается уже давно, с тех самых пор, как стали они вести оседлый образ жизни».

«Печально... — отозвался я. — Такая б дама нам сейчас не помешала...»

Проведя некоторое время в этом мысленном диалоге, я дождался, когда Энн на пару с Ёттом завершат магические манипуляции, и сообщил Его Высочеству о скором появлении Эны и некой «мудрейшей Халиун-эрхэм-ээж». На что тёмный принц мне сказал:

— О брат мой Таор, порой меня поражает твоя невнимательность! Мы же вместе изучали традиции и обычаи Хуух-Дууд Салхинов! И «эрхэм-ээж» является официальным титулом супруги Вождей, ставшей матерью.

— А, то есть можно просто напрямую перевести! — догадался я. — Благодарю тебя брат мой Энн! Что-то из-за внезапных событий у меня способность ясно мыслить сбоит.

Стоило мне договорить, как во входную дверь покоев стукнули, Его Высочество промолвил: «Да», створки распахнулись и в первый зал прошествовали — иначе и не скажешь — две монаршие особы. Её Высочество Эна в нежно-лавандовом дэгэле и буквально аметистовом кушаке смотрелась несколько непривычно и достаточно экзотично, тогда как статная дама в жемчужно-белом халате с изящнейшей золотой отделкой являла собой образец спокойной гармонии.

Стоило принцессе и супруге Вождей достичь середины зала, как все присутствующие поклонились — каждый по-своему: мастер Ётт склонился ниже всех, я — градусов на двадцать, а Энн и вовсе на десять, но умудрился проделать это с явственным уважением. Он же и заговорил первым, дипломатично используя язык Вольной степи:

— Рад видеть Вас, о мудрейшая Халиун-эрхэм-ээж!

— Рада видеть тебя, мастер Энн, достойнейшей сын Владыки Подземья и Тени Великих гор, — глубоким и мягким голосом ответила царственная оборотница на тёмном наречии. — Рада видеть и вас, Дети Тьмы из Древнейшего Дома, — двумя лёгкими наклонами венценосной головы поприветствовала меня и Ётта супруга Вождей.

— Сестра моя Эна, — взял слово тёмный принц, — прости, что оторвал тебя от беседы и выбора нарядов, но мне вот только что написал отец наш: богиня та пошла вразнос, и без сознания Алуринель, и саркофаг трещит по швам. Итог — у нас осталось суток трое.

— О брат мой Энн, — ответила Эна, быстро совладавшая с охватившим её изумлением, — и мне есть что рассказать: явился призрак мне и сообщил, что я и братья мои Хранительницу Мира обнаружат на вершине Хойд-Оргил.

Я стоял ошеломлённый и думал: «Экать всё хорошо складывается! Просто чудесно! Три дня, чтоб добраться до некоего Северного Пика, если я правильно понимаю... А ничё, что мы офигеть насколько южнее Великих Гор вообще?!»

Повисла небольшая пауза, которую прервала Халиун, спросившая с едва заметным удивлением:

— О Дети Тьмы, ужели вы не слышали легенду? — и, поняв по нашим лицам ответ, проложила: — Поскольку времени всё меньше, и скоро остывать начнёт обед, я сокращу рассказ: к Хойд-Оргилу путь непрост, но очень близок — в середине ночи полнолуния на самом дне Тов-Нуур открываются врата к вершине Северного Пика. Но есть условие одно: портал пропустит лишь троих детей от матери одной, вошедших сразу, и никак иначе. Сказанье то, по правде, и у нас почти что предано забвенью — какая мать захочет потерять детей всех разом, ведь с той мифической горы не вернулся ни один Хуух-Дууд Салхин. Однако я уверена, что вы способны на возврат в лучах великой славы!

«Да что же это такое? — думал я, переваривая ещё кусок информации. — Меня сегодня решили доконать эмоциональными качелями? Где это вообще видано — чтоб оказаться в горах, надо поглубже нырнуть?! Да ещё и непременно втроём, будучи родственниками по матери... Странное оно тут всё... Но хорошее — полнолуние как раз сегодня, и мы с Эной и Энном проходим по условию, прописанному — вроде как — исключительно для оборотней».

Меж тем первым после рассказа пришёл в себя Его Высочество и двинул отличную благодарственную речь, выслушав которую, мать сынов Вождей сказала:

— Благодарю за столь тёплые слова, Ваше Высочество мастер Энн. Теперь же, — продолжила она после мимолётной паузы, — я, как хозяйка, призываю вас последовать за стол: ведь гость не должен быть голодным — то непреложный постулат.

Закончив на столь решительной ноте, мудрейшая Халиун степенно развернулась и неторопливо направилась к двери, чьи створки распахнулись при её приближении будто сами собой. Мы все переглянулись и отправились за ней, причём как-то совершенно незаметно к нам присоединились мастера Ёдд и Ушш.

Спокойно ступая вслед за царственной салхини и тёмными близнецами, я размышлял: «А недурно всё складывается! Сейчас как накушаем, а позже ночью на чём-нибудь доберёмся до середины озера и нырнём в глубокие, тёмные воды. Хм-м, интересно, а Энн уже думает над модификацией щита, чтоб мы не промокли? Эдакий батискаф наверняка можно будет сделать».

Зайдя в столовую внушительных размеров и взглянув на круглый низкий стол, я осознал, что в будущем погружении нам точно не потребуется утяжеление: разнообразных блюд было просто невероятно много, и едва треть из них была мне знакома. Но внимание моё недолго задержалось на ломящемся от яств столе: при нашем появлении из-за него встали пятеро салхинов, один другого богаче одетые. И если с близнецами-принцами и Тарвага-боготуром мы все уже виделись не так давно, то Вожди Клана Золотой Кошмы — Зараа и Шишуухей — предстали перед нами впервые. То были воистину монарших статей Хуух-Дууд Салхины, всем своим обликом и предельно похожими чертами властных лиц внушающие уважение. Как и все остальные оборотни-близнецы, Вожди разнились: Шишуухей был дюж и говорил

глубоким басом, а поджарый Зараа изъяснялся драматическим тенором.

Приветственные речи не заняли совсем уж много времени, и вскоре все расселись по старшинству вокруг дастархана. Далее обед пошёл своим чередом, разумные неспешно насыщались, и лишь Халиун тишайшим шёпотом рассказывала чутко прислушивающимся мужьям и сыновьям свежайшие новости. Все четверо монарших особ держали марку и лица, ничем не выдавая удивления, разве что Шишуухей и Бургас рьяно налегали на буузы, которые, к слову, были диво как хороши.

По завершении трапезы, когда все уже перешли исключительно на странноватый, но невероятно вкусный местный чай, с места поднялись Вожди и, вторя друг другу, изрекли:

— О почтеннейшие и уважаемы Дети Тьмы из Древнейших и Древних Домов! Мы счастливы были с вами трапезу разделить.

— Благодарим вас, о великие Вожди Клана Золотой Кошмы! — хором отозвались все тёмные.

— Теперь же о делах, — взял слово Зараа. — Супруга наша поведала о череде диковинных событий.

— Её решенья, — забасил вслед Шишуухей, — поддержим мы всецело, и вам, о дети Эрра Первого, Владыки Тени Гор Великих и всего Подземья, окажем мы содействие всемерно.

— К одиннадцатому часу пополудни готово будет судно, что вас доставит к месту назначения, — продолжил тенор. — Сопроводят вас в плаванье Бургас и Яст-Мелхий.

«А прав был Таор, — думал я, пока полудемон витийствовал, в свою очередь выражая Вождям благодарности. — Теперь и меня посещают более чем благоприятные предчувствия! Тем более из всех забот осталось лишь маготворчество».

В посольские покои я вернулся изрядно отяжелевшим после обильной и жирной пищи и понял, что никакого конструктивного диалога с Энном прямо сейчас не получится: глаза закрывались сами собой. Добравшись до «своей» спальни, прилёг буквально на полчаса, но продрых беспробудно, как оказалось, все четыре.

После сна освежившись среди золотого пафоса, всё ещё поражающего меня, я оделся по-походному и вышел в общие залы, где, к своему удивлению, учуял аромат ко: уже вовсю бодрствующий брат попивал его, сидя за одним из столиков и переписываясь по связьюкамню. Вид Его Высочество имел серьёзный и сосредоточенный. Молча налив себе ароматного чернейшего напитка в несколько непривычную для этих целей пиалу, я присел на пуф и стал наслаждаться возрастающей бодростью и приятным нетерпением, охватывающим и меня, и Таора.

Пяток минут спустя тёмный принц закончил переписку и воззрился на меня. Я тут же обратился к нему:

— О брат мой, покуда время есть, давай же обратим умы свои на сложные плетенья чар, что нам нырнуть позволят безопасно, — тут я заметил поднимающуюся бровь венценосного тёмного и понял, что заговорил на наречии Вольной Степи, да ещё и копируя слог мудрейшей Халиун. — Кх-м, прости, — вернулся я на язык Подземья. — Короче, я уверен, что, пользуясь твоим подходом, мы сможем купол-блокиратор приспособить для глубоководного погружения.

— Да, это так, о брат мой, — подтвердил Энн. — Скоро подойдёт Эна, мы всё обсудим и спроектируем. И, да, — добавил он после небольшой паузы, — отцу нашему можешь сегодня не писать: я сам изложил ему всё произошедшее максимально подробно.

— Благодарю, Энн, — с кивком ответил я. — Принесу пергаменты и стилосы.

Возвратясь с необходимым после пары минут поисков в своих тюках и сундучках, обнаружил уже пришедшую Эну, вернувшуюся к привычным одеждам тёмных. Увидев меня, сестра тут же сказала:

— О брат мой Таор, знай, что сегодня я ни под каким предлогом не буду оформлять наши идеи в академическом виде!

— Конечно-конечно, — поспешил согласиться я. — Даже и в мыслях такого не было!

На что тёмная принцесса ничего не ответила, лишь посмотрела на меня с подозрительным прищуром, а я подумал: «Вот же сейчас самой Эне наверняка “весело” — ехала на помолвку-обручение, а приходится мир спасать “вот прям ща”... Эх, ладно, выключаем эмоции, включаем логику».

А затем мы разложили перед собой листы и пустились в теоретизирования и проектирование купола-батискафа, который как-то сам собой быстро обрёл имя собственное — конечно же «Немо».

Из-за грани раздаётся повторяющийся перестук и возгласы: «Шестнадцать!.. Пятнадцать!.. Двадцать!»

Умы скрипом своим вторили стилосам, пергаменты покрывались вязями и летящими пояснениями, в воздухе то и дело визуализировались фрагменты плетений и их сопряжений, слышались дружеские подколки и шутки из разряда: «А не долбанёт?.. Да не должно!» И таким вот образом всего за каких-то три часа мы втроём — на самом деле вшестером — создали сложную вязь водонепроницаемого купола, миниатюрный вариант которого даже протестировали.

Когда наша довольная компания, окончательно отшлифовав мельчайшие детали магического батискафа, молча допивала очередной кувшин ко, в двери несколько дробно и замысловато постучали. После ответного «Да» от тёмного принца створки распахнулись, и вошли Яст-Мелхий и Бургас. Одарив нас синхронными уважительными кивками, они заговорили дуэтом:

— О Дети Тьмы из Древнейшего Дома, приготовления все завершены, и мы рады будем вас доставить к середине Тов-Нуур.

— Благодарим мы вас, о сыновья Вождей из Клана Золотой Кошмы, — ответил им Энн. — Потребны нам лишь парочка минут для завершенья сборов.

— Да будет так, — вновь кивнули оборотни.

Поднявшись ещё при появлении монарших близнецов, мы с братом тут же отправились в наши спальни. Сборы действительно на заняли много времени, ведь самое необходимое для пешего путешествия — а на пантерах мы проедемся лишь до лодки — было упаковано загодя.

Взвалив на плечи объёмный рюкзак и подтянув ляжки, я тут же осознал, что, пожалуй, подтупливаю — есть же слуги. Так и вышло — в общем зале дожидались молчаливые салхины-служители, подхватившие поклажу и проследовавшие за нами до самого двора Юрты Вождей, где и погрузили рюкзаки на осёдланных кошек.

Тепло попрощавшись с Вождями и их супругой, вышедшими проводить нас, мы и близнецы-оборотни вскочили в сёдла и пустили скакунов шагом, спускаясь с холма к центру набережной.

Я ехал и думал: «Вот оно — бремя высокого статуса! Тут пешком минут десять, ну пятнадцать — это если по сторонам глазеть, благо есть на что — последняя летняя ночь

отмечается с размахом! Но нет, садись на коня — а в нашем случае на пантеру — и держи марку, фасон и прочие атрибуты власти».

Процессия наша, проезжавшая через самый центр города, охваченный праздником, не оставалась незамеченной: Бургаса и Яст-Мелхия — а порой и нас, тёмных — многие приветствовали и желали щедрой осени. Феерия огней и красок, круговорот веселящихся разумных и общая атмосфера всенародного гулянья — всё это слегка погасило поднимающуюся нервозность: ведь вскоре нашей троице предстояло в прямом смысле этого слова погрузиться в неизвестность.

Небольшое время спустя мы подъехали к самому нижнему ярусу набережной, куда были сброшены сходни от небольшого судна с одной мачтой и косым парусом.

Спешившись и хмыкнув про себя: «Эх, nobles oblige, понимаешь!», я подхватил рюкзак уже самостоятельно, сдал поводья Мрры стоящему недалече очередному служителю в цветах Клана Золотой Кошмы и последним взошёл на борт. Втянув сходни за собой, я поспешил усесться на кормовой банке.

Из-за грани слышится затихающий перестук.

При наличии двух магов Ветра плавание прошло легко и гладко — никого даже не укачало. Яст-Мелхий и Бургас столь виртуозно управляли завью — так они назвали судно, что лодка буквально стелилась над слегка волнистой гладью внушительных размеров озера, резво неся нас поперёк лунной дорожки, загадочно бликующей среди мириад отражённых звёзд. Расстилающийся вокруг пейзаж был достоин самых превосходных эпитетов и метафор, говорящих о драгоценных искрах и чернейшем бархате, окутывающим со всех сторон. Однако внимание и моё, и Таора было поглощено не окружающими красотами, но повторением деталей предстоящего весьма сложного плетения, да и на звёзды я успел налюбоваться прежде.

Пройдя не меньше трёх лиг, братья-оборотни замедлили парусник, а после и вовсе мягко его затормозили в, надо полагать, середине Тов-Нуур. Судя по положению луны, до полуночи оставалось едва ли больше получаса.

Прощания не заняли много времени, и, по словам монарших салхинов, стало абсолютно ясно, что они совершенно уверены в нашем скором возвращении.

Встав втроем у левого борта, я, брат и сестра переглянулись и начали наше колдовство. Вновь уже привычно защёлкал и загрохотал Энн, ему вторила звучным шипением Эна, а я обходился без вербального компонента, выстраивая вместе с Таором огненую часть заклинательной вязи на жестах. По завершении нижней половины шара-батискафа, наше трио мягкими прыжками перенеслось в него, и ещё за пару минут мы завершили чары. Верхняя часть купола сомкнулась, заработал нагнетатель массы, и «Немо» стал погружаться.

Из-за грани раздаётся затихающий перестук и мастерское: «Нет?.. Ну ладно... Так, господа игроки, со следующей проходки к нам вновь присоединится Цапля — она завершила солидный кусок работы и возвращается».

Орущая смерть

В этой главе главный герой почти произносит опрометчивую клятву.

С каждым пройденным вглубь десятком метров мерк свет полной луны, и если бы не мягкое свечение чар силы Огня, оставленное мной намеренно, то мрак глубин озера поглотил бы полностью наш невеликий шар. Тянулись минуты неспешного погружения, батискаф ощутимо сдавливало, полночь и дно приближались: первую ощущали неведомо как встроенные в организм полуэльфа часы, второе становилось заметно благодаря всё сильнее сияющей точке, становящейся крупнее и ярче по мере нашего приближения.

Как оказалось, волны интенсивно-зелёного света испускал квадрат со стороной в пару метров, расположившийся точно на дне немалой чашеобразной впадины, совершенно свободной от любых обитателей или чего бы то ни было вообще.

Зависнув буквально в полуметре над сверкающим порталом, мы призадумались на пару мгновений и высказались буквально хором.

— Стенки для стыковки, — сказал успевший первым Энн.

— Вокруг квадрата, — дополнил я. — И сращиваем.

— Вытесняем воду, открываем, проходим, — резюмировала Эна.

— Работаем, — кивнул тёмный принц.

Из-за грани раздаётся повторяющийся перестук и возгласы: «Пятнадцать... Тринадцать... Одиннадцать...»

Работа шла напряжённо и тяжело, но опыт с многослойным куполом не прошёл даром и сейчас изрядно помогал. Опять же ментальная двойственность меня-Таора и моих друзей с близнецами, позволяла действовать будто вшестером. Однако без небольших проблем обойтись так и не удалось: вода осталась в «стыковочном шлюзе» и преграждала проход в портал. Но решено это было весьма просто: мы накинули на себя личные щиты, без которых соваться на вершину Хойд-Оргила никто и так не собирался. Взавшись за руки, наша троица убрала часть плетения в дне батискафа, и трое детей одной матери прошли сквозь зелёный свет портала, достигший в тот момент максимальной яркости.

На той стороне нас встретил белейший снег, искрящийся драгоценным покрывалом под тысячезвёздным небесным куполом и вошедшей в полную силу луной. Стояла невозможная тишина, и лютый холод ощутимо напирал на личные щиты. Аккуратно приземлившись на прочный слой твердейшего наста, мы замерли, оценили обстановку и двинулись к виднеющемуся в тройке сотен метров впереди невысокому чёрнокаменному куполу, высящемуся посреди круглой скальной долины и отчего-то лишённому снега. По мере приближения проступали детали: вся поверхность на самом деле немалого строения была испещрена многорядьем символов, кажущихся знакомыми; почти у самой вершины здания можно было заметить ряд больших окон, а прямо перед нами выросла входной проём, оформленной полукруглой аркой. Благодаря отсутствию створок можно было заметить мерцающее в косых лучах лунного света нечто, возвышавшееся в самом центре пустого помещения. С каждым шагом по все уменьшающемуся слою наста и снега становилось очевидно, что это небольшая статуя, заключённая в столб танцующих и переливающихся

всеми цветами радуги снежинок, подсвечиваемых и лучами ночного светила, и некой удерживающей их магией.

«Н-да, — шёл я и думал, — ничего себе криокамера! Это, очевидно, и есть Хранительница Мира. С одной стороны, я её понимаю — забраться в такую глушь самое то, чтоб уж точно никто не доставал, но с другой стороны — здесь же лютый холод! И только лишь благодаря магии мы тут дуба не дали. Хотя, может, эта Хранительница вовсе и не своей волей тут... э-э-э... отдыхает. Вообще у меня к местному демиургу всё больше вопросов!»

Через некоторое время наша команда достигла полосы свободного от снега пространства, замощённого плитами серого камня, миновала её и приблизилась к порогу, широкая каменная поверхность которого была покрыта всё теми же строчками символов, будто бы складывающихся в некий текст.

Не спеша пересекать входной проём, мы остановились, брат достал связь-камень и углубился в переписку с отцом. Эна же и я стали внимательно присматриваться к письмам, силясь обнаружить что-то знакомое и понятное.

Из-за грани раздаётся повторяющийся перестук и возгласы: «Десять... Десять...»

Через несколько минут вдумчивого сканирования порожнего камня Её Высочество сказала:

— Начертания букв мне напоминают старо-тёмноэльфийский, но ни одного знакомого слова я найти не могу...

— А мне вот буквы напоминают санскритский шрифт деванагари, — добавил я в задумчивости. — Вот только без верхней черты у каждой графемы. Да и в санскрите я совсем не специалист, так — любитель.

— Сейчас придёт максимально компетентный специалист, — проговорил Энн, проходящий мимо нас назад к границе чистой площади и на ходу достающий футляр с кристаллом маяка телепорта.

Отойдя на несколько метров, тёмный принц всадил исходящий первозданной Тьмой игольчатый кристалл в стык двух плит и прогрехотал-прощёлкал заклинание активации с очень сложным ритмом.

Из-за грани раздаётся затихающий перестук.

К звёздам устремился луч всех оттенков мрака, мгновением позже нижняя его часть раздалась в стороны тончайшей плёнкой арочного перехода, которая ещё миг спустя явила нашим взорам замершего Эрра Первого, держащего на руках закутанную в какую-то мохнатую шкуру Алуринель, пребывающую явно без сознания. В следующую секунду портал ощутимо вздрогнул, пошёл искажающей рябью, вновь выправился. Сквозь него вышагнул тёмный монарх со своей светлой ношей, и плёнка перехода с отвратительным треском тут же сложилась сама в себя.

«Н-да, — подумалось мне в наступившей тишине, — видимо, что-то пошло не так, коли к нам присоединился только Эрр и Светлейшая. По идее Владыка просто обязан был явиться хотя б с десятком поддержки из магов-воинов-мастеров. Непонятное...»

— Рад видеть вас, дети мои, — достаточно спокойно произнёс Владыка, оглядевшись.

— Рады видеть тебя, отец, — несколько вразнобой откликнулись мы.

— Отец, — чуть погодя сказала Эна, указывая на порог входа в купол, — вот эти письма тебе знакомы?

Из-за грани вновь раздаётся затихающий перестук.

Вручив Алуригель принцу, Эрр Первый подошёл к тёмному камню, всмотрелся в него пристально и задумался на долгую минуту, по истечении которой разразился тихой речью:

— Это очень похоже на древнейший вариант светло-эльфийского, когда он ещё был схож по звучанию с древним тёмным наречием, но знаковая система стала уже изменяться. Здесь, как и по всему куполу, повторяется несколько фраз. Их суть сводится к следующему: «Два брата и сестра, носящие вторые души, способны кровью пробудить Хранительницу Мира. Ещё одна душа потребна для достижения полной мощи: войдёт она в Хранительницы тело и будет жить, баланс храня».

В наступившей после рассказа Владыки Подземья и Тени Великих Гор тишине были слышны лишь посвисты лёгкого ветра в вершинах окружающих долину скал. Посмотрев на каждого из нас внимательным, понимающим, но будто бы оценивающим взглядом, Эрр Первый сказал:

— Что ж, вопросы я задам позднее. Много и каждому.

Тут он подошёл к Энну, вновь взял в руки светлейшую невесту и продолжил:

— Прямо сейчас же рекомендую поторопиться.

Последние его слова прозвучали чуть ли не холоднее окружающего морозного воздуха, и наше трио ринулось под купол.

В самом центре абсолютно пустого помещения, по середине столба, образованного магически светящимися снежинками, высилась на круглом пьедестале статуя драконицы, выполненная из некоего переливчатого металла с невероятной точностью и невообразимой красотой: каждая деталь двухметрового изваяния несла чёткий отпечаток превосходнейшего мастерства, всякий изгиб подчёркивал общее изящество и лёгкий шарм, а мельчайшие детали дополняли несомненно прекрасный женский образ до нереального идеала. Глаза очаровательной рептилии были закрыты, крылья сложены за спиной, а передние лапы, протянутые вперёд, пусты.

Из-за грани вновь раздаётся затихающий перестук.

«Не иначе наваждение какое, — подумал я, быстро подходя ближе к монументу и любясь им. — Очень, знаете ли, странно сходу угадать пол рептилии, да ещё начать против воли залипать на изящные извивы хвоста, грациозно обнимающие прелестные нижние лапы... О! Опять! Да сколько можно?»

Оглянувшись на монарших тёмных, я убедился, что не один уделяю излишнее внимание пленительной красоте изваяния. Но всё же мы все обладали изрядной силой воли и достаточно быстро смогли осмотреть не только статую со всех сторон, но и обнаружить три едва заметных контура ладоней, находящихся на равном удалении друг от друга на полу в десятке сантиметров от круговерти снежинок, которые, как это ни странно, вовсе не мешали лицезреть Хранительницу. Соединял схематические отпечатки правых рук, проходя через них, узкий неглубокий желобок, образующий круг-границу.

Переглянувшись, я и близнецы разошлись по окружности, несколько буднично полоснули себя ножами по правым ладоням, оголив их от защиты и поморщившись лишь от вцепившегося в кожу лютейшего холода, но не от боли пореза. После решительно приложили руки к обозначенным местам и стали ждать. Истекая кровью на благо целого мира, я задумался: «Так, подождите, а почему, собственно, драконица? Тут же они, драконы, не водятся и не водились раньше, как мне подсказывают воспоминания Таора...» Сам же полудемон в тот момент потрясённо молчал, будучи немало ошарашен всем происходящим, и с великим нетерпением ожидал грядущего. Таковы же, я уверен, были и остальные

обитатели этого мира, за последние часы столкнувшиеся с неведомым и невообразимым.

Через тянущуюся невообразимо долго минуту пограничный круг заполнился медленно текущей почти чёрной кровью трёх разумных. Мерцающий вихрь замер. Снежинки исчезли вмиг. Драконица совершенно механическим движением расправила крылья, наклонилась вперёд и протянула передние лапы ниже, почти сведя их вместе. Глаза её так и оставались закрыты.

Снова из-за грани раздаётся затихающий перестук.

В этот же самый момент Владыка Эрр, стоявший неподалёку, стремительно подошёл к изменившемуся изваянию и уложил Алуринель на его передние лапы, которые мгновением позже, двигаясь всё так же будто механически, аккуратнейшим образом перехватили светлую эльфийку за плечи и приподняли. Следом статуя коснулась своим мелкочешуйчатым лбом лба Её Сиятельного Высочества. И тут же крылья рептилии сомкнулись в своеобразный шатёр и закрыли обзор.

Перестук за гранью повторяется пару раз, а после слышится довольный возглас Светланы: «Двадцать!»

Под крыльями несколько раз сверкнуло зелёным, фиолетовым и чёрным, по всему изваянию прошла некая неясная рябь, будто смывающая блеск металла и обновляющая Хранительницу, даруя ей облик не статуи, но по-настоящему живого существа. Раздалось негромкое шипение, переходящее в мелодичный рык, и всё стихло.

Драконица распахнула крылья, поставила светлоэльфийскую принцессу на пол и обвела всех взглядом прекраснейших глаз, сочетающих в себе цвета, присущие и Алуринель, и Цапле. Грациозно сходя с пьедестала, очаровательная рептилия на втором шаге ощутимо уменьшилась, став ростом чуть ниже Владыки Эрра, замороженно подавшего ей правую руку.

Ровно в ту же секунду замершая будто ещё одна статуя светлая эльфийка испустила долгий сиплый выдох, потом вновь глубоко и хрипло вдохнула, распахнула ставшие абсолютно белыми глаза и возопила каркающим голосом:

— Да как вы посмели, мерзейшие смертные?! Как вы могли дерзнуть мешать всеомертвляющей Морлане?! Как вы осмелились не дать мне власть над телом драконицы?!!

С каждым словом облик эльфийки изменялся всё больше и больше: стремительно седали волосы, усыхало тело, бледнела и зримо дряхлая кожа. Да даже изящное платье почти мгновенно потеряло все цвета и на глазах постарело до неопрятных лохмотьев, а мохнатая белая шкура на плечах выглядящего всё страшнее существа повисла скорбным саваном и стала лысеть, миг за мигом теряя мех, опадающий к ногам воплощённой богини смерти.

«А вот и познакомились с вторженкой, — думал я, вместе с остальными беря голосащую богиню в полукруг. — Что-то мне кажется, что сейчас она довопит, и тут станет жарко и совершенно небезопасно. Вон, кажись уже тёмные и Хранительница чего каస్తуют. Да блин, так вообще от половины окружи камня на камне не останется — при таких-то мощностях. А то и весь мир пошатнут — чай богиня и Хранительница много чего умеют. Та-а-ак! — внутренне решил я на сумасбродство. — Отставить эпичную боёвку!»

Дождавшись, когда Морлана затихнет и начнёт разводить в стороны иссохшие до скелетоподобного состояния руки, я сделал шаг вперёд, припал на одно колено и провозгласил по возможности торжественно и почтительно:

— О всеомертвляющая Морлана! Дозволь мне молвить слово, допрежь ты всё и всех

затопишь гневом ярости своей!

— А? — сбилась с движения явно озадаченная богиня.

Восприняв эту недореплику как дозволение, я продолжил:

— О внемли смерти величайшая богиня! Сей мир невероятно мал и недостойн находиться под властью твоей! Он весь искусственный насквозь, разумных до прискорбья мало, они строптивы, своевольны и дерзки! Напрасна будет трата сил на приведенье их в покорность! А может, и само всё мирозданье не устоит и рухнет в одночасье, осколками своими обрушив путь к великой мощи, силе, славе! Но!.. — тут я намеренно сделал паузу, в течении которой в голове билась о стенки черепа паническая мысль: «Что я несу?!», и заговорил с жаром и убеждённостью, вкладывая всего себя: — Но есть бескрайний мир, что Бездною зовётся! Огромен, густонаселён! Там правят бал могущество и власть, жестокость, беспощадность к слабым! И я, единственный наследник Пламени Домена, ручаюсь бросить весь его к твоим ногам! С него начав, о всемертвящая Морлана, ты подчинишь себе всю Бездну! Весь грандиозный Хаос будет у тебя в руках!

«Ф-фух!.. — мысленно выдохнул я, замолкнув и склонившись. — Ну, если даже и не убедил богиню, раздраконив — хе! — её эго, то хоть время потянул. Авось товарищи жахнут чем посерьёзней сразу, буде Морлана не согласится».

Из-за грани раздаётся затихающий перестук и мастерское: «Хм-м-м, что называется: попробуйте хуже. Три!». После перестук повторяется и слышится моё бормотание: *«Парле... Перле... Поршне! Переговоры! И-и-и... Двадцать!»*

Выслушав мой экспромт с непроницаемым выражением черепоподобного лица, богиня скрестила перед грудью руки, воззрилась на коленопреклонённого меня мертвенно белёсыми очами и медленно проговорила:

— В словах твоих крупца разума заметна... Что ж, полудемон, клянись в правдивости своих речей, и я оставлю в милости своей сей хиленький мирок, вниманья недостойный истинной богини!

В голове моей проносились десятки вариантов клятв, которые можно обойти, на заднем фоне ментально недоумевал Таор, шокированный до полной потери слов, спину сверлили четыре пары глаз.

— Я, Таор, сын Повелителя Огня Шеола, — говорил я медленно и размеренно лихорадочно формулируя как можно более обтекаемую клятву. — Клянусь тебя, о всемертвящая Морлана, великая богиня смерти, что все мои слова...

Из-за грани раздаётся затихающий перестук.

И тут над нашими головами раздался невероятно громкий, долгий, басовитый и давящий звук некоего громадного гонга. Все и всё замерли.

Глава двадцать седьмая

Гости и Хозяйка

В этой главе герои получают ответы.

В наступившей после тишине буквально громом среди ясного неба зазвучали слова совершенно незнакомого, но отчего-то понятного языка, проговариваемые явно неживым, синтезированным голосом:

— Сторожевая система мира-полигона Каа-Бха-Эка-Шашти приведена в полную готовность ввиду бездействия пробуждённой Хранительницы при наличии агрессивных существ иных миров. Все агрессивные существа иных миров будут немедленно удалены, следы их присутствия будут зачищены. Ввиду некорректной активации сценария «Пробуждение Хранительницы» мир-полигон Каа-Бха-Эка-Шашти будет подвергнут темпоральной заморозке согласно установленной процедуре через один малый цикл. Дружественным существам иных миров рекомендовано немедленно покинуть мир-полигон Каа-Бха-Эка-Шашти. Начата остановка генерации полей маны. Начато торможение имитации космических процессов. Начато торможение...

Неестественный голос всё бубнил, понемногу затихая, но не замолкая, а мы все стояли абсолютно без движения — я так и остался на одном колене — и дышали украдкой, моргая через раз: ведь прямо на наших глазах только что в характерной всецветной вспышке исчезла воплощённая Морлана, «прихватив» с собой даже весь осыпавшийся со шкуры-савана мех.

«Да как так-то, а?! — подумал я первую цензурную мысль после длиннющей череды непечатных. — Я же хотел, как лучше! А получилось как всегда! Допереговаривался, блин! И теперь этот действительно искусственный мир самоочистился и встал на путь консервации... Уж лучше б не тянул время!.. Н-да, интересно, а где у этого голоса кнопка? И хватит ли нам загадочного “малого цикла” на отмену процедуры темпоральной заморозки? А то как-то не очень хочется застыть тут будто муха в янтаре на пару вечностей».

«Аналогично, коллега, — откликнулся слегка пришедший в себя после всего случившегося Таор. — Я, можно сказать, только жить начинаю! Давайте же скорее что-то делать, ведь, сдаётся мне, тот “малый цикл” едва ли равен дню, скорее — часу!»

Вняв полудемону, я наконец выпрямился и огляделся: тёмные и драконица так и стояли, погруженные в себя, а рядом чернел пьедестал Хранительницы. Он-то и привлек моё внимание — ничего другого вокруг всё едино не было. Подскочив к круглому невысокому камню и внимательно его осмотрев, я достаточно быстро обнаружил три уже привычных контура правых рук, расположенных близко к краю верхней стороны постамента на равном удалении друг от друга, и один контур в центре, явно предназначенный для кисти драконицы.

Подняв глаза, я встретился взглядами с Эной и Энном, в чьих очах вместе с неверящим ошеломлением плескались азарт и предвкушение. Подошедшая мгновением позже невероятно прекрасная рептилия сразу же заметила предназначенный для неё силуэт и, ничтоже сумняшеся, возложила туда свою лапу. Я и близнецы — мигом позже.

Под нашими руками — и... э-э-э... лапой — сверкнуло густо-синим светом, камень звучно кракнул, внезапно появившиеся тонкие прямые линии разделили пьедестал на три

равные части, которые стали медленно и совершенно бесшумно разъезжаться.

Через пару секунд под непрекращающийся механический бубнёж уже изрядно доставшего голоса перед нашими нетерпеливыми взорами открылось начало винтовой каменной лестницы, ведущей — конечно же! — вниз.

Переглянувшись друг с другом, мы подошли к началу спуска, и я собрался уже сделать первый шаг, как вдруг Костя устами тёмного принца сказал:

— Погоди, а если ловушки?

— Да с чего бы? — изумились хором я и Анаис.

— Это ж явно хозяйский погребок, — продолжил я уже соло. — Да ещё и закрытый отпечатками Хранительницы и «двоедушных». Вообще я уверен на сотню процентов, что всё вот это вот заточено под визит создателей, а они наверняка не стали бы минировать личный вход в — скорее всего — терминал управления.

— А я бы стал, — возразил Константин.

— Хорошо-хорошо, — покорно согласился я, оглянувшись на закатившую глаза Настю и кивающую Цаплю, пребывающую в облике драконицы.

Из-за грани раздаётся повторяющийся и затихающий перестук.

Потратив не меньше трёх минут на внимательнейшее изучение контуров прохода и первой ступеньки, мы не обнаружили решительным образом ничего. Закончив оказавшийся бесполезным осмотр, я спросил Костю:

— Теперь уже пойдём?

— Теперь — да, — подтвердил он.

И самолично сделал первый шаг. Стоило ноге венценосного тёмного опуститься на камень ступени, как всё пространство уходящего вглубь колодца осветилось мягким желтоватым светом. Вся наша компания вздрогнула, замерла на миг и синхронно выдохнула, причём от каждого послышались исключительно матерные интонации, легко читаемые в, казалось бы, простом выдохе.

Спуск по левозакрученной спирали лестницы не занял много времени и, миновав три полных оборота, мы все оказались в небольшой полусферической комнате-пещере. Прямо перед нашими взорами, потрясая воображение местных душ, изумляющихся всё больше и больше, и радуя нас, гостей этого мира-полигона, открылся вид на футуристический, но вполне узнаваемый пульт управления, расположенный дугой под дугообразным же монитором немалой площади. Перед консолью, изобилующей разнообразными странноватыми индикаторами, прозрачными и полными разноцветьем туманов сферами и прочими вроде бы сенсорами, находилось кресло, по виду вполне подходящее гуманоидным расам. Вся же плоскость огромного дисплея, поделённого на небольшие квадратные сектора, была покрыта невероятным количеством строк текста, содержащего уже знакомые по недавним событиям символы. В каждом из квадратов постоянно происходили какие-то изменения, парочка из них, отмигав возникающими строчками, затемнилась прямо на наших глазах. Но наибольшего внимания заслуживал самый центр экрана — там красовался круг, медленно-медленно заполняющийся с самого своего низа будто бы слегка перетекающим синим цветом.

Уловив соотношение прошедшего времени и размеры окрашенной части таймера — а это был наверняка он — вся четвёрка наша дружно выдохнула: прошла едва одна десятая отведённого «малого цикла».

— Ну что, Кость, — обратился я к другу, — ты ж программист, тебе и... э-э-э... сенсоры

под пальцы!

— Это ты так пошутил? — спросил меня Константин. — Ведь пошутил же, да?

— Эм... — протянул я в ответ. — Как бы нет. Надо же остановить заморозку!

— Да я ж даже язык этот почти не понимаю! Если б не Владыка, недавно подсказавший про древний вариант тёмноэльфийского, то я б всё это, — тут он махнул рукой на монитор, — считал бы просто закорючками декоративными!

— Кстати, о Владыке, — включилась в разговор Настя. — А чего б и сейчас его не спросить? Враз всё переведёт!

— Это вряд ли, — неожиданно сказала Светлана устами драконицы. — Если вы не заметили, то местный тёмный монарх как застыл при срабатывании «сторожевой системы», так и стоит на месте недвижим. Видимо, такова специфика работы этого вот всего.

— Как-то даже и не обратил внимания, — замедленно ответил я Цапле. — И что теперь делать?

— Как шо? — изумилась Анаис. — Конечно же попробовать сделать хоть что-нибудь! Я не собираюсь оставлять Эну без свадьбы!

— А я — Алуринель, — поддержала подругу Света. — Тем более можно будет ей оставить облик драконицы-Хранительницы!

— Хорошо-хорошо! — согласились я и Костя хором.

— Тогда, товарищи филологи и лингвисты, — добавил я, обратившись к женской половине нашей компании, — включайтесь в анализ первыми. Я-то, как химик, это всего знать не должен.

— Ничего-ничего, — проговорила Настя. — Зато у тебя отлично со всякого рода произношением и звуками странных языков!

— А ведь точно! — обрадовался Костя. — Тут же наверняка должно быть голосовое управление!

— Ну ок... — внял я убеждениям друзей. — Тем более, вспоминая наименование полигона, мне всё больше кажется, что здесь применяется звуковая система санскрита с вариативными аспирациями после согласных и с гласными разных длин.

— И этот человек говорит, что не разбирается в филологии! — иронично и будто в сторону сказала Цапля.

— Так, окей, давайте уже за дело! — пробормотал я, подходя поближе к экрану. — Время-то идёт, надо этот мирок доспасать!

С последней моей фразой все остальные так же подошли поближе к экрану и пульта. При внимательном осмотре консоль оказалась интуитивно понятной: ровно посередине двухметровой дуги пульта, напротив установленного, как оказалось, на почти незаметный рельс кресла, высилась прозрачная полусфера, полная голубоватого тумана, а по бокам от неё разместились два контура пятипалых рук.

— Что ж, мне садится, я так полагаю, — пробормотал я. — А то мало ли что... Энн — наследник, дамам скоро замуж...

— Ага-а, — поддержал меня нестройный хор друзей, во все глаза вглядывающихся в мелкие надписи на консоли управления.

Из-за грани раздаётся многократно повторяющийся и затихающий перестук.

За долгие полчаса тщательных поисков, изучений и сравнений, внимательных штудий строчек, мелькающих на дисплее и неподвижных на пульте, а также всё более нервного поглядывания на неумолимо заполняющийся в центре экрана временной круг, наша команда

смогла вычлени́ть единственное слово: «отмена», звучащее вполне произносимо.

В некотором волнении поёрзав по креслу и усевшись поудобнее, я шёпотом проговорил необходимое несколько раз, возложил ладони на отметки, глубоко вдохнул и практически пропел:

— Раддиикаранаам!

Из-за грани вновь раздаётся перестук и моё радостное: «Восемнадцать!», затем перестук повторяется.

Стоило последнему звуку истаять в тиши помещения, как полусфера меж моих рук мягко осветилась глубоко-оранжевым цветом, всё происходящее на экране замерло, а поверх своеобразных часов — свидетельствующих, кстати, о последних минутах — возникла квадратная рамка с коротким текстом.

Но не успел никто из нас даже и начать осмыслять появившееся сообщение, содержащее, наверняка, запрос системы на права доступа, как от полусферы отделился клочок оранжевого тумана и в одно мгновение обратился в образ головы седоволосой леди, которая, блистая многоцветьем драгоценной диадемы и лазурью вовсе не старческих глаз, промолвила, добавив в голос явно нарочитой строгости:

— Это кто это забрался в архив проектов прабабушки и прадедушек? Это кого это я на ближайшую сотню лет лишу амброзийного варенья? Ах вы хаотики несносные!

Онемевшие мы слушали это шокирующее ворчание и недоумевали: отчего-то было абсолютно понятно каждое слово.

Внезапно почтенная создательница — а то была точно она — сбилась: похоже до неё добрались первые сведения о происходящем, а может, даже и картинка с нашими наверняка вытянутыми физиономиями. Дама вмиг посуровела лицом, поджала аристократически тонкие губы и сказала насквозь ледяным тоном:

— Кто вы такие? Немедленно назовитесь и изложите причину вмешательства в функционирование моего имущества!

«Так, срочно придумать, как обращаться! Демиуржица? Творчиха? А, блин, нет — к лешему феминитивы! Обойдусь почтительными эпитетами!»

— О почтеннейшая и мудрейшая, — тут же начал я, добавив в голос невесть откуда взявшихся уверенности и спокойствия. — Четвёрка наша — все души-странники, что волею играющего фатума прибыли в мир твой без особой цели. Но очень быстро оказалось, что рок привёл сюда нас в нужный час: коварная Морлана — какая-то богиня смерти — пробиться тщи́лась в этот мир, обманом заманив принцессу светлых эльфов к свершению ужасного прокола для вторженья...

По мере моего рассказа о не столь уж и давних событиях лицо, несомненно, знатной особы менялось мало, но глаза выдавали её с головой: редкое моргание и внимательный прищур ясно говорили о внимании и зарождающемся доверии. Впрочем, не исключено, что параллельно с моими словами создательница мира ещё и успевала читать сводки-отчёты, наверняка ей доступные.

Выслушав меня, так и не назвавшаяся дама взяла паузу и держала её наверняка за горло — так казалось и мне, и, я уверен, всем остальным, замершим и дышащим через раз.

— Итак, — произнесла венценосная леди, разбив почти звенящую тишину, — я верю вам. Все данные по миру-полигону, что вижу я перед собой, мне говорят об истинности ваших слов. Пожалуй, за столько тысяч лет защита семейного проекта, — внезапно несколько ностальгическим тоном от, видимо, нахлынувших воспоминаний продолжила

могущественная особа, — что сотворён был братьями и мной при поступлении в Академию Творцов, могла ослабнуть: вначале прокралась некросущность, потом и вас сюда втянуло...

— А как же Бездна? — почти неслышным шёпотом спросила Цапля.

— А Бездна — часть проекта, милое дитя, — ответила всё же услышавшая Демиург. — Подпространство с псевдобесконечностью, вторая половина полигона, источник постоянного конфликта для предотвращения стагнации.

Завершив пояснения, Творец помолчала немного в задумчивости и продолжила уже достаточно мягким тоном:

— Что ж, дети, я вам благодарна: вмешательством своим разумным вы меня и братьев избавили от суетных хлопот. И в качестве награды я предлагаю вам оставить следы влияния команды вашей на наш мир. Из памяти у местных я уберу явление своё, внедрив воспоминания несколько иные: пусть продолжают мир считать свой абсолютно настоящим. Иль, может быть, у вас другая просьба есть?

Наша четвёрка переглянулась, задумалась, мы все синхронно пожали плечами, и вдруг Анаис сказала:

— О всемудрейшая Творец! Дозволь же нам при случае сей мир вновь невозбранно навестить!

Тут каждый из нас обрадованно закивали столь удачной идее Анастасии, а я ещё и подумал: «А что? Дельно! Вдруг получится вместе с Таором пойти добывать трон Домена Пламени? Будет весело и интересно!»

Услышав просьбу Насти, Демиург легко улыбнулась — больше глазами, нежели едва приподнявшимися уголками губ — и промолвила:

— Да будет так. На душах каждого из вас оставлю я пометки «добрый гость».

С последними словами седоволосой леди послышался лёгкий и суховатый щелчок, и я — да и все остальные мои друзья — почувствовал мягчайшее и нежнейшее прикосновение будто бы к самой сердцевине своего сознания, своей сути.

— Теперь же, — вновь заговорила Творец, — души-гости, для вас открою безопасный путь в ваш мир, — тут она будто всмотрелась вдаль, — занятный и небезынтересный. И на прощание скажу: до новых встреч.

— До новых встреч! — хором отвечает наша компания.

Внутри сознаний каждого из нас нечто вспыхивает неярко и завораживающе всецветно, и мы покидаем приютивших нас местных и столь необычный мир.

Когда затихают последние слова мастера, за столом воцаряется благоговейная пауза, которая вскоре взрывается вихрем благодарностей, высказываемых друг другу наперебой.

По завершении бури эмоций и восторгов, после воспоминаний об особо удавшихся моментах, мастер вновь берёт слово:

— Наверняка вам всем интересно узнать, что же случилось после? Итак, трое тёмных и драконица, принявшая облик Алуринель, были выведены Демиургом из комнаты управления, воспоминания о последнем часе ей удалось аккуратно заменить на что-то героически нейтральное с мотивами изгнания Морланы самолично командой и Эрром Первым.

Благодаря великим силам Хранительницы всем удалось спокойно выбраться с Хойд-Оргила, восстановив маяк телепорта. Ну а дальше была помолвка Эны и братьев-принцев-оборотней, состоявшаяся во второй день осени.

Сиятельная Алуринель, почти неотличимая от оригинала — лишь прихотливо меняющийся цвет глаз выдавал порой её истинную сущность — и Владыка Эрр сыграли-таки свадьбу в назначенный срок, причём таких масштабов, что для торжества эльфам светлым и тёмным пришлось даже отстроить небольшой городок на границе Светлого Леса и Тени Великих Гор, в котором гуляния длились дюжину дней.

Его Высочество, мастер Энн, третий своего имени, продолжил готовиться к наследованию Трона Подземья и развивать усвоенный от Кости подход к созданию заклинаний.

Дважды бастард Таор, полудемон-полуэльф, легко заполучил назад свою серьгу, отыскав её около Малой Усадьбы светлоэльфийской принцессы, но разумно не стал носить каплю огня Бездны вплоть до полноценного и всестороннего изучения своевольного украшения. От своей цели занять трон Домена Пламени он так и не отказался, посвятив всего себя планомерному росту личного могущества, которое однажды непременно приведёт его к вершинам славы и власти.

Больше книг на сайте - Knigoed.net